

Артём
Наан

ЭХО
ЖИЗНИ

Саратум, столичная планета практически самого отдалённого космического сектора человеческих колоний, утопает в удушающих промышленных выбросах, в то время как сильные этого небольшого мирка, в тщетных попытках предотвратить неизбежные энергетический и ресурсный кризисы, пытаются возродить к жизни сердце колонии, огромное технологическое диво — подземный лабораторный комплекс самих Аристариев!

На самом дне жизни при этом тихо влачат своё жалкое существование главные герои, пытаясь выжить, крутятся в бесконечных крысиных бегах, в тщетных попытках увернуться от безжалостных корпоративно-капиталистических жерновов. Волею судьбы герои вовлечены в водоворот событий, оказывающих непосредственное влияние на целый космический сектор. Впереди их ждут радости и страдания, удачи и разочарования, победы и горькие поражения — вопрос в том, смогут ли они выжить и всё же остаться людьми.

Глава 1 Новые горизонты

Когда-то очень давно, когда человечество было ещё молодо и жило отважно, великие умы, ведомые мечтами о покорении бескрайнего космоса, достигли апогея своего развития — они создали невероятные двигатели, способные отправлять космические корабли далеко в пучину неизвестности космоса. Это был триумф человеческого величия. В те далёкие времена казалось, вся галактика пела гимны технологическому гению людей и слагала оды, воспевая отвагу первопроходцев, покинувших свою обитель, чтобы найти новое счастье там далеко, среди неизвестных звёзд.

Больше пяти столетий минуло с той далёкой эпохи. Колонизация Марса выявила в недрах этой холодной, чуждой и безжизненной планеты уникальное удивительное вещество — слемний. После долгой и сложной обработки эти хрупкие розоватые кристаллы образовывали субстанцию, позволяющую влиять на гравитацию. Это открытие перевернуло весь тогда ещё небольшой человеческий мир. Десятки тысяч мечтателей, инженеров и учёных днём и ночью принялись трудиться, дабы обуздать эти новые уникальные возможности. Всего пара десятилетий потребовалась, чтобы лучшие умы людей смогли создать первый в своём роде гравитационный слемниевый двигатель. Хитроумное устройство позволяло создавать особое поле, практически до нуля уменьшающее вес заключённого в него материального тела. Огромные тяжёлые космические ракеты, большую часть массы которых доселе составляли лишь топливо и окислитель, внезапно смогли обладать весом пёрышка.

Более того, гравитационное поле оказалось податливым и послушным, хитроумный двигатель мог даже инвертировать часть этого поля, создавая петлю со своего рода отрицательной гравитацией, обеспечивая будто бы разность потенциалов, приводя в движение огромные космические корабли. Новый физический принцип открыл для человечества физику гравитации, изменяя, дополняя и попирая многие законы, ранее считавшиеся незыблемыми.

Среди первых поправленных законов физики оказалась скорость света. Ранее недостижимая, незыблемая, неизменная физическая величина мягко, будто бы смущаясь, отошла в сторону, отворив перед первооткрывателями возможность движения со скоростью, превосходящей скорость света. Колонизация звёзд наконец-то перестала быть несбыточной мечтой и превратилась в реальность.

Далёкие, холодные, сверкающие тысячами разноцветных огоньков звёзды открылись для смельчаков с новой стороны. Теперь звёзды стали ласковыми сиренами, зовущими к себе космических моряков непреодолимыми голосами. Сотни экспедиций, целые космические флоты стали формироваться на многочисленных орбитальных и наземных верфях. Объединения мечтателей, мощнейшие тоталитарные государства, мегакорпорации — все они, подхваченные космической лихорадкой, принялись наперегонки жертвовать всеми своими ресурсами, лишь бы оказаться в числе первых счастливицев, сумевших сорвать самые лакомые плоды со звёздного небосвода. Один за другим космические колонизационные корабли устремились в пугающую темноту космоса, словно крохотные насекомые, летящие на ослепительные манящие огоньки далёких звёзд.

За первые два с половиной столетия колонизации космические колонисты достигли и основали первые внеземные человеческие колонии в нескольких сотнях ближайших звёздных систем. Четыре огромных рукава мягкой тени легли на близлежащий к Земле космос. Четыре космические фракции образовались в результате космической гонки, когда единая раса людей превратилась в сотни колоний, раскинутых по неизвестным, удивительным и пугающим планетам.

Все глобальные распри, противоречия и конфликты постепенно сошли на нет. Каждое человеческое объединение отхватило от космического пирога столько, сколько смогло уместиться в их прожорливых зубастых пастьях. Будто колоссальные жадные толстяки, каждое из четырёх объединений принялось самодовольно пережёвывать всё новые нескончаемые ресурсы, лениво поглядывая друг на друга.

Одним из четырёх объединений, среди первых отхвативших под своё влияние значительный участок космоса, оказался союз, образованный объединением земных мегакорпораций. Новый экономический гигант стал именовать себя Аристарии. В течение двухсот пятидесяти лет экспансии этот технологический и экономический гигант сумел расширить своё влияние на 132 звёздные системы. На этом колонизационное расширение остановилось. Образовались новые космические столицы, новые административные и экономические центры, десятки планет стали стонать под нестерпимой агрессивной добычей всё новых полезных ископаемых. И самым главным, самым желанным, самым сладостным угощением на этом космическом столе, конечно же, стал слемний — единственный источник, позволяющий сохранять централизацию и единое управление всей этой невероятной экономической машиной.

Столетия сменялись столетиями, минули пять веков, возвещающие о тех давних временах, когда человечество смело шагнуло за предел, открывая для себя всё новые горизонты нескончаемого космоса. Некогда могучие Аристарии стали постепенно прогибаться под своим собственным весом. В бескрайнем космосе ресурсов

оказалось не просто много, их количество начало казаться бесконечным. Всё ленивее начало становиться централизованное управление, всё меньше стало образовываться новых колоний, к несчастью, всё алчнее начали становиться правители рядовых колоний.

Около пятисот лет назад, в середине эпохи расселений, космические корабли Аристариев распространили своё влияние ещё на четыре звёздные системы на окраине своих владений. В этих звёздных системах оказались четыре планеты, пригодные для колонизации. Саратум, Лигра, Пентал и Канья — четыре небольшие планеты, на каждой из которых были обнаружены залежи слемния — единственное лакомство, всё ещё возделенное для могучих Аристариев. Около трёхсот лет продолжалась добыча этого минерала, покуда его запасы на этих планетах практически не истощились, после чего Аристарии ушли, оставив бремя заботы о своих новых колониях на откуп местным губернаторам. Конечно же, связь с центральным управлением Аристариев всё ещё оставалась, главным образом на Саратуме — главной среди четырёх планет. Однако с «большой землёй» Саратум теперь разделяло расстояние полутора лет сверхсветового полёта. Лишь изредка, раз в пять-семь лет, Аристарии посылали на Саратум свои космические корабли с торговыми, административными и прочими миссиями, чтобы поддерживать свою власть и влияние, торговать, а иной раз и подчинять свою дальнюю чужбину. В остальное же время все четыре планеты под управлением локальной власти Саратума были предоставлены самим себе.

Пока запасов слемния на четырёх планетах сектора было вдоволь, всё было хорошо. Проблемы локального характера начались, когда запасы минерала стали истощаться. Аристарии, осуществлявшие единое мощное централизованное управление, потеряли интерес к этому уголку космоса и ушли. Оставшиеся без могучего надзора колонисты принялись выяснять, кому теперь принадлежит этот удалённый от всего человечества сектор пространства.

Постепенно образовались четыре враждующие группировки, претендовавшие на владение сектором. Разгорелись ожесточённые противостояния локальных корпораций за контроль над оставшимися залежами слемния. В течение тридцати лет случились две полномасштабные войны, окончание которых пришло вместе с окончательным истощением запасов слемния на трёх планетах из четырёх. Лишь на Саратуме остались последние крохи, обеспечивающие локальное сообщение и логистику между четырьмя колониями. Постепенно воевать стало не за что, и все четыре группировки сложили оружие и объединились в Конгломерат, который и стал осуществлять локальное централизованное управление на всех четырёх колониях. Наконец настал мир. Само собой, в самом низу пищевой цепочки локальные группировки продолжали свою мелочную грызню, но на самом верху лидеры фракций принялись поддерживать хрупкий баланс, учитывая интересы друг друга, непрестанно наблюдая, кто первый даст слабину.

Глава 2 Локальные проблемы

Яркая, слегка зеленоватая звезда взошла над горизонтом Саратума, резко пронзив своими изумрудными лучами облака смога и дыма, клубами собирающиеся в нижних слоях атмосферы. Солнце Саратума на самом деле не было зелёным, оно было скорее ярко-салатовым, изумрудный отблеск его лучам давали множественные испарения и выбросы сотен тысяч промышленных предприятий, покрывавших добрую треть обжитой поверхности планеты.

Когда-то давно, лет пятьсот назад, когда Аристарии только открыли на Саратуме залежи слемния и принялись колонизировать эту планету, она была зелёной, тундровой, болотистой планеткой, размером на треть меньше колыбели человечества. Изначально атмосфера Саратума была богата кислородом и была великолепно пригодна к проживанию колонистов. К несчастью для её жителей, за пять столетий планета превратилась в истлевающий погибающий мир, окутанный промышленным смогом и токсичными выбросами промышленных центров и гигантских перерабатывающих заводов. Экология на Саратуме постепенно перешагнула ту пугающую черту, за которой жизнь обычного колониста сократилась до смешных шестидесяти или даже пятидесяти лет, в то время как на территории центральных миров Аристариев люди уже научились жить до ста десяти или даже ста двадцати лет.

Саратум был единственным полноценным промышленным центром, аккумулирующим и перерабатывающим ресурсы со всех остальных трёх планет сектора. В ходе истории Саратум стал экономическим промышленным и торговым центром, объединившим под своей пятой все местные колонии людей.

Заря быстро занялась: не прошло и десяти минут, как яркая звезда уверенно возвысилась над горизонтом. Сутки на Саратуме составляли всего лишь девятнадцать с половиной стандартных часов. Пронзительные зелёные лучи осветили задыхающийся город, открывая новому дню множество сероватых заводов, огромных дымящих труб и дорожных эстакад. Яркий неожиданный янтарный отблеск пронзил скучную сероватую дымку. Лучи солнца резкой вспышкой отразились от мчащегося на огромной скорости кортежа из восьми гравитационных яхт. Они летели высоко над промышленными районами, играючи лавируя между лесом выхлопных промышленных труб. Черные зеркальные поверхности технологически совершенных транспортных средств неестественно выбивались на фоне общей серости промышленных районов. Гравитационные яхты явно принадлежали кому-то весьма важному — лишь самым верхним чинам Конгломерата было разрешено перемещаться в верхних транспортных эшелонах.

Это был кортеж лидера одной из сильнейших группировок Конгломерата. Основатели, как они себя называли. Им принадлежала планета Саратум, и именно их лидеры изначально, около сотни лет назад, предложили прекратить уже ставшие бессмысленными войны и объединить враждующие группировки.

На огромной скорости их восемь гравитационных яхт пронесли над раскинувшимися на сотни километров промышленными районами и влетели в столичный центр. Яхты мягко сбросили скорость. Унылая серость промышленных зданий сменилась на стройные, геометрически совершенные ряды небоскрёбов, каждый из которых представлял собой законченное художественное архитектурное произведение, напоминающее огромных технологических исполинов из металла, стекла и пластика, на сотни метров возвышающихся над поверхностью.

Кортеж пересёк границы внутреннего города, где содержались административные центры всего звёздного сектора. Колоссального размера окружность многоуровневой эстакады разделяла внутреннюю и внешнюю части огромного города. Гигантские небоскрёбы внутреннего города существенно возвышались даже над самыми высокими небоскрёбами всего остального города. Они казались и вовсе гигантскими, на километры устремляющимися ввысь. Все остальные здания на фоне этих колоссов выглядели чахлыми кустарниками, теряющимися под сенью исполинских вековых дубов.

Все строения внутреннего города были воздвигнуты ещё технологическим гением архитекторов Аристариев. Уникальные совершенные материалы и технологически невообразимо точные архитектурные структуры были за пределами способностей и понимания жителей и специалистов Саратума. К счастью для них, колонизационные технологии Аристариев предназначены для автономного существования веками, без необходимости обслуживания и ремонта. Это всё настоящее совершенство, воплощённое в уникальных сплавах металлов, знаний и технологий.

Гравитационные яхты полностью замедлили свой ход и неспешно коснулись приёмных врат причальной платформы. С лёгким звуком затворов работающих пневматиков сдвинулись в стороны слайдерные двери, открыв ослепительное изысканное белое внутреннее убранство транспортных средств. С ровных выдержанных рядов белых кресел лениво поднялись сильные мира сего. Высокие широкоплечие мужчины вальяжно вышли на причальную платформу. Вслед за ними вышел лидер Основателей.

Он подошёл к поручням и взглянул на простирающийся до горизонта город. На его глянцевах очках отразилась просторная зеленоватая панорама тысяч разнообразных небоскрёбов и ещё большего количество магистралей и эстакад. Вдалеке на горизонте виднелась яркая звезда, множеством лучей пронзающая облака и

туман над промышленным районом.

Человек откашлялся. Воздух даже на высоте нескольких километров от поверхности земли и в десятках километров от промышленных районов всё равно еле заметно щипал гортань и носоглотку. Большинство лидеров Основателей жило далеко на юго-западе, в просторном заповедном участке Саратума, пожалуй, в единственном оставшемся месте на всей планете с практически полностью экологически чистым воздухом.

Человек брезгливо поморщился и жестом указал своей свите следовать внутрь монументального здания. Вся группа охотно повиновалась. Отворились широкие металлические двери, практически беззвучно скрывшись в стене здания. Платформу осветил мягкий белый свет. За дверями уже ждали четыре белокурые девушки в белоснежных костюмах и с причёсками в стиле «горшок». Девушки смиренно поклонились и жестами пригласили всю группу проследовать внутрь. Через минуту на платформе уже не осталось никого.

Минуя один за другим просторные залы и протяжённые коридоры, лидер Основателей не торопясь прошёл в огромное помещение, в центре которого располагался длинный прямоугольный стол. Он нарочито медленно спустился по хромированной лестнице с зеленоватыми стеклянными ступенями, подошёл к столу и занял единственное свободное место во главе стола. На него лениво уставилось семь пар глаз.

— Благодарю, что вы все собрались сегодня на нашу встречу, — неспешно начал лидер Основателей. — Я вижу среди нас троих лидеров группировки Трепалов и двоих из лидеров Немых. Однако меня удивляет, что лишь двое лидеров из фракции Адвентов почтили нас своим присутствием, — лидер основателей недовольно уставился на двух людей справа от себя. Зал погрузился в недолгое напряжённое молчание.

У каждой фракции и группировки из присутствующих была своя богатая и сильная история возвышения, в результате которой каждая из них заняла своё лидирующее положение.

Группировка Трепалов была самой жестокой и отбитой среди всех остальных. Их родным миром была планета Лигра — пустынный мир, на котором происходила добыча восьмидесяти процентов всех полезных ископаемых, потребляемых на всех планетах сектора. Их название следовало из бесчеловечной традиции отсекал пальцы тем из них, которые допускали ошибки, проваливали важные задания или другими способами разочаровывали своих вышестоящих руководителей. Для них это членовредительство было не только наказанием, но и актом восстановления справедливости. Обычно, если какой-то высокопоставленный руководитель фракции Трепалов имел на обеих руках все десять пальцев, это свидетельствовало о небывалой удачливости и непревзойдённом профессионализме. Этот представитель группировки никогда не разочаровывал своих руководителей. Напротив, если на руках Трепала было только по три больших пальца, это означало, что этот представитель уже не мог претендовать на какие бы то ни было существенные статусные позиции. Своими бестолковыми действиями он уже всем показал, что серьёзную работу ему доверять нельзя. Вдобавок представители этой группировки использовали серьёзные военные стимуляторы, из-за действий которых оставшиеся пальцы немного удлиннялись и становились массивнее и мускулистее, компенсируя отсутствующие пальцы.

Группировка Немых также базировалась на планете Лигра. Это была самая малочисленная и закрытая из лидирующих группировок. Они были главными конкурентами Трепалов, однако их технологический уровень существенно превосходил остальные группировки и фракции сектора. Их козырем было некоторое количество найденных древних технологий Аристариев, в которых они так и не разобрались, но которые смогли заставить работать, что дало им существенное преимущество над конкурентами. Их название проистекало из-за глупой, на первый взгляд, особенности: около сотни лет назад, ещё до второй войны корпораций, они выдумали свой собственный сложный язык, в котором вербальное повествование было сопряжено с большим количеством еле уловимых для окружающих знаков и жестов. Все остальные люди сектора общались на одном унифицированном языке.

Третья группировка, вернее, полноценная фракция — Адвенты. Самая многочисленная фракция, хотя ничем особенно не примечательная. Представители этой фракции делали свою ставку на экономическое влияние. Под управлением этой фракции находилась планета Пентал — единственная сравнительно экологически чистая планета, обеспечивающая продовольствием все остальные планеты сектора. Среди негативных факторов же можно было отметить то, что у фракции Адвентов была самая слабая организационная структура, в результате чего эта фракция обычно предпочитала всеми силами избегать агрессивных военных столкновений. Остальные группировки и фракции по праву считали Адвентов трусливыми и продажными, однако с ними приходилось считаться, поскольку, даже если у Адвентов не было столь мощных и острых зубов, остаться на долгое время без снабжения было весьма неприятной ситуацией для любой фракции.

— Мы выражаем... сожаление... что остальные двое наших лидеров не смогли сегодня присутствовать. Мы уполномочены говорить от их имени, — хриплым тихим голосом прервал молчание один из лидеров Адвентов.

— Вы, Адвенты, опять принялись за передел правления, не так ли?! — с явным ехидством звонким голосом прервал Адвента лидер Немых. — Адвент скорчил улыбчивую гримасу и неспешно ответил:

— А то как же! Двое наших братьев наконец закончили коптить нашу просторную планету! — Адвент звучно

засмеялся, его смех охотно поддержали лидеры Немых.

— Такими темпами вы перебьёте друг друга раньше, чем до вас доберёмся мы, — угрюмо пролепетал один из лидеров Трепалов. Задорная улыбка мгновенно сошла с лица Адвента, выражение его лица стало агрессивным и озлобленным, он перевёл взгляд на Трепала, выдержал паузу и продолжил:

— Выживает сильнейший! Вы лучше других это знаете, Трепалы, — на слове «Трепалы» Адвент сделал презрительный акцент. — Но ты, мой друг, можешь не переживать: моя фракция сейчас сильна как никогда и с нашим новым правлением стала только сильнее и сплочённое, — Адвент пронзительно уставился прямо в глаза Трепала, его взгляд стал мертвецки холодным, и вновь через паузу он произнёс: — Приходите, попробуйте, каковы мы в деле.

Повисла напряжённая пауза. Казалось, что лидеры Трепалов и Адвентов вот-вот набросятся друг на друга как безжалостные хищники. Трепал улыбнулся и произнёс:

— Сила в победе!

Адвент улыбнулся своей некрасивой гримасой и, довольный, хотел было что-то ответить, но Основатель их перебил:

— Я прошу Вас, лидеры, давайте к делу, — он устало привстал, все уважительно перевели на него взгляд. — С Вашего позволения... — Основатель окинул всех взглядом и прикоснулся к чёрной панели, выделяющейся на фоне белоснежного стола. В центральном отверстии стола заработали голографические проекторы, освещение в зале слегка приглушилось, все собравшиеся сконцентрировали своё внимание на появившейся информации. Лидер Основателей продолжил:

— Теперь уже бесполезно отрицать, энергетический кризис Саратума достигает апогея, не пройдёт и пятидесяти лет, как мы уже не сможем удовлетворять все наши нужды. Запасы ископаемого топлива постепенно подходят к концу. В связи с экологической обстановкой возобновляемые источники энергии остаются... сомнительными... а поскольку вряд ли мы сможем договориться о равноправном распределении ресурсов и соблюдении мер экономии, то нашим единственным вариантом остаётся лаборатория. Вам всем это известно, но я напомним, что восемьдесят лет назад, в финале второй корпоративной войны, разведчики Объединения обнаружили тут, на Саратуме, секретную лабораторию Аристариев. Уже пятьдесят лет прошло с той поры, как мы открыли нашу находку Конгломерату, с той поры мы неустанно трудимся над тем, чтобы активировать эту древнюю технологию.

— Учёные, которых мы предоставили Вам, так и не смогли добиться результатов? — вклинился в доклад Основателя лидер Адвентов.

— Нет. Совместными усилиями мы пока лишь смогли проникнуть за внешний периметр лаборатории. Мы нашли там огромное устройство, своими контактами пронизывающее, как мы предполагаем, все участки лаборатории, а может даже и ещё не разведанные структуры по всему Саратуму.

— Но вы так до сих пор же не выяснили предназначение лаборатории?! — с некоторым недовольством спросил Трепал.

— Да, доподлинно нам всё ещё не известно, какое истинное предназначение лаборатории, но наши учёные убеждены, что она способна вырабатывать огромное количество энергии. Задействование этой древней технологии Аристариев позволит нам решить все наши энергетические проблемы, — Основатель сделал паузу, уставившись на Трепала.

— Мы же уже предоставили Вам наших лучших криптовальщиков. В чём же до сих пор проблема? — флегматичным голосом спросил один из лидеров группировки Немых.

— Потуги Ваших специалистов остались безрезультатны. Мы вот уже десять лет пытаемся различными способами заставить лабораторию функционировать. Её строение, как и защитные механизмы, слишком сложное. В итоге мы убеждены, что единственный шанс — найти утраченный ключ активации. На данном этапе мы уже абсолютно уверены, что это сложное устройство способно пробудить всю лабораторию.

— И что же предлагают теперь Основатели? — похоже, просто для приличия флегматично спросил лидер Немых.

— Забудем прошлые склоки и обиды, мы предлагаем всем нашим группам, вплоть до самых низших шестёрок, объявить охоту за наградой. Пусть каждая рядовая группировка загорится желанием отыскать ключ. Дадим им примерные характеристики, пусть роют землю. Не важно, чья фракция в результате найдёт ключ — мы все окажемся в выигрыше. Пусть лучше шестёрки роют землю, чем будут и дальше рвать друг другу глотки.

— Абсурд! Наши рядовые группировки всегда будут и должны конкурировать друг с другом. Победа возможна только через силу! Да, наши гончие открыто грызутся даже между собой, а любого из ваших фракций они готовы проглотить целиком! — возмущённо и даже слегка агрессивно возразил Трепал.

— Я не предлагаю прекращать конкуренцию: пусть в погоне за наградой они хоть все друг друга переубивают. Главное, чтобы ключ был найден и доставлен в наши руки! Это сейчас самое важное. Киньте клич. Мы все должны

вместе кинуть клич о поиске! — Основатель явно начал терять терпение.

— Я скажу да. Подготовьте минимальную техническую информацию, мы готовы распространить призыв среди нашей фракции, — спешно вклинился в разговор лидер Немых.

— Мы поддержим фракцию Основателей, но с условием, что в итоге доступ в лабораторию будет равным для всех! — отозвался лидер Адвентов.

— Даю Вам моё слово. Независимо от того, чья фракция в итоге найдёт ключ, мы все пожнём плоды, когда активируем лабораторию, — с энтузиазмом ответил Основатель. Все перевели взгляды на лидеров Трепалов.

— Обложили со всех сторон! — еле заметно пробухтел один из Трепалов. — Ладно! Хрен с вами всеми! Наши гончие в деле! Мы распространим призыв наравне со всеми остальными!

— Основатели готовят обращения ко всем группировкам и фракциям в секторе. В течение недели вы всё получите, — довольным голосом проговорил лидер Основателей. — Засим позвольте откланяться.

Лидеры фракций учтиво приклонили головы, лидер Основателей также неспешно слегка склонил голову в лёгком поклоне, после чего удалился из зала собрания. Остальные лидеры фракций ещё оставались на своих местах, попеременно то перекрикивая друг друга, то успокаиваясь и спокойно выслушивая.

Лидер Основателей уверенно шёл через просторные белые залы монументального древнего здания Аристариев, ближе к выходу обратно на причальную платформу он на мгновение остановился и обернулся в каких-то своих размышлениях, вглядываясь в пустые коридоры за спиной.

— В лабораторию! — холодно скомандовал он. Несколько человек покорно поклонились и спешно направились к припаркованным на платформе гравитационным яхтам. Лидер Основателей ещё немного постоял, о чём-то размышляя, и тоже стремительно направился к своему транспортному средству. Через пару минут все восемь яхт уже умчались, удаляясь к горизонту далеко на север от монументальной штаб-квартиры Конгломерата.

Менее чем через час гравитационные яхты кортежа уже сбрасывали скорость и опускались в просторное военное поселение за двести километров от внутреннего города. Зеленоватая звезда была уже в зените, её яркие лучи отражались от зеркальных чёрных полированных глянцевого угловатых поверхностей транспортных средств. Кругом была полумёртвая пустыня: видимо, на этой территории многие сотни лет происходили выбросы промышленных отходов. Целые цепи чёрных и серых холмов поблёскивали в зеленоватых лучах солнца. Кое-где дымились небольшие пожарища. В самом центре этого урбанистического пейзажа располагалась огромная по площади огороженная территория, террасами зарывающаяся на сотню метров в землю. Много лет назад тут под землёй была обнаружена лаборатория Аристариев, после чего её наверх бережно откопали и облагородили подъезды. Гравитационные яхты приземлились прямо напротив входа в подземный бункер лаборатории. На поверхности красовался монументальный металлический холм зелёного оттенка, будто кусок какого-то огромного агрегата, бережно покрытого толстыми скруглёнными листами из неизвестных сплавов металлов.

Сам вход был весь почерневшим, с множеством неглубоких царапин и борозд. Было очевидно, что, перед тем как найти возможность открыть створки дверей бункера цивилизованным способом, кто-то пытался взрывать, прожигать, ломать, пилить, резать, плавить и, вероятно, даже прогрызть двери и стены бункера. Смехотворность нанесённых повреждений говорила о тщетности подобного подхода. Судя по всему, даже самое совершенное оружие Конгломерата оказалось едва ли способным нанести существенные повреждения броне бункера.

Яхты приземлились, посадочные ворота бережно приняли и закрепили транспортные средства, к слайдерным дверям бесшумно подъехали трапы. Двери отворились, и пассажиры спешно повылазили на просторную площадь. Несколько человек обступили лидера Основателей, к ним спешно подбежали вооруженные люди, они перемолвились о чём-то, и вся группа стремительно отправилась к входу в бункер.

Лидер Основателей уверенно вышагивал в окружении своих подчинённых, он старался идти достаточно быстро, однако вход в бункер всё едва-едва приближался к нему. Вход был в самом деле огромным. Вероятно, целый небольшой космический корабль смог бы протиснуться сквозь эти огромные створки. Через пару минут вся группа скрылась внутри. Они зашли на просторную рампу, и вся платформа медленно устремила по пологому жёлобу глубоко под землю.

Была вполне очевидна технологическая разница между техническими средствами Конгломерата и оригинальными элементами Аристариев. Все устройства и механизмы Конгломерата казались неказистыми, даже в чём-то примитивными на фоне фундаментальных разнообразных шарниров, рядов кабелей и наплывающих скруглённых металлических щитов бункера Аристариев. Вся монументальная структура вокруг, казалось, была единым технологическим произведением: никаких пустых пространств, лишних стыков или щелей — все технические элементы конструкций были идеальным образом подогнаны друг к другу.

Основатель завороченно разглядывал стены наклонного жёлоба, по которому спускалась платформа, его взгляд упал на перила. Их уже слегка начала разъедать коррозия. Основатель перевёл взгляд на ровный ряд металлических блестящих толстых труб, видневшихся на стене. На них не было ни намёка на коррозию.

— Любопытно, как же Аристарии смогли добиться такой стойкости металла? — прозвучал немой вопрос в

голове лидера Основателей.

За всеми этими размышлениями платформа опустилась до конца жёлоба. Рампа пододвинулась, и вся группа отправилась внутрь бункера. Подъехали небольшие комфортабельные машины, все заняли места, и транспорт быстро двинулся вглубь бункера.

Один за другим проплывали просторные помещения и коридоры. Каждый из них чем-то отличался от предыдущего. Один практически полностью был заполнен горизонтальными металлическими блестящими каналами, в другом же все стены были бережно прикрыты металлическими панелями, в которых иной раз было даже невозможно разглядеть стыки. Машины въехали в помещение, в котором располагались большие технические устройства с небольшими экранами. Из общей стилистики выбивались лишь лампы освещения, бережно расставленные работниками Конгломерата по всему пути движения. Все эти лампы создавали какую-то дисгармоничность, освещая всё внутреннее убранство бункера каким-то противоестественным светом. Высоко под потолком виднелись, вероятно, панели, которые как раз должны были бы освещать бункер в случае активации лаборатории. Но на данный момент все они были мертвы.

Через пару минут поездки машины остановились перед небольшой, по меркам бункера, открытой дверью. Группа спешно вышла и направилась внутрь. Им пришлось пройти через несколько рядов открытых створок и через несколько залов, в которых сидело множество вооружённых представителей всех фракций.

Со всех сторон через стены были протянуты толстые металлические каналы. Было очевидно, что все питающие линии ведут к этому месту. Или из него... На фоне всего технологического убранства выделялся один уродливый толстый хромированный кабель в металлической сетчатой оплётке, небрежно валяющийся на полу. Через этот кабель учёные Конгломерата смогли запитать базовые узлы лаборатории и обеспечить хотя бы открытие защитных створок.

Лидер Основателей вошёл в главный зал. В центре зала красовалась неведомая конструкция с множеством контактов, тянущихся к центральной части конструкции, в которой явно не хватало какого-то устройства, вероятно, цилиндрической формы. Множество ламп вокруг слепило и мешало сфокусироваться, создавая десяток различных теней от всех элементов.

Группа подошла к центральному агрегату. Под всем этим освещением этот приёмный механизм напоминал морду какого-то неприятного насекомого с множеством разнообразных неказистых жвал, нацеленных в одну центральную точку. Все каналы питания, все технологические элементы стремились к этому одному центральному гнезду.

— Переговоры прошли успешно, господин? — учтиво и улыбочиво спросил какой-то подошедший старик.

— Да... Вполне. Мы всё обсудили и пришли к единственно верному решению, — задумчиво ответил лидер Основателей, продолжая разглядывать сердцевину агрегата. — Вы всё подготовили? — спокойно и мягко спросил он.

— Более чем. Мы интерполировали все возможные варианты геометрии ключа, базируясь на всех элементах приёмного механизма. Мы составили примерные вариации внешней конфигурации устройства, — учёный, явно довольный собой, махнул рукой помощникам, и они подкатили к группе стойку с монитором, на котором было приведено множество вариантов практически идентичных агрегатов. Основатель перевёл взгляд на монитор и сразу ответил:

— Да, отлично, молодцы, хорошая работа! Упакуйте всё в послание, как мы говорили, и подготовьте всё к рассылке, — лидер махнул рукой в сторону монитора и вновь принялся разглядывать технологическое диво. Учёный завис в замешательстве. Было очевидно, что он ожидал, что самый большой босс соизволит вникнуть в детали происходящего и выберет из множества представленных вариантов верный. Ну, или, по крайней мере, наиболее подходящий его вкусу.

— У меня тут... В общем, могли бы вы? — нерешительно начал мямлить что-то учёный, пытаясь вновь обратить внимание лидера Основателей на монитор.

— Ну что вы тут опять копаетесь?! Я же сказал: пакуйте всё и готовьте рассылку! Что вам опять не ясно?! — с явным недовольством ответил «самый большой босс», не желая отвлекаться от своего занятия.

— Ну, я... Хорошо, мы сейчас же всё подготовим! — учёный вновь замаялся, замахал руками на своих помощников, и все они скрылись за кучей оборудования. Через пару минут учёный вернулся, неся в руках несколько карт памяти. Он протянул их лидеру Основателей. Лидер нехотя отвёл взгляд от монументального агрегата.

— Ну наконец-то! Отлично, давайте сюда! — он небрежно стрёб в руки карты памяти, взял в руку одну из них и вставил в свой портативный планшет. На экране высветилось сообщение. Лидер Основателей быстро пробежался по нему глазами и удовлетворённо кивнул головой, после чего, не говоря более ни слова учёному, решительно отправился к выходу. Тот лишь остался провожать своего хозяина нерешительным взглядом.

Лидер Основателей стремительно вышел в следующее помещение, в котором находилось около двенадцати

разнообразных вооружённых мордоворотов со всех группировок Конгломерата. Судя по знакам отличия, все они были в званиях, аналогичных полковникам или подполковникам — словом, практически верхушка исполнительной власти группировок Конгломерата. Они почтительным поклоном отреагировали на его появление. Лидер не удостоил их ответным поклоном или даже кивком, он лишь небрежно бросил им на стол четыре карты памяти и произнёс:

— Конгломерат пришёл к согласию! Работайте! — после этих грубых, в чём-то даже презрительных слов лидер Основателей спешно покинул помещение, даже не дожидаясь реакции. Мордовороты принялись собирать карты памяти и спешно засовывать в свои планшеты, жадно поглощая каждый появившийся символ.

— Значит, они всё же решились! Никогда бы не подумал, что наши биг-боссы когда-нибудь о чём-то смогут вместе договориться! — с ехидной улыбкой начал один, из фракции Адвентов.

— Ну, похоже, они всё же в самом деле уверовали в эту непонятную древнюю хрень! — подхватил второй, из фракции Основателей. — Как думаете, на кой всё же нужна вся эта лаборатория?

— Это сто пудов оружие! Иначе никак! И на вершине будет тот, кто первым им завладеет! Зуб даю! — мерзко прищмокивая, самодовольно выпалил третий, из фракции Трепалов.

— Не-е-е, наверняка эта штука откроет нашим хозяевам доступ к технологиям Артистариев! Иначе и быть не может! Вы только поглядите, какое тут всё навороченное! — вмешался уже четвёртый, из фракции Немых.

Все двенадцать ещё некоторое время делились своими соображениями, одно зазорнее и фантастичнее другого. Кто-то был даже убеждён в том, что это огромная бомба и стоит только засунуть в неё ключ, планета сразу будет взорвана. Остальные подняли его на смех. Пока шло обсуждение, один из командиров Основателей неспешно отошёл в сторону, к группе своих подчинённых.

— Мы получили команду. Я хочу, чтобы главный приз был наш. Наша ветка во что бы то ни стало должна отыскать этот древний артефакт! — в полголоса начал он, передавая карту памяти подчинённому.

— У нас всё готово: я уже подобрал наших людей, которых мы сможем полностью контролировать, — также в полголоса ответил подчинённый, после чего спешно удалился из лаборатории.

В течение следующей недели все средства массовой информации всех фракций наперебой трезвонили о всеобщей для всех задаче. Каждая фракция старалась как могла замотивировать своих подопечных ввязаться в погоню за ключом. Постепенно началась настоящая золотая лихорадка, многие группировки будто бы с цепи сорвались, принимаясь переворачивать каждый камень в секторе в поисках этого новомодного технологического «Грааля».

Весь этот ажиотаж держался несколько лет. Но за три года поисков никто так и не нашёл заветный ключ. Постепенно ажиотаж начал сходиться на нет. Стало понятно, что с наскоку решить эту головоломку не получится. Что придётся провести серьёзный вдумчивый анализ и сопоставление многих факторов, на что, как оказалось, не способно большинство мелких группировок, головорезов и мордоворотов.

Прошло почти три года с момента объявления награды тем смельчакам, которые окажутся способными отыскать столь вожаденный Конгломератом артефакт. Далеко на западе от центрального города Саратума, в одной из многочисленных военных частей Основателей происходил тяжёлый разговор. Тот самый большой полковник, который получил из рук самого лидера Основателей карту памяти с характеристиками артефакта, прохаживался по просторному, военно аскетичному, но при этом весьма функциональному помещению.

Вот уже двадцать лет просторный кабинет был мозговым центром, из которого этот высокопоставленный военный чиновник Основателей управлял по меньшей мере третью всех полицейских управлений Саратума. Через узкие толстые окна просачивался вечерний закатный свет зеленоватой звезды, принимавший к вечеру слегка бирюзовый оттенок. Последние лучи заходящего дня лениво освещали разнообразные мониторы, аккуратные шкафчики и рамки с многочисленными наградами, в изобилии покрывавшие большую часть стены. Хромированные металлические рамки поблёскивали испуганными маленькими звёздочками, едва заметно колыхавшимися от грузных шагов большого начальника.

Полковник раздражённо подошёл к большому голографическому столу, на котором были схематично изображены разнообразные территории всех четырёх планет Конгломерата. Он небрежно взял сенсорное перо и грубым движением зачеркнул на карте Пентала какое-то разрушенное строение. Весь участок карты сразу же стал блёклым и отполз на задний план. Два чиновника, бодро докладываящие что-то, еле заметно втянули шеи, один из них даже отпрянул назад на полшага. Они явно принесли своему большому начальнику неудовлетворительные новости, возможно, уже не в первый раз, и, вероятно, боялись его агрессивного недовольства их «успехами», но, вопреки ожиданиям, их начальник проявил сдержанность, хотя было очевидно, что он практически вне себя от раздражения.

— Итого мы потеряли уже пять серьёзных наводок! — полковник сдержанно выдохнул, опираясь на перила голографического стола. — Я доверил вам двоим руководство нашей непростой операцией, поскольку вы единственные вот уже десять лет ни разу меня не подводили! Успехи всегда защищали вас от наказаний, которыми я в изобилии награждал ваших прямых конкурентов. Я возвысил вас над всеми управлениями. И что теперь?! Уже пятый раз вы двое докладываете мне о провале операции? То вы выбрали глупых оперативников, то Немые каким-то чудом пронюхали про наши планы и перехватили наш приз! То вы не рассчитывали на засаду Трепалов! Может, мне на вашем примере напомнить остальным, что бывает с теми, кто осмеливается расстраивать Основателей?! — Полковник испытующе исподлобья взглянул на двух помощников, явно желающих слиться с окружением и максимально не отсвечивать. Внезапно один из них бодро произнёс:

— Я всё ещё лучший из Ваших управляющих. Никто, кроме меня, не способен справиться с поставленными Вами задачами. Кроме того я гарантирую личную лояльность и преданность более тысячи оперативников. И именно я всё-таки вырвал из лап Трепалов нашу главную зацепку! Я всё ещё способен обеспечить нужный Вам результат! — голос мужчины был бодр и уверен. Было очевидно, что он ходит по острию бритвы: весьма многие управляющие отправлялись в добывающие колонии, а то и куда подальше, и за менее вызывающее поведение.

Полковник испытующе поглядел на своего управляющего и еле заметно улыбнулся:

— Ты и вправду лучший из лучших. Да, это так... Но даже ты не избежишь моего гнева в случае ещё одного провала! Мне нужны результаты. В ином случае ваше существование для меня не имеет смысла, — полковник нажал пару кнопок на пульте управления, встроенного в голографический стол, через несколько секунд двери кабинета распахнулись и в помещение спешно зашли два рослых оперативника, с головы до ног закованные в высокотехнологичную чёрную броню. Полковник сделал еле уловимый кивок, и оперативники молниеносным движением схватили за руки и выволокли за дверь второго помощника. Бедолага практически не сопротивлялся: он было хотел что-то прокричать, как-то ещё оправдаться, но, очевидно, ничего из того, что он мог бы сказать, не поменяло бы решение полковника. Створки дверей вновь сомкнулись, жалкие тихие возгласы второго помощника смолкли. В кабинете вновь воцарилась пугающая тишина.

— Результаты, управляющий. Вот что важно. Вот ради чего мы все живём, — холодно, нарочито медленно, с самодовольной ухмылкой, растягивая слова, произнёс полковник, практически вплотную подойдя к управляющему. — Итак? — полковник вопросительно уставился прямо в глаза управляющему. Тот еле заметно сглотнул и через пару секунд всё так же бодро заговорил:

— Есть ещё несколько вариантов. Предыдущие события доказали, что в наших рядах утечка. Наши... оппоненты... вынюхивают каждый наш шаг. Мы более не должны прибегать к открытым методам. Нам следует сконцентрировать усилия на более аккуратных, но при этом более рискованных средствах, — управляющий что-то натоптал на планшете и протянул устройство полковнику, тот неспешно принял планшет и задумчиво стал анализировать предоставленные материалы.

— Маркус... Один из сержантов наших второстепенных оперативных подразделений? Вы его проверили?

— Да. Его родители всю жизнь прожили на Саратуме и были хорошими служащими Основателей. Каждый из них пытался сделать карьеру, но они не смогли добиться большего, чем выбиться из состава обычных рядовых служащих. Они были амбициозны, безгранично лояльны и вполне безжалостны к своим прямым конкурентам. В конце концов они смогли добиться внимания Основателей. Они даже были удостоены существенного улучшения жилищных, финансовых и политических условий. У них было двое сыновей. Они дали своим отпрыскам хорошее воспитание. Продолжая карьеры своих родителей, старший сын Маркус достаточно хорошо продвинулся по службе и удостоился звания сержанта.

— Ему сорок два года, и при всей своей амбициозности до сих пор сержант?! — с некоторым недоверием спросил полковник, поднимая взгляд на управляющего.

— Ну... он успешно управляет двумя подчинёнными группировками. Он целеустремлён, понимает, кому можно, а кому нельзя перебегать дорогу. Вероятно, слишком тщеславен, чтобы вести правильную заискивающую политику в отношении своих прямых хозяев. Поэтому его назначили управлять всего лишь второстепенными оперативными подразделениями. Начальники его явно недолюбливают. Но нам это лишь на руку. У него более чем достаточно свободы, чтобы действовать, не привлекая внимания. Кроме того, у него есть преимущество, явно выделяющее его на фоне остальных! Его брат владеет старым челноком, снабжённым гравитационным двигателем старой модели! Идеальный для нас расклад.

— Несколько раз пытался подняться по службе... взятки... связи с наёмниками... Хотя преданность на высоте, и ты прав, он в самом деле весьма целеустремлён. Хотя, очевидно, слишком честолюбив и, вероятно, недостаточно умен! Как ты собрался его контролировать?

— Этого не потребуется. Мы позволим ему получить доступ к некоторой части секретной информации и позволим проработать для нас самые многообещающие наводки. Он настолько мелкий и малозаметный, что никому и в голову не придёт следить за ним или его действиями. Если результаты будут положительны, он, как самый верный пёс, прибежит доложить о его личных успехах, если же он потерпит неудачу, то мы спустим на него всех собак и ничего не потеряем.

— Контроль?! — раздражённо повторил свой вопрос полковник, хмуря лоб.

— Он не потребуется, — всё так же аккуратно и уверенно повторил управляющий. — Этот мелкий сержант настолько заиклен на своём фанатичном продвижении, что он что угодно будет готов сделать за наши обещания. Его преданность обеспечивается его же честолюбием. Для всех окружающих это будет лишь набор мелких, ничего не значащих операций. Наши планы будут в полной безопасности.

— А младший брат? — полковник с недоверием вновь перевёл взгляд на планшет и недоверчиво поднял бровь.

— Полный неудачник. Не представляет никаких сложностей или опасности. Бездумный исполнитель, однако обладающий достаточными минимальными ресурсами для выполнения простых задач. Мы установим поверхностное наблюдение. Всё будет выглядеть так, будто группа самостоятельно нашла и проработала нужные нам зацепки. Наше участие потребуется лишь в финале и то только при успешном развитии событий.

— У этого сержантишки целая плеяда начальников. Это может составить трудности, — полковник вновь нахмурил брови и многозначительно задумался.

— Это его проблемы. Этот сержант полностью предсказуем. Уверен, получив такой огромный куш, он предпочтёт заявить о своём персональном успехе, чтобы максимально подняться лично, через головы всех своих прямых руководителей. Он принесёт результаты лично нам в руки.

— Они его живьём сожрут, — рассмеялся полковник. — Хотя, впрочем, это не важно. Проследи лично! — полковник посуровел и протянул планшет обратно управляющему. Управляющий на мгновение замешкался, после чего покорно принял планшет обратно.

— Я... повинуюсь, — в полголоса ответил управляющий.

Взгляды управляющего и полковника пересеклись. Управляющий немного неуверенно отвёл взгляд, учтиво поклонился и быстрым шагом вышел из кабинета. Полковник проводил взглядом свою преданную и в меру инициативную марионетку, самодовольно и широко улыбнулся и принялся что-то отмечать на своём большом голографическом столе.

Звезда Саратума была в несколько раз горячее и ярче земного Солнца, но при этом более чем в два раза меньше. Когда это небольшое светло-салатовое солнце достигало зенита, оно казалось просто очень яркой небольшой точкой высоко в сером задымлённом небе. Однако при всей своей малости и удалённости пекло в яркие солнечные дни оно так, что температура над задымлёнными, поглощёнными парниковыми газами, изнывающими на грани экологической катастрофы улицами легко достигала сорока градусов в тени. Что уж было говорить о просторных бетонных посадочных площадках центрального транспортного межпланетного порта Саратума?

В огромном здании главного портового управления, растянувшегося на несколько километров, в одном из многочисленных пыльных и плохо освещённых коридоров, возле одной из нескольких тысяч дверей офиса портовых клерков суетился высокий тридцатипятилетний мужчина. Он торопливо прохаживался взад-вперёд возле одной из офисных дверей, периодически прислушиваясь к тому, что творится внутри. Всё говорило о том, что мужчина провёл возле этой двери уже около часа. Его светло-розовая, треснувшая во многих местах кожаная куртка едва заметно поскрипывала, когда мужчина делал резкие повороты, изменяя направление движения, а ветхие, тёплые не по погоде сапоги поднимали всё новые клубы пыли на вековом подобии ковра.

Наконец за дверью послышались шаги. Мужчина спешно отбежал на десяток шагов, резко развернулся и неспешно двинулся обратно. Дверь открылась, в коридор вышел низкорослый лысоватый клерк. Он неловко удерживал подмышкой стопку планшетов, пытаясь свободной рукой провести ключ-картой по замку двери.

— Вот это да! — восторженно воскликнул мужчина. — Это ж надо, какое совпадение, а я как раз к тебе! Давай-ка помогу, — не дожидаясь согласия клерка, мужчина забрал у него стопку планшетов, так и норовивших выскользнуть.

— Коринф! Мой дорогой приятель, как давно тебя не было слышно! — обрадованно отреагировал клерк.

— Да-а... Сколько уже прошло, года полтора, да? А я тут как раз прибыл в твой порт забрать один-другой заказ на доставку! Вот решил заскочить, проведать, как ты тут! — мужчина улыбнулся, смерил клерка взглядом и продолжил: — Так как ты тут? Рассказывай! Как работа, как дети?

— Ох... — клерк звучно выдохнул. — Ты даже не представляешь, сколько всего произошло...

С этими словами клерк принялся перечислять с точностью до каждого дня все события своей скучной жизни за последние полтора года. Оказалось, что его вновь чуть не понизили в должности, что второй его уже взрослый ребёнок вот-вот может оказаться без работы, что жена продолжает каждый день пилить... Клерк выложил всё про свою жизнь, про работу, про конкурентов, про начальство, про экологию. На моменте экологии клерк особенно заострил внимание и даже не заметил, как увёл разговор серьёзно в сторону:

— Кстати, я же тебе рассказывал, что я учился на эколога? Да... я должен был стать большим специалистом... — далее ещё минут двадцать клерк рассказывал особенности своей учёбы и о том, какая важная и серьёзная у него должна была быть карьера, если бы на этой проклятой планете кого-то интересовала экология.

Коринф всё слушал, слушал, слушал... Он кивал, использовал всю свою мимику, чтобы наиболее расположено реагировать на жизненные перипетии клерка. Периодически он прерывал монолог клерка, задавал наводящие и уточняющие вопросы, чему клерк был несказанно рад, в подробностях излагая всё новые и новые подробности своей унылой, однообразной жизни.

Рассказы клерка продолжались больше часа. Очевидно, этот мелкий чиновник так увлёкся, что вовсе забыл, куда шёл. Через полтора часа он, видимо, вспомнил о своих обязанностях и уже целенаправленно отправился куда-то вглубь здания по ещё более пыльным и тёмным коридорам. Ещё через полчаса излияния души и жалоб преимущественно на несправедливость жизни болтун и его покорный слушатель наконец дошли до цели путешествия клерка. Он был вымотан, устал, но явно был весьма удовлетворён представившейся возможностью схватиться за свободные уши.

— Эх... Да... Жаль, что мы так мало поболтали! Я же ещё даже не рассказал тебе о дурацких нововведениях, которыми нас «порадовало» начальство! Ты даже себе не представляешь! — клерк уже было хотел открыть рот, чтобы ещё на полтора часа рассказать свою «интереснейшую» жизнь с этой новой «удивительной» стороны, но собеседник его прервал.

Коринф будто бы невзначай глянул на часы и воскликнул:

— Ох, и правда! Мы побеседовали с тобой уже добрых два с половиной часа! Эх, как же быстро летит время, когда удаётся пообщаться с умным и всесторонне развитым человеком. Ты даже не представляешь, как мало осталось таких, как ты! — Коринф аккуратно похлопал по плечу клерка, тот смущённо потупил взгляд. — Да надо уже бежать: я должен проследить, как мои олухи выполняют погрузку! Кстати, я тут хотел забежать в вашу административную службу, закинуть им таможенную декларацию, но раз уж встретил тебя, может, проведёшь,

чтобы она на месяц у них не слегла? — Коринф протянул небольшое устройство.

— Ой, ну конечно, это для меня раз плюнуть. Ты даже не представляешь, какие в этой таможне олухи и бездари. А ведь всего-то каких-нибудь пятьдесят лет назад... — клерк принялся выговаривать собеседнику тонну нудной исторической справки с этапами развала таможенного управления, не забывая снабжать рассказ своими подробными эмоциональными комментариями.

Ещё через минут двадцать Коринф предпринял ещё один решающий рывок, чтобы спасти уже и без того усталый мозг:

— Да это ж надо!.. Ладно, был рад повидаться, надо бежать!

— Да... Я понимаю, ты человек занятой, эх... вот бы мне так... — расстроено проскулил клерк, крутя в руках пачку планшетов.

— Всё может быть: возможно, мне и пригодится достойный администратор, — начал было Коринф, но, заметив проблёскивающий луч надежды в глазах клерка, быстро продолжил: — Но только не сейчас, вначале я должен закрыть текущие контракты. Ты же понимаешь, как эти бюрократы относятся к смене исполнительской команды в процессе выполнения.

— Уж мне можешь не рассказывать... — опечалился клерк.

Коринф уже было попрощался и направился прочь по коридору, как вдруг будто бы вспомнил что-то весьма важное и обернулся:

— Кстати, я вот тут подумал: раз уж мы с тобой так удачно пересеклись, может, поможешь мне в одном деле? Ты же мне пару лет назад помог со слемниевыми энергоячейками. Мне бы очень помогла подобная услуга — это бы сэкономило мне добрых три дня пути! — Коринф пристально уставился на клерка.

— Ох, Коринф, ну, я не знаю... это, в конце концов, незаконно, я даже не знаю... — клерк принялся ломаться как барышня то ли для приличия, то ли не пойми вообще зачем.

— Ой, да будет тебе! Давай пройдемся в ваши основательские ангары, смотри, я уже приберёг нужную сумму, — с этими словами Коринф достал из куртки небольшую пачку пентальских денег.

— Убери! Убери! — засеменил в испуге клерк, пихая руку Коринфа обратно в карман куртки. — А вдруг кто-то увидит?!

— Ой, да ладно тебе, тут никого нет, да и все же в курсе, кто тут чем занимается. Ну давай, подсоби. Мы же друзья, верно? — Коринф испытующе посмотрел на клерка.

— Ну, не знаю, может быть, но пентальские деньги... Не знаю, может, накинешь хотя бы часть наших? — глаза клерка хитро забегали, запах верной наживы пробудил в нём «правильного» чиновника.

— Я думал, мы с тобой друзья, а ты со мной вон как... — разочарованно начал Коринф. — Ну, если ты впрямь настаиваешь, то ладно... — Коринф достал маленькую карту данных из другого кармана и протянул чиновнику, тот с алчностью схватил её и приложил к считывающему устройству, которое уже каким-то чудом оказалось в его руках.

— Да-да... Конечно, мы друзья! — клерк оперативно списал с информационной карты кругленькую сумму, вернул её Коринфу, для приличия поозирался по сторонам и сказал: — Ладно, давай свои пентальские бумажки и поши...

Ещё через полчаса похода, в процессе которых клерк никак не затыкался, рассказывая всё новые и новые подробности своей жизни, они спустились в один из технических ангаров Основателей.

— Так, всё, стой тут... Дальше я сам... — заговорщицки пролепетал клерк и глупой рысью побежал к одному из техников, суетившихся рядом с топливным трейлером. Они вместе куда-то ушли, но через минут десять возвратились — клерк прижимал к груди тяжёлый хромированный чемоданчик.

Маленький лысенький коррупционер нелепо подбежал обратно к Коринфу и передал чемоданчик.

— Вот, хватило на три ячейки! — горделиво пролепетал клерк.

— Всего на три?! В предыдущий раз же было четыре?! — недовольно ответил Коринф, приоткрывая чемоданчик.

— Да... Куда деваться? Инфляция — сам понимаешь: хорошо, что хотя бы получилось так...

Коринф испытующе поглядел на чиновника: глаза прохвоста бегали из стороны в сторону — он явно врал, но отважно пытался это скрыть. Очевидно, добрую часть суммы он решил приберечь для себя. Внезапно Лицо Коринфа расплылось в уважительно улыбке, и он довольно произнёс:

— Конечно... Я прекрасно понимаю. Спасибо, что так выручил меня! — Коринф многозначительно пожал клерку руку, тот восторженно впился в неё обеими своими ручонками.

Они прошли ещё полчаса до портовой транспортной эстакады, всё время пути до которой чиновник всё так же не затыкался. Коринф уважительно, терпеливо и расположенно выслушивал. Перед прощанием он запустил руку в карман и достал из неё какой-то хромированный предмет, передавая его клерку со словами:

— Кстати, вот ещё: я купил этот портативный ультрафиолетовый сканер, когда был на Лигре — это

настоящий хром! Он мне обошёлся в приличную сумму, в несколько тысяч! Это тебе подарок! — Коринф многозначительно протянул подарок клерку, тот чуть было не взвизгнул от гордости и умиления.

— Это мне? Какой дорогой подарок! Право, не стоило: даже не знаю, могу ли я его принять! — несмотря на бессмысленный словесный поток, клерк уже уверенно прятал подарок во внутренний карман пиджака.

Подъехала транспортная вагонетка, Коринф пожал руку клерку и умчался вдаль на посадочную площадку, где находился на погрузке его космический челнок. Клерк ещё некоторое время оставался на перроне, махая руками своему уезжающему товарищу.

На крохотной посадочной площадке ютился маленький челнок, всего лишь каких-то жалких 30 метров в длину. Он казался незначительной песчинкой на фоне колоссальных межпланетных танкеров и сухогрузов, достигавших высоты двадцатипятиэтажных домов и длины более четырёхсот метров. Крохотное, по космическим меркам, судно казалось последним выжившим ископаемым, оказавшимся не в курсе того, что все его собратья уже очень давно превратились в прах и лишь немногие, кому несказанно свезло, могли стать доисторическими экспонатами какого-нибудь частного музея.

На борту челнока проступала надпись, нанесённая давно уже облупившейся краской: 1-ON. Эта незатейливая надпись служила и названием, и позывным, и даже серийным номером жалкой космической посудинки. Когда-то давно, уже более двухсот лет назад, когда Аристарии потеряли практически весь интерес к этому звёздному скоплению, они, ведомые своими экономическими традициями, вывезли в новые зоны добычи всё технологически совершенное и дорогое оборудование, оставив лишь многочисленные дешёвые и никому не нужные объедки со своего великого стола. В числе оставшихся объедков оказался целый флот небольших космических челноков, предназначенных для межпланетного перелёта различного административного персонала.

Эти крохотные космические кораблики обладали полноценными гравитационными двигателями, позволяющими выполнять на минимальной сверхсветовой скорости даже короткиемежзвёздные перелёты. Идеальное решение для локальной гражданской транспортировки в рамках небольшого звёздного скопления.

После ухода Аристариев все эти челноки остались на попечению местным корпорациям, губернаторам и высокопоставленным чиновникам. После двух корпоративных войн и без должного технического обслуживания в строю осталось едва ли около пары десятков подобных кораблей. Все они осели на руках у разнообразных отщепенцев, ценителей или просто одиноких авантюристов.

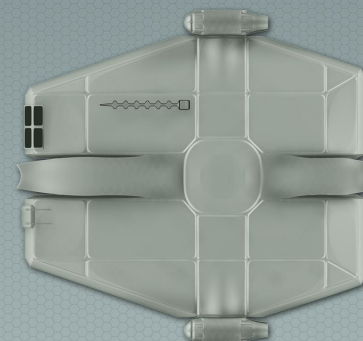
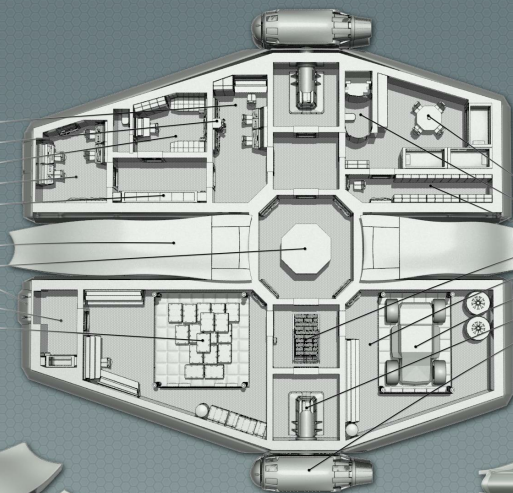
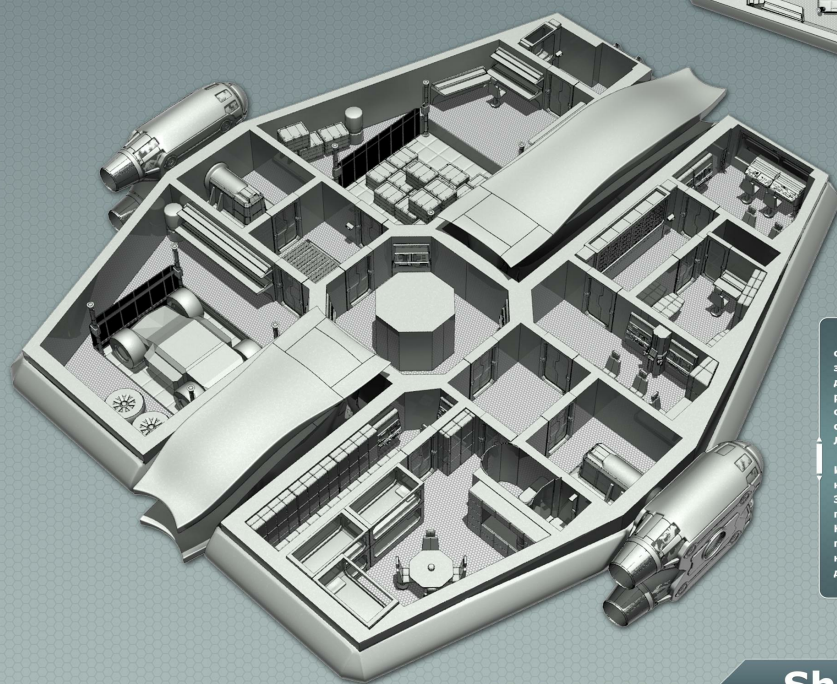
Внешний вид челнока 1-ON говорил о его нелёгкой длительной жизни: практически каждая часть корпуса была либо отреставрирована, либо заменена на некрасивый, но полностью функциональный аналог. Даже два больших маневровых газотурбинных двигателя претерпели существенную модификацию и явно выбивались из общей архитектурной концепции дизайна челнока. Будто бы аккуратно собранный монстр доктора Франкенштейна, 1-ON, возможно, был и некрасив, и неказист, но зато явно был жив, практически бодр и полностью работоспособен.

ION Light shuttle class

Cargo	20t
Beam	24.7m
Height	5.7m
Length	26m
Max Range	10LY
Crew/Capacity	2/6
Weapon Systems	none

1. Отсек связи
2. Коммуникационное реле
3. Медотсек
4. Кабина
5. Блоки памяти и вычислительные реле ИИ
6. Направляющие фокусировки гравитационных полей
7. Слеминиевое гравитационное ядро
8. Шлюз
9. Отсек выхода в космос
10. Грузовой отсек

11. Кубрик
12. Отсек душевых и туалетных кабин
13. Подсобное помещение (склад)
14. Пассажирская рампа
15. Транспортный грузовой отсек
16. Пустынный ровер
17. Отсеки обслуживания гондол двигателей
18. Газотурбинные двигатели

0 5 10 15 20
SCALE METERS

Космический челнок серии 1-ON сконструирован Аристархом на завершающем этапе переликопации добывающего оборудования, руководящего и вспомогательного составов из космической констелляции, состоящей из четырёх планет: Саратума, Лигры, Кань и Пентала. Челнок оборудован экспериментальным ИИ, предназначенным для замены квалифицированных пилотов. Эксперимент был признан неудачным, практически все ИИ были демонтированы. Космический челнок Ион - один из последних образцов кораблей серии 1-ON, на борту которого остался сохранён действующий искусственный интеллект.

Ship Data

DATE OF ARCHIVING

2720.01.13

DOCUMENT ID

1-ON

Повсюду на огромной территории транспортного порта царил оглушающий металлический грохот и рёв турбин многочисленных гравитационных грузовиков, целыми роями курсирующих в зоне погрузки межпланетных гигантов. Рядом с 1-ON в свою очередь трудился лишь один коренастый мужчина, уже начинавший входить в преклонные годы.

На вид ему было уже за шестьдесят лет, хотя было очевидным, что его возраст — это результат жестокой и тяжёлой жизни, а не последствие естественного старения. Он был одет в затёртый промышленный комбинезон на голое тело и в бурый длинный кожаный плащ, совершенно не гармонирующий с остальной одеждой. Этот то ли великовозрастный мужчина, то ли юный старик, кряхтя и изредка выкрикивая ругательства, ловко орудовал гидравлическим погрузчиком, заводя и опуская на подъёмную рампу челнока один за другим тяжёлые двухметровые металлические листы, упакованные в какую-то герметичную мягкую субстанцию. Он уже явно устал, вероятно, больше от палящего солнца, чем от тяжёлой многочасовой работы. Наконец весь груз был погружен. Он поднялся через пассажирскую рампу внутрь челнока и прошёл в грузовой отсек.

Пневматики грузовой рампы недовольно зашипели и принялись неспешно поднимать в чресла челнока свой тяжеленный груз. Когда грузовая рампа уже почти скрылась внутри челнока, двухметровая пачка груза, вероятно, задела какой-то агрегат, мирно лежащий на полке под самым потолком грузового отсека. Агрегат задорно зацепился за груз и весело спрыгнул со своего места прямо на вторую пачку металлических листов, после чего со звонким металлическим звуком шлёпнулся на пол отсека.

— Владимир... Гидравлический ключ — это весьма точный дорогой инструмент, — раздался в динамиках корабля сдержанный электронный голос. — Прошу тебя быть внимательнее.

Мужик грязно выругался себе под нос и недовольно заговорил:

— Сколько раз повторять, чтобы ты не называл меня по имени, тупая железяка?!

— Ругательствами тут не поможешь. Разве тебе не нравится твоё имя? У каждого человека есть имя. Имя предназначено для идентификации. Ты всё ещё не пояснил, почему твоя стандартная идентификация не подходит для твоего именованья, — электронный голос выражал озабоченность и лёгкое непонимание, а может, голос

просто задира́л мужчину.

Владимир было хотел что-то возразить, он даже набрал в грудь воздуха, чтобы выдать какую-то длинную и многозначительную тираду, но в последний момент передумал. Он раздражённо протиснулся между грузом и переборкой челнока, поднял тяжёлый упавший инструмент и надёжно закрепил его на стене.

Владимир был на редкость выдающимся техником, он был родом с Пентала и всю свою жизнь возился с разнообразной техникой. Когда-то давно, в молодости, у него были мечты, стремления, он множество раз пытался «подняться» в жизни, хватаясь то за одну работу, то за другую, то ввязываясь или даже пытаясь создать то один проект, то другой. Возможно, из-за того, что он никогда не доводил начатого до конца, или, возможно, из-за банального невезения, но всё, чего он смог добиться в жизни — это промотать своё небольшое наследство, полученное от продажи имущества родителей, и к своим пятидесяти семи годам остаться, как это говорится, «у разбитого корыта».

Во всех своих бедах Владимир винил большей частью себя и изредка злой рок, избравший его для своих «тяжёлых жизненных экспериментов», иногда Владимир философствовал и уверял, что, вероятно, он так много накуралесил в предыдущей жизни, что в этой ему приходится всё это отрабатывать постоянными страданиями и невзгодами.

Коринф познакомился с Владимиром около восьми лет назад, когда случилась самая большая удача в его жизни — покупка, а вернее сказать, выигрыш космического челнока 1-ON. Владимир шёл как бы бесплатным дополнением к челноку. Любой другой на месте Коринфа выбросил бы бесполезный «багажик» в ближайшую подворотню, но Коринф решил приютить на своём корабле нерадивого техника и даже поделил с ним свой жизненный путь.

По первости Владимир пытался вразумлять молодого капитана своей житейской мудростью, но достаточно быстро забросил это неблагодарное дело. Возможно, из-за паталогической упёртости своего подопечного, а возможно, по причине того, что начал видеть в Коринфе прототип неудачника, совсем такого же, как и он сам. Как бы то ни было, Владимир был достаточно умен и даже мудр, его советы или мнение всегда отличались взвешенностью, информативностью и рассудительностью, жаль вот только, что он сам никогда не прислушивался к себе самому и никогда не следовал своим же собственным мудрым советам. Владимир был из той редкой породы людей, которые с упоением рассказывают о вреде курения, после чего заходят за угол и наслаждаются парой-тройкой дешёвых сигарет.

Транспортная вагонетка остановилась у перрона, Коринф спешно прыгнул на платформу и бодрым шагом направился к своему челноку. На посадочной рампе сидел Владимир и курил через небольшой курительный имплантат, аккуратно вмонтированный в щёку. Завидев приближающегося к кораблю Коринфа, он приподнялся и небрежно спросил:

— Удачно?

— Бесполезный упырь три часа грузил мне мозг своим бесконечным трёпом... Но мне удалось купить три топливные ячейки, — лицо Коринфа выражало большую усталость, он лениво похлопал ладонью по чемоданчику.

— Ну... Видимо, не такой уж и бесполезный... — флегматично ответил Владимир.

— Бесполезный-бесполезный. Толку от всех этих продажных чиновников ноль! Дырка без бублика! Жалуетесь на жизнь и на мир вокруг, а сам палец о палец не ударил, чтобы что-то поменять в своей никчёмной жизни. Все вокруг крутятся, пробиваются, стараются, ищут варианты, а он что?! Сидит на жопе ровно, будто чирей на нашем горбу. Да ещё и содрал с меня больше, чем в предыдущий раз! — Коринф начал постепенно заводиться. — Зато я впарил ему тот бесполезный хромированный сканер, который купил за сколько там? За сто? Я ему наплёл, будто выложил за неё две тысячи! Ты бы видел этого прохвоста: он чуть не завизжал от умиления!

Владимир улыбнулся и ответил:

— Ну... Мы же знали, что в этот раз будет три. Всё же получилось, как мы думали?

Коринф не ответил, он грубо сунул чемоданчик в руки Владимиру и уже поднимался по рампе в салон корабля.

— С возвращением, Коринф. Мы закончили погрузку, готовы выдвигаться на Пентал, — раздался мягкий электронный голос интегрированного искусственного интеллекта корабля.

— Ни фиги себе, мы закончили! — с нескрываемым возмущением воскликнул Владимир. — Я сделал всю работу, а ты чем отличился?!

— Я поднял на борт восемнадцать тонн металлических сплавов. Это потребовало некоторых усилий — думаю, я могу считать, что тоже принял участие в погрузке, — всё также флегматично ответил голос в динамиках.

— Восемнадцать тонн подняли пневматики грузовой ramпы, ты лишь бесполезная интегрированная программа, — презрительно парировал Владимир.

— Дед, Ион! Захлопнулись! Оба! — с нескрываемым раздражением отозвался Коринф. — Ион, поднимай нас на орбиту.

— Он бесполезная часть корабля... — в полголоса добавил Владимир.

Фактически Владимир был прав. Искусственный интеллект в самом деле был по большей части бесполезным. Это был один из неудавшихся экспериментов Аристариев. В процессе финальной части вывоза ценного оборудования и людских ресурсов из сектора Аристарии пытались создать автономные транспортные космические челноки, способные осуществлять транспортировку важных специалистов по планетам сектора. Квалифицированные капитаны к этому моменту уже покинули звёздное скопление, на их смену была подготовлена серия экспериментальных программ, способных управлять космическим судном. Эксперимент был признан неудачным. Разработанные искусственные интеллекты так и не смогли полностью заменить опытного человеческого пилота. Практически на всех челноках серии 1-ОН ИИ были демонтированы, оставшиеся были уничтожены уже их новыми хозяевами. На этом челноке Коринф решил оставить интегрированный ИИ, назвав его Ион, вероятно, в честь челнока.

Владимир бережно установил новые топливные ячейки в приёмник гравитационного двигателя и присоединился в кабине пилота к Коринфу. Двигатель мягко запустился и обволок корабль полем антигравитации. Челнок мягко поднялся над посадочной платформой, загудели газотурбинные двигатели, и корабль стал набирать скорость, поднимаясь в верхние слои атмосферы, неспешно двигаясь в сторону горизонта, выходя на орбиту Саратума.

Постепенно тусклые звёзды, еле пробивающиеся через плотный смог, стали становиться всё ярче и ярче, играя разными цветами на полотне бескрайнего чёрного космического пространства. Челнок лёг на курс в соседнюю звёздную систему, к планете Пентал, и гравитационный двигатель принялся всё сильнее разгонять крохотный космический кораблик. Саратум начал становиться всё меньше, пока не сжался в крохотную блестящую зеленоватую точку, и вот он уже занял своё почётное место среди тысяч подобных ему крохотных поблёскивающих звёздочек. Казалось, что все тревоги, перипетии и лишения остались там, далеко позади, а впереди ждёт лишь безмятежное спокойствие ледяного космоса.

Гравитационный двигатель всё больше разгонял корабль, челнок уже преодолел световой барьер. Всё пространство вокруг, будто калейдоскоп, стало поблёскивать разноцветными сполохами, чёрточками и вспышками. Полёт к Пенталу займёт около трёх дней. Коринф проверил показания приборов, после чего удовлетворённо встал и отправился в кубрик со словами:

— Ну наконец-то... Всё, я спать!

Глава 5 Принципы деловой коммерции

Коринф проспал двенадцать часов. Он ещё минут двадцать тянул время, лениво ворочаясь и потягиваясь в кровати, после чего неспешно поднялся, выполнил утренние дела, оделся и позавтракал. Небрежно развалившись в кубрике на кресле и потягивая горячий утренний напиток, он лениво спросил:

— Ион, как наши дела?

— Мы следуем намеченным курсом, продолжаем набор скорости. Расчётное время прибытия на Пентал — сорок два часа и восемнадцать минут... Примерно...

— Спа-а-асибо, — протянул Коринф, еле-еле его настроение поползло вверх. Он поднялся с кресла и пошёл прогуляться по кораблю.

В двигательном отсеке копошился Владимир, он что-то ковырял в приводной оси правой гондолы газотурбинного двигателя.

— Доброутро, — скомкано процедил Коринф, параллельно потягивая из кружки напиток. — Чего творишь?

— Доброе, — почти не обращая внимания на капитана, ответил Владимир. — Ось опять скрипит. Я слышал, пока мы взлетали. Топливные патрубки опять засорились. Чищу.

— А я ни-и-и-ичего не слышал, да и Ион бы сказал... — самодовольно тянул слова Коринф.

— Твой электронный тостер ничего не сказал бы, даже если бы гондола и вовсе отвалилась! Я, говорю, слышал, как скрипит — значит, скрипит, — недовольно пробухтел Владимир.

— Я тебя, вообще-то, слышу, — прозвучал электронный голос из динамиков. — И я бы сказал, если бы ось начала скрипеть. Но она не начала, — Ион сделал многозначительную паузу и добавил: — Если тебе хочется, то я могу увеличить обжатие гондол, тогда они точно начнут скрипеть.

— Зачем ты вообще включил эту бесполезную говорилку? — недовольно покосился на Коринфа Владимир, засовывая практически по локоть руку внутрь крепления гондолы.

— Не знаю, наверное, потому что думаю, что он такой же живой, как ты или я.

Владимир резко выдохнул, вынул замасленную руку и стал протирать её тряпкой.

— Абсурд: просто друзей у тебя нет, вот ты и собираешь на корабле всякое. Путь даже всё, на что оно и способно — это впад болтать. Пытаешься социализироваться, — многозначительно пояснил Владимир, исподлобья глядя в глаза Коринфу.

— Ты, вероятно, имел в виду «невпопад», — как-то даже ласково отчеканил слова Ион.

— Во-от видишь? А ты говоришь, невпопад — очень даже впопад! — посмеялся Коринф.

Владимир лишь презрительно фыркнул в ответ.

— И чего это ты вообще такой довольный?! Я уже не в первый раз замечаю, что, как мы куда-то отчаливаем, ты какой-то необычно довольный становишься.

Коринф на минуту задумался, будто переваривая и оценивая, в самом деле ли он сейчас более довольный, чем в остальное время. Он закатил голову, разминая ладонью шею, и ответил:

— Не знаю... Вероятно, дело в том, что, пока мы в космосе, я могу по-настоящему расслабиться. Наверное, мне кажется, будто бы вся эта беготня, вся эта бесконечная гонка с постоянной грызнёй и вырыванием глоток друг другу остаётся там, далеко, на поверхностях планет. А тут, в чёрной пустоте космоса, хотя бы в течение следующих нескольких дней, пока длится наш полёт, можно всё это выкинуть из головы и по-настоящему передохнуть. В конце концов, сейчас для нас наступил тот самый период, в котором мы всё равно ничего не можем сделать. Для нас время будто бы замерло. Вот потому я и довольный весь. Отдыхаю!

— Всё понятно, — многозначительно резюмировал Владимир и пошёл отмываться от масла.

Как и ожидал Коринф, двое суток прошли спокойно и размеренно: у него выдалось достаточно времени, чтобы выспаться, почитать, побездельничать и даже порефлексировать о своей жизни. На подлёте к Пенталу Ион ввёл в навигационный компьютер астрометрические корректировки и с филигранной точностью вывел челнок на дальнюю орбиту Пентала. Через час пути по снижающейся орбите челнок уже вошёл в атмосферу планеты и двигался к месту доставки, пролетая на высоте пары километров над бесконечными, многочисленными и невероятно красочными пахотными полями.

Пентал был самой крупной из всех обитаемых планет сектора, более того, он был планетой земного типа с очень мягким климатом. Если бы не огромная удалённость от территорий Аристариев, Пентал мог бы стать прекрасным курортным миром. Но и без фешенебельных курортов ему нашлось весьма достойное применение. Пентал был аграрной планетой, единственной задачей которой было снабжать все четыре колонии бесперебойными поставками пищи, с чем он с успехом справлялся.

Несмотря на свою ключевую роль в процессе выживания всего звёздного скопления, Пентал был второй по бедности планетой сектора после Каньи. Вероятно, это было причиной того, что Пентальцы, изначально

представлявшие собой лишь сообщество миролюбивых фермеров, были слишком уравновешенны, спокойны, а может, и слишком ленивы, чтобы участвовать в бесконечных конкурентных гонках и политических сражениях с лидерами группировок сектора. Номинально Пентал находился под контролем фракции Адвентов, хотя подавляющее большинство их сил постоянно находилось на Саратуме.

Жители Пентала практически не участвовали в корпоративных войнах. Они лишь смиренно ожидали одной за другой смены правящих элит, раз за разом получавших власть над Пенталом в качестве бонуса за победу над своими политическими и военными оппонентами. Именно так произошло почти сто лет назад, когда фракция Адвентов одержала несколько громких побед над войсками группировки Немых и присвоила себе власть над Пенталом.

Челнок пошёл на снижение, постепенно высота полёта снизилась до пары сотен метров. Можно было уже разобрать ровные ряды пахотных угодий, обрабатываемых множеством разнообразных полуавтоматических комбайнов. Внезапно линия полей прервалась, и челнок продолжил полёт над территорией перерабатывающего завода: стройными рядами под кораблём проносилось множество блестящих труб, технических цехов и узких улочек с рельсовыми направляющими, по которым неспешно перемещались грузовые автоматизированные вагонетки.

Наконец недалеко показались главное здание завода и ряд посадочных площадок разного размера. Ион бережно завёл корабль на крайнюю справа, самую мелкую, посадочную площадку. С приближением челнока по контуру зоны приземления поднялись сетчатые лопастные щиты, рассеивающие реактивные потоки двигателей корабля. По всему челноку раздались лёгкие металлические отзвуки: было слышно, как работают механизмы, выдвигающие посадочные опоры. Наконец гравитационный двигатель прекратил работу, и челнок грузно опустился на ровную прорезиненную бетонную поверхность.

— Посадка завершена, управляющий извещён. Подать ему чай? — ехидно проговорил электронный голос из динамиков.

— Не мели чушь! — раздражённо и холодно ответил Коринф, от бывшего спокойствия в полёте не осталось и следа. — Начинайте разгрузку, — бросил он Владимиру и неспешно спустился через рампу наружу.

Солнце мягко ослепило Коринфа, и он невольно прищурился, выжидая, когда глаза привыкнут к яркому свету. Справа за спиной уже опускалась грузовая рампа. Он сделал несколько шагов за корму корабля. Из ближайшего блестящего металлического цеха уже направлялся начальник с помощником, управляющим широкой транспортной тележкой.

Коринф с презрением взглянул на фермера. Человек казался тощим, лысоватым и неказистым. Его ветхий технический комбинезон явно уже давно перестал выполнять свои автоматические функции и был просто средне удобной формой одежды. А ещё он был весь в мелкозернистой пыли, возникшей, вероятно, в результате промышленной переработки зерна или ещё чего-то подобного. Фермер быстро прошёл мимо Коринфа напрямик к грузовой рампе, для приличия слегка улыбнувшись и хлопнув его по плечу, произнеся: «Приветствую, вовремя!»

Рампа опустилась на платформу как раз к моменту, когда помощник фермера подкатил к ней транспортную тележку. Он принялся выкатывать с тележки гидравлический подъёмник. Фермер в свою очередь несколько раз обошёл вокруг ровные пачки сложенных металлических панелей, что-то пощупал, достал какой-то прибор, потыкал в груз, после чего резко и удивлённо поднял голову, заглядывая в грузовой отсек. Его ухмылка превратилась в озабоченное и расстроенное выражение лица, он поднял угол верхней губы, обнажив несколько металлических зубов, и брезгливо сказал:

— Вы не соблюдли условия транспортировки! Ай-яй, правда ведь какая досада! — фермер продолжал таращиться вверх над пачками металлических листов, будто бы пытаясь что-то разглядеть в тёмном грузовом отсеке.

— Какие ещё правила транспортировки?! Мы выполнили всё в соответствии с контрактом! — агрессивно произнёс Коринф, решительно подходя к фермеру.

— Пра-ви-ла транс-пор-ти-ров-ки! — по слогам произнёс фермер, одновременно дёрганно движениями проводя своим прибором по одному из металлических листов в пачке. Прибор что-то пиликал, фермер то тыкал прибором в лицо Коринфу, то снова водил по одному из листов. Коринф пытался было что-то разглядеть на мониторчике прибора, но фермер дёргал прибор так быстро, что это не представлялось возможным.

— Сплавы покрыты поликарбонатным изопропиленовым гидростатичным покрытием! Это покрытие крайне чувствительно к перепадам температуры. Правила транс-пор-ти-ров-ки однозначно указывают, что перевозка должна осуществляться при перепадах температур не более полутора градусов от ус-та-нов-лен-ной нор-мы! — фермер раздражающе по слогам произносил некоторые слова, вдобавок он начал махать руками, указывая то на листы, то на грузовой отсек. Внезапно он замолчал, упёр руки в бока и раздражённо уставился куда-то в сторону. Коринф слегка опешил, но уже было открыл рот, чтобы что-то произнести, однако фермер перебил его:

— Я не буду платить за доставку! Это слишком большой риск! — фермер сделал крохотную паузу, взглянув на

Коринфа. Было очевидно, что сейчас будет что-то неприятное. Фермер вновь перебил Коринфа в самый момент, когда тот только начал открывать рот, чтобы возразить. Фермер поднял ладони кверху, отойдя на пару шагов от всё более раздражающегося Коринфа, и продолжил:

— Нет-нет! Тут уже ничего не поделаешь... Ваш контракт подразумевал доставку материалов к нам для обработки и возврат обратно в пункт назначения! Я выполню свою работу, но дальше вы сами будете разбираться с Вашими нанимателями. Если Вам повезло и товар в процессе ненадлежащей транспортировки не пострадал, Вам заплатят по завершению доставки! — фермер еле заметно улыбнулся, с надеждой взглянув в глаза Коринфу.

— В контракте было ясно указано! Оплата по доставке на Пентал! Я не повезу обратно материалы, если оплата не поступит! — практически заорал на фермера Коринф. К несчастью, на него это не произвело никакого эффекта. Фермер лишь ещё шире улыбнулся и ответил:

— Боюсь, у Вас нет выбора, юноша! Вы можете улететь сейчас ни с чем, можете забрать всё и вернуть в этом виде обратно на Саратум... В этом случае мне придётся доложить Вашим нанимателям о том, какую подставу Вы им кинули. А можете подождать, пока мы выполним свою часть работы и проведём полимеризацию, вернув Вам материал обратно для доставки на Саратум, как было прописано в контракте. В этом случае у Вас хотя бы остаётся шанс на то, что Вам заплатят.

— Мы взялись за доставку, потому что было условлено, что оплата поступит при доставке на Пентал! — сдвигая в себе гнев, максимально сдержанно постарался произнести Коринф, тыча пальцем в лицо фермеру, будто это было оружие.

Фермер аккуратно опустил руку Коринфа и уже как-то по-мягкому продолжил:

— Я повторяю, юноша: не думаю, что у Вас сейчас есть выбор, — фермер сделал растерянное выражение лица и ткнул себя ладонями в грудь: — Я такой же исполнитель, как и Вы! Меня так же, как и Вас, наняли для выполнения этой задачи! Но я же не могу нести ответственность за Ваши ошибки! Да, Вы договорились об оплате здесь, но я должен был убедиться в правильности транспортировки! Может быть, Вам всё же повезёт, и получатель не обнаружит отклонений. В конце концов, именно они же осуществляют оплату! Боюсь, Вам придётся согласиться на мои условия.

Фермер посуровел, вновь уперев руки в бока. Его молодой помощник с разинутым ртом и глупым выражением лица стоял за гидравлическим подъёмником перед пачками металлических листов, переводя взгляд то на Коринфа, то на фермера.

Коринф резко отвернулся, прикрыв рот ладонью, гневно морща лоб. Он думал, злился, переваривал. Конечно же, он мог бы, в самом деле, просто взять и улететь, но это ничем хорошим явно не закончится. Всё это было явно нечисто. Всё походило на то, что его пытаются кинуть. Но фермер был прав: в сложившейся ситуации ничего не оставалось, как подчиниться — так оставался хотя бы какой-то шанс, что им заплатят.

Коринф вновь повернулся, взглянув в лицо фермеру, после чего в сердцах взмахнул рукой и направился по рампе обратно в корабль, не сказав ни слова. Фермер самодовольно выдохнул, еле заметно махнув рукой помощнику начинать разгрузку.

— Вы приняли правильное решение, — видимо, просто для порядку произнёс фермер. — Я постараюсь выполнить первый слой полимеризации более плотным, чтобы, даже если была поверхностная температурная деформация, её было бы существенно тяжелее вычислить.

Помощник фермера принялся одну за другой перегружать упаковки металлических сплавов на тележку. Коринф стремительно прошёл по кораблю и скрылся в кабинке туалета, звучно ударив рукой по кнопке замочка: он явно едва сдерживал гнев. Владимир было хотел что-то сказать или возразить, но решил держать рот на замке, чтобы случайно не оказаться в роли громоотвода в этой щекотливой ситуации.

Коринф сидел в своей изоляции около полутора часов, вплоть до возвращения фермера с помощником. Они уже выполнили полимеризацию материалов и возвратили обработанные листы к кораблю. Более того, помощник фермера даже был столь любезен, что аккуратно перегрузил материалы обратно на рампу челнока. Ближе к окончанию загрузки Коринф всё же вылез из своего уединения, он был темнее тучи, хотя уже явно подавил в себе свой гнев.

— Всё готово, вы можете возвращаться на Саратум, — обеспокоенно произнёс куда-то в грузовой отсек фермер. Коринф даже не спустился попрощаться.

— Взлетаем! — угрюмо скомандовал он.

Владимир, стараясь не отвечивать, поднял рампу с грузом обратно в грузовой отсек. Ион также не проронил ни слова. Челнок мягко оторвался от платформы и стремительно начал набирать высоту. Через минут тридцать корабль уже лёг на обратный курс к Саратуму.

Глава 6 Старший брат

На протяжении почти всех трёх дней обратной дороги Коринф практически не вылезал из медотсека. Он не был болен или что-то ещё, просто это было единственное место на челноке, в котором можно было уединиться, чтобы никто не трогал. Конечно же, на корабле, кроме Владимира, никого больше не было. Но, вероятно, Коринф таким образом показывал, что хочет побыть один.

Под конец путешествия, часа за три до выхода на орбиту Саратума, Коринф вышел в кубрик. Владимир играл в шахматы с Ионом. Он это делал крайне редко: в основном в тех редких случаях, когда о чём-то сильно переживал. Сейчас для него это, вероятно, было эмоциональным символом единения с ещё одним будто бы полноценным членом экипажа. В конце концов, вдвоём куда легче переносить ненастроение своего капитана, пусть даже твой коллега всего лишь «бесполезная говорилка».

— Ладья на d8, шах и мат, — довольно произнёс Ион.

Владимир поднял взгляд от доски: в дверях стоял Коринф. Его лицо было бледноватым, сам он казался вымотанным и уставшим. Он прошёл к стенному шкафу, взял чашку и натоптал кнопки на диспенсере. Агрегат послушно наполнил чашку утренним тёплым напитком. Коринф сделал несколько глотков и уселся за стол, неспешно взглянув на испуганного Владимира, тщетно пытающегося предсказать настроение своего капитана. Коринф выдержал некоторую паузу и спросил:

— Думаешь, нам не заплатят? — холодно и отстранённо произнёс Коринф.

— Не знаю: вдруг мы в самом деле дураки и не соблюдали правила транспортировки? — с некоторой надеждой спросил Владимир, пытаясь ловить каждую эмоцию Коринфа.

Коринф хлопнул ладонью по столу, Владимир невольно дёрнулся от неожиданности.

— Бред это всё! Мы уже давно этим занимаемся! Просто эти козлы поняли, что нам нечем крыть! Каким дураком я был, когда вообще взялся за этот заказ! От него разило разводом за версту! — Коринф опечаленно приулыбнулся, взглянул в испуганные глаза Владимира и добавил: — Как же я от всего этого устал... Похоже, вселенная в самом деле ненавидит нас... Мы с тобой крутимся как белки в колесе, каждый день выбиваемся из сил, чтобы пробиться хоть куда-то в этом жестоком мире, и вот какую очередную подлянку получаем от «справедливой» судьбы! Причём нам же особенно много не надо! Что, неужели мы не достойны успехов и результатов?!

Владимир лишь неуверенно поднял плечи, показывая, что он не знает, что сказать.

— Ладно! — произнёс Коринф, поднимаясь и придерживая левый бок. Когда он много нервничал, у него начинало что-то болеть в левом боку. А в последние несколько дней он понервничал... много понервничал. По-хорошему уже давно было пора обратиться в медицинский центр, чтобы выяснить причины этих болей, но Коринф не хотел тратить на это и без того скромные средства.

Через пару часов челнок уже заходил на посадку в центральном транспортном порту Саратума. Рядом с посадочной площадкой уже ждала группа принимающих. Коринф стоял у обзорного окна в кабине и наблюдал за посадкой. Было видно, что он собран, серьёзен и готов отстаивать интересы команды, ожидая весьма непростой разговор. Владимир контролировал процесс приземления. Периодически он поглядывал на Коринфа.

— Вижу, ты уже собран и серьёзен. Порой я не понимаю, где ты находишь силы, чтобы справляться со всеми этими невзгодами и расстройствами. Я бы не смог справиться... — слегка заискивающе начал Владимир.

— Это называется сублимация. Я до глубины души ненавижу эту жизнь и всю эту происходящую в ней несправедливость. Но я перенаправляю эту ненависть, всякий раз заставляя себя делать то, что требуется. Всё это во имя наших целей и стремлений. Если мы перестанем работать, мы наверняка никогда ничего не достигнем. Но когда-нибудь нам наконец повезёт! Когда-нибудь мы сможем наконец послать куда подальше всю эту шваль и добиться нормальной жизни! — Коринф исподлобья наблюдал за посадочной платформой. Он был серьёзен и сфокусирован, от прежних переживаний не осталось и следа. Сейчас он в самом деле был силён, бодр и собран, не ясно только, каких внутренних душевных сил ему это стоило.

Челнок приземлился на посадочную платформу, Коринф вышел наружу, Владимир уже начал опускать грузовую рампу с грузом. К кораблю направились три человека, двое из них были в форме рядовых Основания — это явно были рядовые оперативники. Третий был просто низшим работником, он управлял транспортной тележкой. Вдалеке, на куче какого-то оборудования, бездельничало ещё четверо Основателей, хотя, вероятно, эти четверо были вообще из другой группы и находились тут по своим делам.

— Приветствую, — холодно начал Коринф. — Заказ выполнен.

Оперативник подошёл к грузу и кивком указал рабочему начать перегрузку. В течение минут пятнадцати все занимались своими делами. Оперативники что-то делали в своих планшетах, работник изо всех сил старался оперативно перегрузить материалы на транспортную тележку. Когда всё было готово, он молча подбежал к

оперативнику. Тот в свою очередь флегматично взглянул на перегруженные пачки материалов, потом на Коринфа и демонстративно устался на планшет, делая вид, что собирается осуществить оплату.

На мгновение Коринф уже хотел было выдохнуть. Казалось, худшее осталось позади, но не тут-то было. Второй оперативник подошёл к первому и что-то шепнул ему на ухо. Первый удивлённо поднял бровь и покосился вначале на своего помощника, потом на Коринфа.

— Нарушение условий транспортировки? — с нескрываемым удивлением медленно произнёс он, поднимая глаза на Коринфа.

— Слушайте, мы выполнили работу — нам полагается оплата, — спокойно начал было Коринф, протягивая руку к оперативнику, будто призывая его уладить всё мирно и спокойно.

— Ну, даже не знаю... — надменно начал тянуть слова оперативник, улыбаясь и поглядывая на своего помощника. — Нарушение условий транспортировки могло серьёзно навредить материалам...

— Слушайте, ладно... Прошу Вас, заплатите хотя бы две трети, иначе нам не покрыть расходов на транспортировку и мы останемся в существенных убытках... — Коринф был вне себя от злобы, но изо всех сил старался вести себя учтиво: оперативники Основания, пусть даже самые мелкие — это не те люди, с которыми можно было бы безнаказанно припираться.

— Прошу Вас... — надменно протянул оперативник, ещё шире улыбаясь, его помощник уже явно еле скрывал смех. — Ну, даже не знаю, как быть... Возможно, половина суммы... М-м-м... А возможно, нам ещё потребуется выполнить экспертизу...

Коринф уже просто молчал. Мелкий чиновник явно получал несказанное удовольствие от своих издевательств.

— А... А может быть треть?! В конце концов, ущерб и всё такое! — подтрунивал помощник: он явно понятия не имел, что за глупости он несёт, но очень хотел максимально подхалимно подыграть своему начальнику.

— М-м-м... А может быть, в самом деле, треть? — с нескрываемой улыбкой тарасился исподлобья на Коринфа второй оперативник, уже заноса палец и вертя им в воздухе над планшетом.

Коринф пытался всеми силами абстрагироваться от этой позорной ситуации, он смотрел куда-то вдаль: ему на глаза попался ещё один какой-то широкоплечий оперативник Основателей, который сидел на куче оборудования, метрах в двадцати от корабля. Он задорно качал ногой и смаковал небольшую жареную ножку какого-то животного. В какой-то момент он закончил свою незатейливую трапезу, швырнул кость на землю, будто бы нехотя поднялся и направился к кораблю. Взгляд широкоплечего оперативника был направлен себе под ноги, Коринф силился, но не мог разглядеть под широким козырьком его лицо.

— Э! Деревенщина! Я к тебе обращаюсь! — Коринф перевёл внимание на раздражённого оперативника, возмущающегося тем фактом, что внимание его жертвы устремилось куда-то явно прочь от текущей ситуации.

Коринф не успел что бы то ни было ответить, широкоплечий оперативник поравнялся с этими двумя и со словами: «Ладно, хватит потешаться над бедолагой!» — ловко выхватил из рук мелкой чинуши планшет, быстро выполняя полную сумму перевода. Потерявший свою возможность продолжить эмоциональные издевательства чиновник пришёл в настоящую ярость. Его лицо стало практически пунцовым, он уже было набрал в грудь воздуха, чтобы разразиться приличным количеством брани, оскорблений и угроз. Он даже начал свой разительный монолог фразой: «Да как ты посмел?! Ты вообще знаешь, кто я такой?!» Чиновник было хотел продолжить, но широкоплечий оперативник развернулся ловким движением и с удивлением будто бы просверлил чиновника взглядом с немим вопросом: «Да?! И кто же ты?!» Коринф наконец-то смог рассмотреть его лицо: сомнений не оставалось, это был Маркус.

Чиновник мельком рассмотрел знаки отличия на груди Маркуса. Его гневная пунцовая гримаса мгновенно начала белеть и наливаться животным ужасом, обнажая все самые сокровенные струны испуганной душонки. Со стороны казалось, будто бы чиновник начал сдуваться как шарик: у Коринфа было ощущение, что он даже слышит еле заметное шипение, будто бы кто-то через несколько дырочек выпускает из шарика сжатый воздух.

— Прошу прощения, господин... Мы тут... Мы занимались приёмкой материалов... — чиновник в полголоса лепетал подряд всё, что приходило в его испуганные куриные мозги. Его помощник и вовсе остолбенел от ужаса. Перед ними воплотил сейчас стоял прямой начальник всех их начальников. В нормальной ситуации они могли бы иметь честь увидеть Маркуса разве что при обстоятельствах всеобщего сбора или смотра рядовых группировок, и то максимум из какого-нибудь десятого ряда второй колонны.

— Свободны! — нарочито холодно и зловеще скомандовал Маркус, протягивая планшет. Оперативники, поджав хвосты и еле передвигаясь на подкашивающихся ногах, отсалютовали и резво бросились прочь, даже забыв забрать планшет.

Маркус удовлетворённо проводил взглядом улепётывающих дуралеев и с нескрываемым самодовольством повернулся, деловито и неспешно подходя к Коринфу и протягивая ему руку. Оба брата были высокими и широкоплечими, однако Маркус был даже на полголовы выше Коринфа.

— Брат... — слегка раздражённо, очевидно, даже расстроено ответил Коринф, неспешно пожимая руку Маркусу. — Чему обязан столь высокой честью?

— Да вот, решил спасти тебя от очередного позорного провала! — Маркус указал рукой внутрь корабля и вновь обратился к брату: — Пройдём?

Братья поднялись по рампе внутрь челнока. Маркус шёл впереди, презрительно разглядывая внутреннее убранство. Они прошли в кубрик, старший брат вольготно развалился на кресле за столиком, Коринф сдержанно присел напротив. В дверях показалась физиономия Владимира, он удивлённо взглянул на Маркуса и чуть было не начал пятиться.

— Чёрный с двумя кусочками сахара, — не переводя взгляд на Владимира, волевым голосом произнёс Маркус. Владимир испуганно взглянул на ссутулившегося за столом Коринфа, на мгновение задумался и ринулся к шкафчикам исполнять пожелание гостя. Он вновь взглянул на планшет и с едва заметным сарказмом произнёс:

— Нарушение условий транспортировки? Брат... — Маркус снисходительно покачал головой. — Ты попался на такую детскую уловку? Как ты вообще такими темпами до сих пор на плаву держишься?

— Да-да, я нерадивый, я позор для семьи, я бестолковый отщепенец. Но я хотя бы честным трудом стараюсь обеспечить своё существование, а не получаю всё в готовом виде! — Коринф презрительно отвернулся, собрав руки узлом на груди. Маркус немного посуровел, улыбка постепенно начала сходиться с его лица.

— Ты несправедлив ко мне, брат. То, что ты называешь «всё готовенькое» — результат кропотливого многолетнего труда, который, кстати, берёт начало в тот благодатный период, когда ты впервые сбежал из дома со своими подружками «попытать счастья в гонках», как ты тогда говорил. А я остался с родителями и ещё восемь лет старательно учился, чтобы получить свой шанс. Я шаг за шагом выстраивал свою карьеру в Основании, бережно выбирая союзников и безжалостно истребляя соперников.

— Совсем как наш отец! И куда его это привело?! Всё детство он пичкал нас своими рассказами о правилах конкуренции, о том, что все силы должны быть устремлены на то, чтобы выбиться в люди! И что в результате? Его пристрелил в затылок прямой конкурент! Вот та жизнь, к которой он нас готовил?!

— Жизнь на Саратуме непроста... Наш отец... Он допустил фатальную ошибку. К несчастью, в конкурентной борьбе не бывает двух победителей, многие терпят неудачу на этом поприще. Но зато это обеспечивает возможность сильным возвыситься. Будь сильным — и ты преуспеешь! Учись побеждать, учись понимать врагов и соперников, учись понимать, как они думают, к чему стремятся. Учись выбирать правильных союзников и правильных врагов, — Маркус явно старался проявлять максимально возможное снисхождение, он будто бы вновь и вновь разжёвывал для последнего двоечника азы таблицы умножения.

— Учись-учись-учись... Соперники, враги, конкуренты... Я будто бы слышал вновь голос нашего отца. Уверен, ему это всё помогло... — Коринф было принялся ёрничать и кривляться, но быстро сообразил, что уже начинает испытывать терпение старшего брата. Это явно было весьма опасной затеей. Конечно же, Маркус всё время старался использовать свою власть и влияние, чтобы тем или иным способом помогать нерадивому младшему брату, только вот ведь незадача: Коринф всегда обладал слишком бунтарским или, возможно, горделивым нравом, чтобы принимать помощь, «подачки», как он говорил, от своего «успешного» брата.

— Отец допустил непростительную ошибку, и, к несчастью, результат не заставил себя долго ждать. В оправдание ему я лишь отмечу, что его соперник всё же получил по заслугам. Я лично осуществил заслуженное отмщение, — Маркус помрачнел и задумался. Некоторое время братья молчали. Они даже не заметили, как Владимир поставил им обоим по чашке тёплого напитка и пулей вылетел с кубрика.

Маркус пригубил чашку с напитком, едва заметно поморщился и тактично отставил её в сторону, продолжая свои увещевания:

— Отец во многом был к нам суров, его обучение не всегда было лёгким или мягким, но это был единственный способ подготовить нас к грядущей жизни. Взгляни вокруг. Саратов полон нищих, убогих и глупых пьяниц и бездарей. Разве ты хотел бы оказаться среди них? Хотел бы влачить жалкое существование презренного рабочего? — Маркус немного возвысил голос и махнул рукой в сторону, будто бы перед ними сейчас была панорама всего Саратума. — Конечно же, нет! Ты, как и многие другие, как и я — все мечтают о лучшей жизни, о богатой жизни, полной уважения и роскоши! Но всё это не придёт, если сидеть сложа руки. Нужно трудиться! Стараться и отчаянно бороться, чтобы добиться результата!

Маркус недовольно отвёл взгляд от Коринфа, сделал некоторую нервную паузу, чтобы немного успокоиться, и продолжил:

— Результаты — вот, что главное! И не знаю, как ты, а я уж точно готов приложить все усилия, чтобы добиться своих целей, невзирая на то, как тяжело будет по дороге! Отец... Лишь теперь, после стольких лет, я по-настоящему понимаю, как он был прав! Он хотел для нас лучшего. Он хотел для нас лучшей жизни, чем мог обеспечить сам. Наши родители всю жизнь положили на то, чтобы выбиться из той жалкой дыры, в которую их закинула судьба. И они преуспели! — Маркус раздражённо и методично постучал пальцами по столу и указал

ладонью на Коринфа: — Они смогли дать нам отличный старт! Теперь пришла наша очередь. Наступила пора нам усердно поработать, прогрызая себе путь к вершине!

Маркус вновь раздражённо отвлёл взгляд в сторону и произнёс:

— Отец был бы рад увидеть, каких успехов мы... Я... добился. Он был бы рад узнать, какую жизнь я теперь могу нам обеспечить.

— Вероятно, ты прав: отец гордился бы тобой, твоими достижениями и той жизнью, которой ты теперь живёшь... — Коринф был темнее тучи, он уже просто сгорбился, уперев локти в колени, покачал головой и после паузы продолжил: — Но я не хочу жить твоей жизнью... Прости, брат, у нас с тобой разные дороги... Радует, что хотя бы один из нас не посрамил честь нашей семьи...

Около минуты братья сидели молча: они явно были огорчены неудачной беседой и такой огромной разницей в мировоззрении. Через минуту Коринф холодно продолжил:

— Ладно... Будет нам ворошить прошлое, настоящее, будущее... Ты что-то хочешь, так ведь? Иначе ты никогда в жизни не переступил бы порог моего жалкого судёнышка.

Маркус еле заметно ухмыльнулся. Он даже придвинулся обратно к столу и, слегка снизив голос, ответил:

— Настоящее и будущее не надо ворошить, их надо планировать и достигать! — Маркус самодовольно смерил взглядом нерадивого брата, будто бы воображая, что, возможно, эта жизненная мудрость сможет проточить хотя бы трещинку в монолитном невежестве младшего брата. Не получив ровным счётом никакого отклика, он продолжил:

— У меня есть для тебя работа. И, как ты понимаешь, раз уж я обращаюсь лично к тебе, это очень важная для меня работа, и я должен быть уверен хотя бы в лояльности исполнителей. Как бы то ни было, несмотря на все твои недостатки я хотя бы знаю, что ты не воткнёшь мне нож в спину. Так ведь? — Маркус немного улыбнулся припуская голову, чтобы встретиться с Коринфом глазами.

— Само собой, я же не один из всех этих... в общем, не такой, как твоё стандартное окружение. У таких простых людей, как я, не принято бить в спины... Это больше по твоей части, брат, — выпад Коринфа был жёстким и неприятным, но Маркус его проигнорировал. Коринф продолжил:

— Но, как бы то ни было, я не намерен принимать от тебя подачки, брат. Мне не нужна эта работа!

Трудно сказать, было ли это упёртым самодовольством или ещё чем-то, но Маркус явно не обиделся от такого неучтывого отказа. Напротив. Он даже смягчился и продолжил:

— Не спеши отказываться прежде, чем узнаешь детали. Мне нужен незаметный корабль, который сможет отправиться на Канью и провести там... скажем, исследовательскую археологическую миссию. Не очень сложная операция для твоей... команды... — Маркус немного брезгливо огляделся вокруг. — Но главное, что за выполнение этой простенькой задачи я заплачу тебе двадцать слемниевых топливных ячеек. Как я понимаю, это года на полтора обеспечит все твои нужды...

Коринф удивлённо поднял взгляд. Оплата в самом деле была невероятно щедрой. Слемниевые топливные ячейки используются двигателем челнока I-ON для осуществления межзвёздных перелётов. Добыть каждую топливную ячейку для Коринфа было целым приключением. Конечно же, он всегда мог обратиться к кому-нибудь из своих многочисленных «друзей», как, например, всё к тому же лысоватому чиновнику в портовом управлении, однако подобные сделки весьма рискованны и всегда обходятся в баснословные суммы. Вдобавок Коринф не мог часто обращаться к одному и тому же поставщику, чтобы не привлекать к себе чрезмерного внимания. Само собой, существуют и официальные пути получения топливных ячеек, только вот стоимость лицензионных слемниевых ячеек поистине астрономическая.

Внезапно нахлынувшая алчность начала затуманивать эгоцентризм, горделивость и всё остальное в разуме Коринфа. Выполнение этого, на первый взгляд несложного, задания в самом деле на полтора года решит практически все проблемы команды челнока. Вдобавок топливную ячейку всегда можно крайне выгодно продать и на несколько месяцев забыть о любых нуждах.

В результате Коринф лишь ошарашенно взглянул на Маркуса, не в силах побороть своё удивление или ответить что-то внятное.

— Ба... Да мы, похоже, на всё согласны... — с улыбкой произнёс Маркус и, не сводя взгляда с глупого выражения лица Коринфа, поднёс к лицу наручный коммуникатор, прижал кнопку и отчётливо произнёс:

— Он согласен. Поднимайся на борт.

Через полминуты со стороны подъёмной ramпы послышались звуки чьих-то каблуков. Женщина неспешно прошла через отсек гравитационного двигателя и остановилась в дверях на входе в кубрик. Это была Елена.

Елена была женщиной средних лет. У неё не было ни детей, ни семьи. Всю свою сознательную жизнь она занималась аккуратным построением прочной карьеры на пути служения Основателям. И она вполне преуспела. Не желая связывать себя обязательствами с какой-то одной конкретной группировкой Основателей, она зарекомендовала себя как великолепный наёмник, ответственный, исполнительный и преданный тому, кто хорошо

платит.

Коринф уже пару-тройку раз пересекался с Еленой. В основном это были миссии от Маркуса, когда ему нужно было сделать что-то не очень сложное, но при этом он мог быть гарантированно уверен в том, что информация не потечёт куда не надо.

Елену, впрочем, как и Маркуса, к этому моменту Коринф не видел уже больше двух лет. Он всё с такой же глупой, удивлённой гримасой начал разглядывать её. За несколько лет она сильно постарела. Коринф не знал, сколько Елене было лет: возможно, тридцать пять, возможно, сорок, а может быть, даже немного больше. Но явные морщинки в уголках её глаз выдавали окружающим, что она давно не молодая женщина.

В её глазах читались раздражение, усталость и некоторая презрительность то ли по отношению к себе, то ли к Коринфу, то ли вообще ко всей жизни. Она пару мгновений потерпела на себе тупой взгляд Коринфа, после чего вальяжно выставила вперёд ногу, отмахнула прядь чёрных волос на своей оригинальной причёске, напоминавшей стильное каре, снисходительно улыбнулась и брезгливо произнесла:

— Слюни подбери, неудачник!

В её устах эта оскорбительная фраза звучала как-то даже по-доброму. Елена не упускала случая позадирать окружающих, однако она всегда знала меру, субординацию, и её остроты били в самое сердце её жертв.

Повисла длительная пауза. Всеобщее молчание прервал Маркус. Он стремительно поднялся и довольным голосом произнёс:

— Ну... Все детали операции ты узнаешь от Елены. Выполните работу в срок, качественно и профессионально. Я на вас рассчитываю! — с этими словами Маркус вышел из кубрика и отправился вон с челнока. На грузовой рампе послышались звуки: кто-то уже грузил на неё ящики с оборудованием.

Елена прошла и заняла место на освободившемся кресле.

— Где второй гомункул? — брезгливо спросила она, грациозно устроившись на кресле и закуривая тонкую сигарету. Сигареты уже лет пятьдесят как считались на Саратуме древним пережитком прошлого. Какие-то ценители ещё производили некоторое количество, но встретить настоящего коллекционера-курильщика было большой редкостью. Все уже очень давно пристрастились к курительным имплантатам. Елена выдохнула тонкую струйку дыма и взглянула на Коринфа пронзительным взглядом:

— Ну?! — недовольно и агрессивно буркнула она.

Коринф нехотя пришёл в себя и позвал Владимира. Тот моментально оказался в дверях кубрика всё с таким же тупым и испуганным выражением лица. Елена ловким движением грациозной ножки толкнула третье кресло по направлению к Владимиру, очевидно, предлагая ему присесть. Владимир послушно водрузился на кресло.

— Люди Маркуса сейчас заканчивают загрузку всего необходимого оборудования, — в полголоса начала Елена. Коринф и Владимир с огромным интересом уставились на неё, пытаясь ловить каждое слово, но барышня предательски замолчала. Она продолжала курить, будто бы отвлекаясь и рассматривая сигарету, пока от неё не остался лишь небольшой окурочек. Она брезгливо затушила его о металлическую столешницу, наклонила голову в сторону дверей и прислушалась. Погрузка была завершена. Она кивком указала Владимиру отправляться и поднимать оборудование в грузовой отсек. Он послушно отправился исполнять команду. С левого борта челнока послышалась работа пневматиков.

— Наша задача — отправиться на Канью: есть сведения, что там был обнаружен бункер Аристариев. Мы должны проверить эту информацию. Если всё подтвердится, мы вскроем защитные двери, считаем всю информацию, которую сможем достать, заберём с собой пару древних компьютеров и вернёмся на Саратов, — Елена кокетливо взглянула в глаза Коринфу и спросила: — Вопросы?! — не дожидаясь ответа, она встала и отправилась на выход с кубрика. К этому моменту в дверях уже был Владимир. Елена небрежно оттолкнула его с дороги и по пути бросила им фразу:

— Ладно, неудачники, я займу лазарет и предпочту не видеть ваши унылые морды до прилёта на Канью!

Владимир и Коринф лишь остоленело проводили её взглядом, вероятно, наслаждаясь её женственной походкой, пока она не скрылась за дверьми коридора. Все те несколько раз, когда Елена была вынуждена путешествовать в челноке Коринфа, она предпочитала оккупировать для себя медицинский отсек, будто бы это были её персональные покои. Ей, очевидно, претило делить спальные места в кубрике с двумя мужчинами.

В любом случае, появление Елены было отличным предзнаменованием. У неё был настоящий нюх на успешные мероприятия. Во всяком случае, ходил устойчивый слух, будто бы ещё ни одна миссия, в которой участвовала Елена, не оканчивалась провалом.

Полёт на Канью занял менее двух дней. Елена весь полёт не покидала своих апартаментов. Лишь дважды в день по большому одолжению она пускала к себе Коринфа, когда он организовывал для неё трапезы. За всю свою жизнь Коринф лишь два раза был на Канье, при этом на её поверхность он приземлялся лишь однажды, первый полёт и вовсе имел цель осуществить доставку небольшого, но весьма ценного ремонтного оборудования для большого торгового судна, находившегося на орбите Каньи.

Планета Канья была самой бедной из четырёх обитаемых планет сектора. Когда-то давно, лет четыреста назад, на планете проживало более тридцати миллионов человек, обеспечивающих бесперебойную добычу и переработку слемния. Но месторождения вскоре иссякли, и большая часть специалистов Аристариев стала постепенно покидать планету, увозя с собой всё самое ценное. Планета, как и весь сектор, пережила две полномасштабные корпоративные войны. В итоге к нынешним событиям большинство всех тех, кто мог, уже давно покинули этот бедный мирок. На Канье осталось не более двенадцати миллионов жителей, большинство из которых переселилось жить в самый крупный центральный город планеты — в её столицу, единственное место, где ещё сохранился полноценный действующий орбитальный порт, способный принимать транспортные и торговые корабли. Лишь пару раз в пять-семь лет Канью посещали местные, а иногда даже внешние торговцы, осуществляя небольшой товарооборот и поддерживая функционирование крохотной колонии.

Номинально Канья находилась под протекцией фракции Немых, однако её бедность и малочисленность населения в итоге практически полностью отбили желание фракции уделять ей хоть какое бы то ни было внимание. Фактически Канья была предоставлена самой себе, вернее сказать, оставлена на откуп её коррумпированной, эгоцентричной олигархической верхушке.

— Мы заканчиваем цикл торможения со сверхсветовой скорости. Через полчаса мы будем на орбите планеты Канья, — флегматично заявил Ион. — Я был бы не против указаний относительно вектора захода на посадку.

— Я тоже был бы не против указаний относительно вектора посадки, — устало отметил Коринф.

— Вектора захода... на посадку, — всё так же флегматично отметил Ион.

— Во-во, вот и меня он никогда внимательно не слушает, — раздался внезапно голос Елены, покинувшей своё убежище и ступившей в кабину челнока.

Коринф и Владимир удивлённо уставились на неё. Её новый наряд разительно отличался от того, в котором она присоединилась к команде на Саратуме. Вместо эластичного кожаного облегающего комбинезона и стильной сетчатого-пластиковой куртки на ней были мотки каких-то тканей песочного оттенка, полностью прикрывающие тело и голову, а вместо высоких сапог на среднем каблуке были походные ботинки.

— И вновь меня пилят две пары бестолковых глаз... Вы хоть какую-нибудь девчонку на корабле организуйте, а то и вовсе одичали без женской компании! — раздражённо выпалила Елена, оттолкнув Коринфа от панели управления и вводя данные по вектору захода на посадку.

— Может, мне и приятно в коем-то веке почувствовать прикосновение женских рук к приборной панели, но даже это не изменит того факта, что ты указала лишь область захода на посадку, — защищая команду, постарался ответить колкой остротой Ион.

— Пока этого будет достаточно, — отрешённо ответила Елена, — у нас нет точных карт поверхности Каньи, нам придётся искать области для посадки, ориентируясь по местности.

Она уже собралась выйти из кабины, как обратила внимание на Коринфа и язвительно сказала:

— Одень уже, наконец, что-то вменяемое: в каменистой пустоши, куда мы направляемся, ты в этом будешь как новогодняя ёлка!

Елена ненадолго удалилась, но прямо перед заходом в атмосферу вернулась в кабину и пристегнула себя к креслу, что было весьма кстати, поскольку челнок начал выполнять практически аварийное снижение.

Елена заложила весьма крутой курс захода на посадку. Челнок трясло так, будто он собирается развалиться на куски. Даже гравитационный двигатель, работая практически на полную мощность, едва справлялся с компенсацией атмосферных флуктуаций. Все трое сидели, пристёгнутые в креслах, в кабине и пытались не выпустить наружу содержимое желудков.

— Вот что происходит, если пустить женщину за штурвал, — недовольно сетовал Ион.

— Не дерзи мне, искусственный болванчик, мы должны выйти на низкую высоту максимально быстро, чтобы уменьшить вероятность обнаружения местными, — сдавленно отвечала Елена.

— Я обнаружил на расстоянии трёхсот пятидесяти километров от экстрополированной точки касания столицу Каньи: их радары без труда обнаружат нашу незатейливую смерть от встречи с поверхностью планеты.

— Столичники Каньи меня не интересуют: мы должны остаться незамеченными для многочисленных вооружённых банд вокруг.

Через минуты три подобного издевательства маневровые газотурбинные двигатели вывернулись обратным курсом и принялись гасить скорость корабля, выправляя его траекторию в горизонтальный полёт. Челнок испытал серьёзные перегрузки, и, если бы не гравитационная компенсация слемниевое двигателя, все члены экипажа были бы уже мертвы.

Выйдя из смертельного пике, челнок, погасив скорость, продолжил полёт, неспешно снижаясь с высоты трёх сотен метров над поверхностью. Солнце только поднималось из-за горизонта. Полёт проходил через редкие рябые цепи гор и небольших каньонов, выделяющихся яркими черно-синими разрывами на желтовато-белом полотне каменистой пустыни. Где-то вдалеке на пару секунд показалась полоса густых зелёных зарослей и просторная гладь моря, из-за снижения быстро скрывшаяся за очередной обширной горной грядой. Внезапно потемнело: челнок погрузился в низину, ещё не освещённую восходящим пепельным солнцем.

— Туда! — властно скомандовала Елена, вводя новые навигационные данные, не переставая следить за показаниями анализатора поверхности.

Ион послушно направил челнок, огибая горную расщелину, прямо в очередную низину, вероятно, образованную пару сотен тысяч лет назад упавшим на поверхность планеты метеоритом. Через минут пять он уже завершил цикл приземления, и челнок мягко коснулся сравнительно ровной песчаной поверхности.

— Выгружайте оборудование и ровер, — с довольной ухмылкой скомандовала Елена и отправилась наружу через спускающуюся пассажирскую рампу.

— Ты готовишь и приносишь ей еду, она критикует твою одежду, командует кораблём и экипажем... Вы, часом, не женаты? — ехидно спросил Ион.

— Замолкни! — испуганно скомандовал Коринф.

— Только в твоих электронных мечтах, болванчик! — раздался снаружи голос Елены.

— Не знаю как насчёт тебя, а я ей точно нравлюсь, — самодовольно съёрничал Ион, Коринф даже не нашёлся что ответить.

Владимир принялся опускать обе грузовые ramпы. Через пару минут Коринф завёл и подкатил к ящикам с оборудованием четырёхколёсный ровер. Елена всё это время стояла метрах в десяти от корабля, пристально вглядываясь в пустоту через здоровенный бинокль. Видимо, убедившись в их приятном одиночестве, она подошла к мужчинам и принялась раздавать указания по разгрузке.

— Начиная с этих двух ящиков. В них автоматические турели, соберите их и расставьте по периметру. Дед, подключи их к кораблю, чтобы болванчик мог контролировать нашу диспозицию. Ещё два ящика с турелями загрузите в багажник. И вон те три больших и три маленьких ящика — тоже в багажник. Из вон того большого ящика достаньте блок питания и запитайте от корабля. Он должен быть заряжен, но всё равно проверьте, после чего закрепите внутри ровера, — речь Елены была резка и отчётлива, она делала знаки руками, указывая то на Владимира, то на Коринфа. После раздачи указаний она вошла в кабину ровера и принялась прорисовывать маршрут.

— Болванчик! Передай геоданные на ровер! — в какой-то момент крикнула она из кабины. На приборной панели заморгала пара лампочек — Елена удовлетворённо закивала головой.

Через минут пятнадцать все указания были выполнены и ровер был подготовлен к предстоящей дороге. Елена продемонстрировала всем маршрут и цель. Предстоял путь около сорока километров.

— А чё было не приземлиться поближе? — впервые за путешествие обратился к Елене Владимир.

Она лишь недовольно смерила его взглядом. Но, прочтя такой же вопросительный взгляд Коринфа, закатила глаза и снизила до разъяснений:

— Участок, куда мы направляемся, лежит практически на открытой местности. Челнок хоть и небольшой, но будет здоровенным бельмом на фоне пустыни. Пусть лучше остаётся тут, под прикрытием гор. Ровер существенно менее заметен, — как-то даже по-педагогически спокойно, как для дурачков, разъяснила Елена. Мужчины уважительно понимающе закивали.

— Дед! Слушай, это важно! Постарайся настроиться на какой-нибудь из военных спутников: их тут должна до сих пор летать целая куча. Я оставила программы связи, болванчик поможет тебе с подключением. Если повезёт, сможешь настроить передачу снимков с орбиты — так ты сможешь следить за нами и обстановкой. Если ничего не выйдет, то хотя бы следи через камеры турелей за периметром. Если возникнут серьёзные проблемы, бросай турели и взлетай! Как вылетишь из чаши, свяжешься с нами и доложишь. Мы должны вернуться максимум часов через пять-шесть. Всё понял? — голос Елены был непривычно спокоен и даже мягок. Владимир поднял взгляд, будто бы проверяя в своей памяти, всё ли он понял и запомнил, после чего послушно закивал головой.

Елена удовлетворённо повернулась к Коринфу и властно скомандовала:

— Поехали!

Через пару минут ровер уже скрылся за горной грядой. Владимир остался один охранять место посадки.

Елена и Коринф ехали молча. Коринф было хотел что-то спросить, но периодически поглядывая на Елену,

видел лишь её сосредоточенное, серьёзное лицо. Периодически она приказывала остановить ровер, поднималась через люк и разглядывала местность через бинокль, после чего они продолжали свой путь.

Вся дорога заняла немногим более часа. Уже практически добравшись до намеченной точки, Коринф заметил цель их путешествия. В небольшой скалистой горе проступала скошенная крыша военного бункера. Не зная точного его расположения, было бы невозможно обнаружить это древнее захоронение, практически полностью погребённое под осыпающейся горной породой.

Ровер остановился прямо напротив входа. Елена вновь раздала кучу указаний, и Коринф послушно принялся за работу. Через пару часов он уже расставил вокруг ровера защитные турели и уже наполовину расчистил вход в бункер. Он ловко орудовал гидравлическим молотом и лопатой, слой за слоем разгребая отложения каменистой породы. Рыхлые чёрные камни крошились в труху, поднимая густые клубы пыли. Совсем скоро Коринф был уже весь запачканный и чёрный.

Пепельное солнце давно вошло и было уже практически в зените, беспощадно высушивая и раскаляя пустынный пейзаж. Пот градом тёк с Коринфа, он решил сделать перерыв и устало уселся на куче породы.

— Работай, уголёк, солнце ещё высоко! — ехидно подтрунила над ним Елена, бросая флягу с водой. Коринф поморщился, напился и нехотя продолжил свой нелёгкий труд.

Ещё через полтора часа Коринф наконец расчистил вход в бункер. По крайней мере, левую его створку. Елена заботливо смочила водой пару полотенец и кинула Коринфу, чтобы он мог обтереться и хотя бы примерно привести себя в порядок. К этому моменту Елена уже распаковала пару простеньких компьютеров и протянула Коринфу толстый шлейф проводов.

Коринф разбил защитный щиток, скрытый в стене бункера. На его удивление, он не обнаружил ни следа коррозии или износа материалов. Он без труда подцепил пару проводов и отошёл от панели. Елена запитала кабели. Минут пятнадцать она корпела над мониторами, пытаясь совладать с непослушной дверью. Наконец она достигла успеха. Толстая металлическая дверь со звучным скрипом неохотно отворилась, поднимая клубы пыли. Елена, довольная собой, сунула Коринфу в руки фонарь и бобину с энергокабелем и жестом указала топать внутрь, аккуратно направляясь за ним следом.

Коринф послушно направился внутрь бункера. За створкой бункера оказался просторный длинный зал. Множество разнообразного оборудования было аккуратно разложено вдоль стен. Некоторое было всё ещё бережно упаковано, остальное, казалось, наоборот будто бы только прибыло и было распаковано для использования. Через все стены под потолком были протянуты ровные ряды блестящих технических труб и каналов. Белоснежно-белые стены отражали лучи фонарей, Коринф отметил для себя чистоту и аккуратность всего убранства вокруг. Всё окружение явно выдавало технологии Аристариев: даже после, возможно, нескольких сотен лет консервации вокруг не было ни намёка на коррозию. Даже краска не облупилась со стен. Всё было новым и выхолощенным, будто бы только вчера с конвейера. Лишь небольшой слой мелкозернистой пыли выдавал след прошедшего времени.

Пройдя через весь зал, они упёрлись в очередные заблокированные ворота. В этот раз Елене потребовалось целых полчаса, чтобы совладать с открывающим механизмом. Наконец двери послушно и практически беззвучно поднялись, подсвечивая едва заметным моргающим светом пространство с большой лифтовой платформой по центру, огороженной перилами. Елена указала рукой куда-то влево:

— Нам не хватит мощности запитать лифт — придётся топтать по лестнице.

Отворив дверь лестничных пролётов, Коринф с удовлетворением обнаружил, что бункер уходит под землю всего на пару этажей — всё это технологичное убранство немного напрягало его, и ему не очень хотелось долго блуждать по этому отголоску прошлого.

На этот раз Елена прошла вперёд, Коринф еле поспевал за ней, постоянно разматывая тяжёлую бобину энергокабеля и прикрепляя к нему тусклые светильники, света от которых едва хватало осветить окружающую обстановку, чтобы хотя бы не спотыкаться обо всё подряд. Они спустились на этаж ниже: створки лифтового зала были открыты, что позволило беспрепятственно пройти в очередной длинный коридор, существенно расширяющийся к концу. Коринф уже практически полностью разматал бобину: тянуть дальше энергию не представлялось возможным. Но это и не требовалось. Они упёрлись в очередную громоздкую дверь. В этот раз конструкция двери явно отличалась от прежних. Елена недовольно покачала головой и принялась расхаживать по соседним комнатам. В какой-то момент она восторженно воскликнула и подозвала Коринфа. Она обнаружила консоль управления.

Целый час Елена корпела над непослушной консолью, пока наконец не заставила её работать. Коринф с любопытством прильнул к экрану. Возникающих символов он не понимал. Частично язык был ему понятен, но вот вторая половина текстов и символов явно отличалась. Он обратил внимание на Елену: она уже наобум тыкала в разнообразные кнопки и тумблеры. Она то выглядела восторженной, то раздражалась и даже ругалась с консолью. Изредка где-то за стенами раздавалось еле заметное жужжание: какие-то механизмы то приходили в движение, то

замирали в ожидании. В конце концов Елена в сердцах ударила кулаком непослушную консоль и выдала очередную неожиданную команду:

— Задолбало! Тащи сюда плазменные резаки — мы забираем консоль с собой!

В принципе, Коринф ожидал чего-то подобного, но всё равно пожелание было неожиданным. Он спешно поднялся к роверу и вскоре вернулся уже с двумя плазменными резаками. Вдвоём с Еленой они оперативно срезали стойку крепления и без труда отсоединили непослушную консоль целиком. Когда она срезала центральный кабель, где-то наверху что-то зашумело и заскрежетало — в следующее мгновение всё пространство вокруг погрузилось в непроглядную тьму. Все тусклые светильники, прикреплённые к энергокабелю, синхронно погасли. На пару секунд воцарилась пугающая тишина. Молчание прервал раздражённый голос Елены. Она звучно выругалась на языке, который Коринф не знал. Вероятнее всего, это был язык группировки Немых. Коринф включил фонарь и нашёл в темноте Елену: она сидела на полу, облокотившись спиной на стену, закрыв лицо ладонями.

— Какая же я дура набитая... Входной гермозатвор среагировал на сигнал тревоги из-за прерывания связи с консолью... Створка автоматически закрылась, перерезав питающий кабель... Мы полностью отрезаны... — голос Елены выдавал её крайнее раздражение и даже некоторую тревогу.

— Так мы же можем связаться с Дедом: он прилетит на челноке и снова разблокирует дверь.

— Не сможет... Даже если ему хватит мозгов прилететь спасти нас, даже если он разберётся в ситуации, оба моих компа тут — без них он не сможет вскрыть входные двери. А самое главное, бункер не радиопрозрачен: мы даже не сможем связаться с ним, чтобы объяснить ситуацию и дать инструкции по нашему вызволению... — голос Елены стал печальным и задумчивым. — Практически наверняка мы тут умрём от обезвоживания...

Коринф осел, опёршись на стену. Внезапно он стал проникаться всей пессимистичностью сложившейся ситуации. Минут тридцать они сидели в полной тишине: каждый думал о чём-то своём. Коринф размышлял о смерти и о сложившейся ситуации в целом. То чувство паники, то чувство безысходности вяло накатывали на его сознание. Поначалу он даже не верил во всю серьёзность происходящего. Ему казалось, что это лишь мелкая неурядица, одна из многих, которые он встречал на своём жизненном пути. Однако вдумчивый анализ давал ясно понять, в какой безвыходной и тяжёлой ситуации они оказались. Через некоторое время Коринф поднялся и сказал:

— Мы всё равно должны бороться! Обойдём бункер и постараемся найти хоть что-нибудь, что позволит нам продержаться подольше.

Елена лишь флегматично покачала головой, однако послушно поднялась и поплелась вслед за Коринфом. Часа четыре прошло, пока они скрупулёзно обшаривали все три этажа бункера. Они даже обнаружили жилой блок. Водомытые тусклой надеждой, они обшарили все ящики и шкафы, которые смогли найти. Они нашли множество любопытных предметов обихода обитателей бункера, они даже нашли небольшую кухню, однако всё, что когда-то давно было продуктами или резервуарами с водой, уже давно истлело и испарилось. Они вновь поднялись на первый этаж и обследовали входную дверь — она была наглухо заперта. Итого во всём бункере осталось всего две двери, которые они не могли открыть: входная дверь и большая технологичная дверь в конце второго этажа. Им уже даже не было любопытно, что могло прятаться за этой интересной преградой... Они нашли ещё один зал, служивший, видимо, для управления бункером. Вероятно, будь у них с собой достаточно мощный источник питания, они смогли бы задействовать средства коммуникации и связаться с челноком, но всё было тщетно. Они даже подумали о том, чтобы приладить обратно срезанную консоль, однако какой в этом был смысл без источников питания? В итоге они оттащили и свалили пачками синтетические матрасы, найденные в казарме бункера, в помещение, соседнее с входной дверью, и легли в надежде уснуть. День был тяжёлый и выматывающий, однако сон всячески бежал от Коринфа. Ощущение медленно приближающейся смерти раз за разом сотрясало сознание безжалостными нападками отчаяния, страха и сожаления.

Коринф не знал, сколько прошло времени. В крошечной тьме течение времени начало принимать весьма причудливое ощущение. Он проснулся и порадовался тому факту, что отлично выспался, как и тому, что в какой-то момент ему всё же удалось унять бесновавшееся сознание и провалиться в сон. Он включил фонарь и взглянул на часы. С момента, как они легли спать, прошло шестнадцать часов.

— Любопытно, чем сейчас занят Владимир... Мы уже больше чем в три раза затянули нашу планируемую экспедицию... Возможно, он уже давно находится тут, за стенами, не прекращая отчаянные попытки вскрыть бронированную дверь. Да... Елена бы его сейчас знатно отчитала... — Коринф растопырил глаза, повернулся и посветил фонарём в стороны от себя: — Кстати, а где Елена?!

Женщины нигде не было. Тревога вновь начала подкатывать к сознанию Коринфа. Нет, он, конечно, не боялся темноты, только вот пропажа спутницы его весьма озадачила и даже напугала.

— Елена? — громко крикнул Коринф в пустоту бункера. Ответа не последовало. — Елена?! — ещё громче и отчётливее крикнул Коринф. И вновь лишь еле заметное эхо стало ему ответом.

Он нервно вскочил и вышел в просторный центральный зал, светя фонарём во все стороны вокруг в надежде найти... Что-нибудь... Её саму, её бездыханное тело... Хотя бы какую-нибудь определённую. Коринф вдруг поймал себя на мысли, что помирать вдвоём куда более приятнее, чем помирать в пустующем бункере с куда-то пропавшей спутницей.

Коринф принялся нервно обшаривать помещение за помещением, он уже спустился на второй этаж — женщины нигде не было. Тревога всё усиливалась: куда в этом запертом, изолированном помещении могла подеваться женщина?! Он всё искал и звал, но ответа по-прежнему не было. Он даже не мог понять, что вызывает его практически паническую тревогу: страх найти мёртвую соратницу со вскрытыми венами в луже крови, решившую покинуть жизнь на своих условиях, или пугающая мистическая вероятность вообще не найти её в этом подземелье. Куда она могла деться? А что если они тут на самом деле не одни? Ну и что с того? Они всё равно погибнут от обезвоживания в ближайшие несколько суток: какая, в сущности, разница, что станет причиной их смерти?

Коринф практически бегом метался от одного помещения к другому: ему хотелось, чтобы случилось уже хоть что-нибудь. Пусть настанет хотя бы какая-то определённая. Он вновь выбежал в коридор второго этажа и развернулся, светя лучом фонаря в самую даль. Он изо всех сил прищурился: ему едва показалось, что там вдалеке что-то шевельнулось. Или это уже просто игра его воображения? Внезапно что-то резко впилося со спины в его рёбра.

— Ва-а-а-р-р-р! — пронзая мертвецкую тишину бункера, раздался то ли рёв, то ли крик Елены.

Сердце чуть было не выпрыгнуло из груди Коринфа. Он взвыл, как дикий лось в период гона, в шокированном ужасе замахал руками и уронил на пол фонарь.

— А-а-а-а-а-а-а-а!!! — заверещал Коринф практически как девчонка, рывком поворачиваясь в отчаянном ожидании встретить свою неминуемую смерть в безжалостных когтях свирепого монстра.

За спиной на полу покатывалась от гомерического хохота Елена. Слёзы струями текли из её глаз: она всё хохотала и хохотала, не в силах остановиться. Ноги Коринфа подкосились, и он шлёпнулся на пол, истерично хватая ртом воздух. Его ноги, всё ещё ведомые тревогой и смятением, совершали какие-то непонятные конвульсивные движения, видимо, продолжая попытки спасти тело от неизбежного растерзания. По его щекам текли слёзы. Ему показалось, что он даже немного описался...

Елена всё не унималась: она уже включила свой фонарь и периодически светила в лицо Коринфу, очевидно наслаждаясь его по-детски растерянной гримасой.

— Ты!.. Ты!.. Ты!!! — пытался не зная что выговорить Коринф, всё ещё продолжая истерично глотать воздух ртом. Елена наконец начала успокаиваться.

— У-у-у-у-у-у-у-у... Э-э-э-э-э-э! — лишь вырывалось из её милого ротика, пока она всё ещё продолжала давиться от смешков, вытирая слёзы ладонями, слегка растирая по лицу тушь.

— Да!... Это того стоило! — выдала она, наконец обратив внимание на не унимающуюся панику Коринфа. Заметив, что он всё ещё никак не может найти в себе силы успокоиться, она на четвереньках подползла к нему. Коринф продолжил попытки отстраниться. Елена бережно схватила его за руку и притянула, обнимая и прижимая к себе:

— Ну всё... Всё... Всё уже закончилось, давай успокаивайся уже... — как-то даже бережно и любвеобильно пыталась она успокоить его, поглаживая ладонью по затылку.

Коринф постепенно взял себя в руки: тревога, страх и оцепенение постепенно начали отпускать. Он силой отпихнул от себя Елену.

— Ты вообще из ума выжила?! Совсем долбанулась?! Я, блин, чуть не сдох тут! Да ты... — Коринф всё хотел собрать и вывалить на неё весь поток оскорблений и проклятий, которые только приходили в его голову, но постепенно начал успокаиваться, заметив её смущённое и даже виноватое выражение лица.

— Прости меня, пожалуйста... Просто не смогла удержаться... — смущённо начала свои извинения Елена. — Я часа три назад встала и решила ещё разок обойти бункер: возможно, мы что-то пропустили, может, нам хоть что-то сможет помочь. А тут ты, такой милый, испуганный, весь распереживавшийся... Я поначалу хотела откликнуться на твои... Мольбы... Но потом подумала, что не смогу себя простить, если не напугаю тебя!

— Да я бы мог концы отдать от страха!

— Ой, да ладно тебе! Ты здоровенная, крепкая детина! Метр восемьдесят пять ростом! Ничего с тобой бы не случилось, — голос Елены внезапно сменился, в нём стали проступать нотки горечи и расстройства: — К тому же, если бы ты прямо тут помер от страха, это, возможно, всё равно была бы более милосердная смерть, чем ещё неделю изнывать от обезвоживания...

— Ой, вот говори-ка лучше за себя... — никак не унимался Коринф. — Ладно! Нашла что-нибудь?!

— Нет... По крайней мере, ничего, что могло бы хоть немного облегчить нашу ситуацию.

— Ладно! Пошли обратно! — Коринф схватил Елену за руку и потащил за собой. — Теперь будешь всё время рядом со мной. Я больше не позволю тебе выкинуть ничего подобного!

— Ой, ну надо же, какие мы обидчивые... — ухмыляясь, кокетливо произнесла Елена, послушно топая за Коринфом.

Они неспешно вернулись на первый этаж и устроились рядом друг с другом на матрасах. Минут сорок они сидели так, периодически о чём-то перешёптываясь. Видимо, от переизбытка эмоций, а возможно, из-за начинающегося обезвоживания, но Коринф стал всё чаще поглядывать на Елену. Через некоторое время он стал замечать некоторые нюансы, которые не видел или, возможно, не хотел видеть раньше. Ему показалось, что за всей этой бронёй агрессии, надменности и властности всё это время покоилась невысокая, хрупкая, практически беззащитная женщина, которая даже больше, чем он, сейчас боялась тихой поступи приближающейся смерти, ощущая своё бесконечное одиночество и бессилие. Она всё это время создавала и поддерживала этот неприступный образ недостижимой воительницы, лишь бы только никто не догадался о том, какая на самом деле она слабая и беззащитная глубоко в душе.

— Ладно, не бойся, мы преодолеем это вместе. Даже если мы тут умрём, я не брошу тебя, — попытался как-то успокоить Елену Коринф, пытаясь прижать её к себе.

— Ой, только вот не надо всех этих соплей, хорошо? — немного агрессивно, но всё равно с лёгкой тенью благодарности попыталась отстраниться от него женщина. Она не позволила прижать её к себе, но, по крайней мере, позволила ему немного придвинуться к ней.

Прошло несколько суток, Коринф уже полностью потерял течение времени. Практически всё время они пролежали с Еленой рядом друг с другом. Они пытались спать, пытались отвлечься разными разговорами. Казалось, они обсудили всё, что только можно было: они рассказали друг другу о своих жизнях, о потерянных навсегда мечтах, страхах, переживаниях, обидах... В какой-то момент они даже поймали себя на мысли, что спорят о том, как их наверняка спасут и как технически это будет реализовано. В конце концов силы начали покидать их: Коринф уже не мог понять, спит он или бодрствует. Изредка он спрашивал в пустоту:

— Елена, ты ещё со мной?

Иногда она отвечала ему что-то типа «угу». Со временем она уже и вовсе перестала реагировать на его вопросы. Она безмятежно и спокойно лежала рядом. Коринф попытался понять, дышит ли она ещё. Но сил уже практически не было. Он уже забыл, когда в последний раз чувствовал во рту хоть что-то, кроме мерзкого пепельного привкуса. Голова болела, всё тело будто бы ломило. Темнота вокруг, будто сотни чёрных мешков с песком, давила со всех сторон. В какой-то момент Коринф понял, что если он сейчас погрузится в сон, то уже больше никогда не проснётся. Ему уже больше не было страшно. Вероятно, он наконец смирился. Принял свой злой рок и полностью отдался ему. Постепенно он перестал слышать звук своего дыхания. Сознание навсегда ускользнуло, и он погрузился в тёмный мрак своего последнего сна...

Глава 9 Вниз по наклонной

Слепящий свет пронзил уставшие глаза Коринфа. Он хотел было поморщиться, отмахнуться или закрыться рукой от этого яркого неприятного явления. Руки не слушались. Еле-еле сознание начало лениво возвращаться. Он начал слышать какие-то знакомые голоса.

— Сатурация девяносто два, пульс шестьдесят четыре. Зрачки реагируют на свет. Он выживет, — монотонный электронный голос продолжал что-то раздражающе бурчать, глаза всё ещё слепил неприятный свет.

Коринф сделал титаническое усилие и едва открыл глаза. Знакомый тёмно-зелёный потолок медицинского отсека челнока проявился в расплывающемся сознании.

— С возвращением с того света, капитан, — флегматично произнёс электронный голос Иона. В следующее мгновение прямо в лицо Коринфа влезла неприятная бородатая морда Владимира. Коринф инстинктивно поморщился.

— Доклад... — еле слышно хрипящим голосом произнёс Коринф.

— Вы были заперты в бункере Аристарьев более шести дней, — начал свой доклад Владимир, голос явно выдавал его гордость за спасение капитана и Елены: — Я смог получить доступ к одному из древних спутников на орбите. Орбитальные снимки показали мне, что вы успешно прибыли к бункеру и расположились, выполняя все приготовления. Остальные спутники не поддавались, так что мне пришлось ждать почти сутки, чтобы получить новые сведения. Ваш статус не изменился. Так я понял, что что-то пошло не так внутри. Я собрал оборудование и совершил небольшой перелёт прямо к бункеру. Тогда я и понял, что дверь захлопнулась, похоронив вас с Еленой внутри. Я почти пять дней безуспешно пытался вскрыть дверь разными способами. На ваше счастье, мне это удалось. Я нашёл вас обоих при смерти.

— Елена? — всё таким же слабым хриплым голосом обеспокоенно спросил Коринф.

— Пришла в себя, отдыхает и восстанавливается, — Владимир отошёл в сторону. Коринф через силу повернул голову и увидел на второй медицинской кровати безмятежно спящую Елену.

— Миссия?

— Завершилась номинальным успехом, если не считать ваше состояние. Я поднял на борт компьютерную панель, которую вы так бесцеремонно отодрали от стены. В данный момент мы находимся в пути обратно на Саратум. Нам предстоит ещё два дня пути.

Коринф еле заметно улыбнулся, тело практически не слушалось, он закрыл глаза с намерением уснуть.

— Оперативное дополнение: это я взломал и переписал протоколы безопасности военного спутника и это я нашёл в итоге подход к запирающему механизму двери бункера... Всегда пожалуйста, — флегматичным и, возможно, слегка обиженным голосом пояснил Ион. Владимир недовольно переваливался с ноги на ногу. Коринф их уже не слушал, он спал...

Через полтора дня полёта, принимая ломовые дозы различных стимуляторов, регенераторов и прочей медицинской химии, Коринф и Елена уже могли стоять на ногах и неспешно перемещаться по кораблю. Силы быстро возвращались к ним, но они всё равно постоянно чувствовали усталость и ломоту по всему телу.

Челнок успешно вернулся на Саратум. Елена неспешно собрала свои вещи, на посадочной площадке уже сустились рядовые оперативники Основателей, разгружая грузовую рампу. С момента пробуждения Елена практически ничего не говорила Коринфу, она вообще ни с кем не хотела общаться. Перед тем как покинуть челнок, она пересеклась с Коринфом в коридоре. Она резким движением прижала его к стене, встала на цыпочки и прошептала ему на ухо:

— Всё, что случилось в бункере — осталось в бункере. Никто не должен ничего узнать. Ты понял? — её лицо, как, впрочем, и голос, выражало усталость, угрозу, но в то же время просьбу.

Коринф послушно закивал головой. Елена слегка приобняла его и решительной, но всё ещё слабой походкой отправилась прочь из челнока. Коринф проводил её до выхода из челнока. Перед посадкой она распорядилась пригнать ей транспорт прямо к месту посадки. Она лично проконтролировала загрузку столь ценной компьютерной панели и лениво устроилась на заднем сиденье хOVERкара. Через пару минут на посадочной платформе остался лишь один оперативник. Он спешно подошёл к Коринфу и сказал:

— Вы задержались дольше, чем планировалось. Возникли трудности?

Коринф устало отрицательно покачал головой. Оперативник с недоверием пристально поглядел на него, после чего принялся что-то нажимать на своём планшете. Через пару секунд он улыбнулся, посмотрел Коринфу в глаза и произнёс:

— Основатели благодарят Вас за службу. Как было оговорено, оплата передана в полном объёме, — оперативник указал на стопку из четырёх небольших ящиков, неприметно лежащих на краю грузовой ramпы.

Коринф удовлетворённо кивнул, и оперативник спешно удалился. Владимир нетерпеливо подбежал к ящикам

и проверил содержимое: в каждом из них находилось по пять слемниевых топливных ячеек. Он по-детски восхищённо взглянул на Коринфа. Капитан всё ещё был суров, в его взгляде не читалось ничего, кроме усталости.

Коринф перегнал корабль на парковочную площадку и целую неделю приходил в себя. Первые дня три он просто ел и спал. Постепенно силы стали возвращаться. Через четыре дня его тело уже чувствовало себя бодрым и сильным, чего нельзя было сказать о разуме.

В течение этой недели он пару раз беседовал с Владимиром, жалуясь на жизнь.

— Никак не возьму в толк: пусть мы чуть не погибли, но мы же выполнили работу, получили щедрую оплату, но почему-то я всё равно не чувствую радости и удовлетворения. Конечно, этих топливных ячеек нам на полтора года хватит, если экономно расходовать, однако для нас в этой жизни всё-равно ничего не поменялось... Все эти чиновники по-прежнему будут пытаться нас всячески надуть и подставить... О-о-о-ох, как мне это всё опостылело...

— Ничего-ничего, ты пережил большой стресс. Пару неделек поваляешься, погуляешь по увеселительным заведениям, и твою усталость как рукой снимет! — ехидно вторил Владимир.

Коринф постарался воспользоваться советом: целых две недели он придавался всяческим увеселениям и после такого приятного отпуска действительно почувствовал себя лучше.

Было уже около полудня — Коринф всё ещё спал, вернее сказать, не спал, а полудремал, никак не желая вставать. В последние несколько лет он начал всё позже ложиться спать и всё позже просыпаться. В отличие от Владимира, который предпочитал всегда придерживаться выверенного графика и вставать не позже восьми утра, распорядок дня Коринфа был полностью плавающим и целиком зависел от его настроения.

Изредка Владимир обращал внимание на такой вольготный образ жизни Коринфа, он даже говорил, что отсутствие всяческой дисциплины приводит к расхлябанности и размягчению характера. Иногда подобные замечания выливались в получасовую беседу, в которой оба собеседника предпочитали представить на суд оппонента свои жизненные принципы. Иногда в процессе таких бесед Коринф сетовал, что порой ему не хочется ложиться спать, потому что он не хочет, чтобы наступал следующий день. По этой же причине ему становилось всё тяжелее вытаскивать себя из постели. Особенно сейчас, когда первоочередные нужды команды были удовлетворены и можно было некоторое время даже не искать новую подработку.

Время лениво перевалилось за полдень — пытаться спать дальше уже не представлялось возможным. Несколько раздосадованный таким положением дел Коринф рывком вскочил с койки и грубыми резкими движениями принялся приводить себя в порядок после длительного ненормированного сна. Внезапно спокойную тишину корабля нарушил голос Иона:

— Кто-то задействовал внешний канал связи... — озабоченно и удивлённо произнёс электронный голос. — А, минуточку... Это нам кто-то звонит... Хм... Не знал, что мы интегрированы в коммуникационную систему Саратума... Та-а-ак... Посмотрим... Ага. Кажется, сигнал следует обработать следующим образом...

Внезапно по кораблю пронёсся громкий звук телефонного звонка. Звонок был безмерно раздражающим, будто бы металлическое эхо множества ударов гулких труб по пустой алюминиевой канистре. Коринф скорчил беззлую раздражённую гримасу и даже прикрыл уши ладонями.

— Ион! Да какого же лешего?! — Коринф нелицеприятно выругался, что было для него не свойственно. — Что это за отвратительные звуки? Прекрати это немедленно!

Ион убавил громкость звука.

— В моей базе данных фигурирует инструкция именно так реагировать на внешние телекоммуникационные каналы связи. На мой взгляд, это чудовищный анахронизм, но кто я такой, чтобы спорить с инструкциями... Кстати, похоже, это звонок от Маркуса.

Упоминание имени брата оказало весьма бодрящее воздействие. Коринф даже немного напрягся.

— Так врубай!

— Я переведу звонок на монитор в кабину, — флегматично ответил Ион.

Коринф вновь нелицеприятно выругался и ломанулся через весь корабль в кабину, периодически с чем-то сталкиваясь. Он ввалился в кабину — на экране уже виднелось недовольное лицо Маркуса. Встроенная камера явно отсылала ему ответное изображение.

— Полагаю, что доброе утро, да, брат? Должен признать, это весьма неприятное чувство дожидаться, пока кто-то ответит на звонок. Раньше мне такого испытывать не приходилось.

— Да-да! Прости, я вообще даже не знал, что мой челнок может принимать внешние звонки! — Коринф неуклюже уселся в капитанское кресло.

— Даже не знал?! Коринф... Твою... Все транспортные средства, находящиеся в зоне приёма, всегда находятся в единой коммуникационной сети! — Маркус хотел было ещё что-то сказать, но запнулся, изучая помятый внешний вид Коринфа.

— Что-то ты хреново выглядишь, братец! У тебя вообще всё как, в норме?! — Маркус продолжал испытующе и

оценивающе разглядывать Коринфа.

— Я просто... Только встал... Я отдыхаю после твоей миссии на Канье.

— До сих пор?! — весьма удивлённо возмущился Маркус. — Да что у вас там произошло?! Елена тоже целую неделю варёная ходила! И оба молчат как партизаны: «Всё нормально, всё нормально», — последнюю фразу Маркус произнёс с противным кривлянием.

— Что, Елена неделю варёная ходила?! С ней всё хорошо? — Коринф неудачно попытался выразить удивление и озабоченность. Озабоченность получилась хорошо, очевидно, даже чересчур хорошо: Маркус даже удивлённо поднял бровь.

— С чего такая неприкрытая озабоченность? Уж не случилось ли между вами там чего? — Маркус даже слегка улыбнулся.

— Нет! Ничего не случилось, просто... Просто у меня была возможность немного лучше узнать Елену. Она... Она просто не такая жестокая, какой может казаться. Уверен, в глубине души она... Женщина... — Коринф мялся, у него заплетался язык, вероятно, он вообще уже не понимал, что несёт. Взгляд Маркуса стал ещё более удивлённым.

— Да ты, поди, какими-то чувствами к ней проникся?! Охомутала тебя, чёрная бестия?! — Маркус в голос рассмеялся. Коринф смутился: он почувствовал себя школьником, над которым насмеются за его детскую влюблённость.

— Да ничего я не проникся никакими чувствами! Просто... Эх... Тебе всё-равно не понять... — Коринф нахмурился и в раздражении отвёл взгляд в сторону.

— Ладно-ладно! Не кипятись, брат! — Маркус уже переставал потешаться над Коринфом. Постепенно его взгляд вновь стал серьёзным: — Ладно! Эти ваши детские сопли — это ваше личное дело. Я не просто так поболтать звоню! У меня есть для тебя работа.

— Я... Я не знаю. Предыдущая работа была не так проста, как бы мне хотелось. Оплата, конечно, была щедрая, даже, возможно, чрезмерно щедрая... — Коринф начал пытаться отнекиваться. Маркус вмиг посуровел:

— Слушай, Коринф, я не собираюсь с тобой как с девкой возиться и упрасивать тебя на что-то там! Я вообще никогда ничего не обсуждаю! Я приказываю! А ты, похоже, начал забываться. Думаю, даже для тебя очевидно, что ты мне обязан. К тому же если тебя не интересуют мои предложения, так скажи прямо, и прекратим эти бессмысленные пререкания раз и навсегда!

Судя по всему, Коринф задел Маркуса за живое. Вероятно, Коринф хотел бы и дальше морально разлагаться, но Маркус очевидно был прав. В любом случае, эмоциональный напор Маркуса быстро привёл в тонус сознание Коринфа. Отказывать Маркусу было не просто глупо — это, вероятно, было ещё и опасно. Конечно же, он не начнёт мстить или вставлять палки Коринфу в колёса, однако в среде Основателей слухи расходятся быстро. И наверняка найдётся уйма подхалимов, желающих выслужиться перед своим хозяином, прищемив того, кто вызвал неудовольствие их господина. Пару мгновений Коринф соображал и взвешивал всю ситуацию. Он быстро перестроился и уже спокойным, серьёзным голосом ответил:

— Да. Прости, ты прав. Что за задание?

Маркус выдержал некоторую паузу. Возможно, он хотел поёрничать или поиздеваться над Коринфом, но, видимо, времени на это у него не было, потому он перешёл сразу к делу:

— Вот так-то лучше! Постарайся в будущем не зарываться, брат. Так тебе нужна работа?

— Да, прости. Мне нужно это задание!

— Ладно. Начнём сначала. Итак... Задание в этот раз достаточно простое. Ты должен отвезти одного небольшого чиновника на Лигру. В этот раз тебе не придётся лезть в бункер, просто доставь его на место в целости и сохранности. И будь осторожен: Лигра — тёмное и опасное место.

— Понял. В неприятности не лезть, довезти человека до точки назначения одним куском.

— Да. Всё верно. Я переishлю тебе координаты. Чиновник пребудет через час. Поскольку в этот раз миссия достаточно простая, оплата будет стандартная, хотя для тебя я сделаю небольшой бонус. И приведи себя в порядок: смотреть на тебя больно.

— Всё сделаю... — устало ответил Коринф. Маркус оборвал звонок.

Пару минут Коринф сидел опершись на приборную панель локтями, закрыв ладонями глаза, переваривая произошедшее и собираясь с мыслями и силами. Наконец он встал и вышел в коридор.

— Владимир! — крикнул он. Ответа не последовало. — Дед! — уже громче крикнул Коринф.

— Тут я, тут! — вырулил со стороны камеры реактора Владимир.

— Приготовь всё! Мы летим на Лигру! — сурово произнёс Коринф.

— Мать-перемать! Какие дела могут быть у нас в этом проклятом месте?! — Голос Владимира выражал озабоченность и даже опаску.

— Задание. Звонил Маркус. Мы повезём чинушию Основателей на Лигру, — брезгливо ответил Коринф.

— Хм... Понял, босс... — покорно ответил Владимир и пошёл в грузовой трюм.

Коринф проверил сообщение Маркуса. В сообщении фигурировали координаты.

— Ион, прострой маршрут.

— Летим на Лигру? Отлично... Песчаные бури, красные пески, радиационные катаклизмы, разъярённые Трепалы... Как раз совсем недавно планировал какой-нибудь изощрённый способ суицида, — в коем-то веке голос Иона выражал явное неудовольствие.

Ион простроил маршрут. Коринф дважды перепроверил его и даже посоветовался с Владимиром. Через час прибыл чиновник. Это был высокий, худощавый, даже долговязый мужчина около пятидесяти лет. Он был одет в чёрную форму рядового дивизиона оперативников Основателей. По отсутствию знаков отличия можно было предположить, что чиновник относился к административному, а не оперативному управлению. Вероятно, разрешение носить оперативную форму, пусть и рядового состава, ему выдали за серьёзные заслуги.

Чиновник неспешно поднялся на борт. Его встретил Коринф. Чиновник оценивающе осмотрел Коринфа с ног до головы своими маленькими глазками. Его лицо не выражало никаких эмоций. Он флегматично сделал шаг к Коринфу и, не протягивая руки, представился:

— Младший управляющий административного дивизиона Основания Маунус Карлус, — произнося свою должность, чиновник даже самодовольно слегка приподнял нос. — А Вы, судя по всему, капитан этого судна, Коринф... — голос чиновника был высоким и неприятным.

— Всё верно, управляющий, — серьёзно ответил Коринф.

Чиновник еле заметно выдохнул и ответил:

— Пока всё ещё младший управляющий. Но давайте к делу. Вас проинструктировали сопровождать меня на планету Лигра в назначенные координаты. Должен уведомить Вас, что перед тем, как мы покинем Саратум, нам надлежит прежде отправиться в северный порт, где мне будет передано некоторое оборудование, — чиновник испытующе взглянул на Коринфа.

— Боюсь, что это невозможно. Мои инструкции были чёткими: довезти Вас на Лигру. Не более того. Мы будем придерживаться курса... — Коринф не успел договорить. Чиновник, внешне не подавая виду, явно был раздражён отказом, его голос стал ещё более неприятным:

— Вы, очевидно, не понимаете, капитан, что Вы не в том положении, чтобы что-то решать. От моей оценки зависит Ваше будущее, не говоря об оплате. Вам надлежит слушать и подчиняться. Иначе наш полёт может и вовсе не состояться. Возможно, для кого-то, подобного Вам, выполнение задач, поставленных руководителями, ничего не значащий звук. Судя по всему, Вы даже не находитесь ни в какой руководящей иерархии. Но для меня первоочередной приоритет — выполнение моей миссии наилучшим из возможных образов! Для успеха моего задания мне необходимо моё оборудование, так что будьте так любезны, подчиняйтесь! — чиновник вновь оценивающе взглянул на Коринфа. — Хотя, вероятно, Вы обеспокоены оплатой. Не беспокойтесь: я обеспечу Вас добавочным вознаграждением — это компенсирует Ваши... затраты... — чиновник вполборота встал в проходе, как бы говоря: «Так мы летим или я ухожу?»

— Ладно, так и быть... — устало ответил Коринф, направляясь в кабину.

— Правильное решение, — флегматично отметил чиновник.

Челнок совершил перелёт в северный порт. Коринф не без интереса наблюдал за «загрузкой» оборудования. Фактически всё оборудование чиновника составляло небольшой чемодан. Он принял его из рук очередного рядового оперативника Основателей, отчитал за неподобающий вид и сказал Коринфу, что теперь готов лететь на Лигру.

Весь полёт занял более двух суток. Всё это время чиновник практически не спал, он, практически не меняя позы, сидел за столом в кубрике, просматривая то один, то другой планшет. Коринф никогда не видел такой преданности своему делу. В какой-то момент он даже проникся некоторым уважением к трудолюбию и целеустремлённости чиновника.

— Я вначале отказал Вам не по причине того, что это для меня дополнительные издержки и что я хочу дополнительную оплату. Я получил инструкции отвезти Вас на Лигру и не отвлекаться по дороге. Вероятно, путь может быть не совсем безопасен... — начал в какой-то момент разговор Коринф.

— Мне безразличны Ваши мотивы, капитан. Ваше мнение и Ваши цели не имеют значения. Мой руководитель поставил передо мной задачу, и она должна быть выполнена наилучшим образом, — чиновник отвечал, даже не отводя взгляда от своих планшетов.

— А если Ваш руководитель даст Вам задание спрыгнуть с крыши, Вы прыгнете? — с некоторой издёвкой спросил Коринф.

— Ваши инсинуации бессмысленны, капитан. Вы лишь маленький человечек в огромном мире серьёзных людей. Вы можете считать себя свободным капитаном, независимым, бороздящим просторы космоса... В действительности же Вы просто неудачник, выброшенный на обочину жизни. Возможно, Вы считаете себя выше

остальных, выше людей, подобных мне, строящих карьеру. Ваш потолок — капитанство на крохотном, жалком судёнышке. Я же за свою жизнь уже смог пробиться практически на вершину административной иерархии. И сделал я это, ведомый простым правилом: задача, поставленная руководителем, должна быть выполнена. Мой руководитель не станет давать мне задачу спрыгнуть с моста: я слишком ценный ресурс, чтобы растрачивать его таким образом.

Коринф не смог ничего возразить на заявление чиновника. Оставшуюся часть полёта Коринф предпочёл держаться подальше от новоявленного карьериста.

Челнок вышел на орбиту Лигры. Коринф всего в третий раз оказался так близко к этой жестокой планете. Лигра была пустынным миром, богатым полезными ископаемыми. Судьба этой маленькой планеты была самой незавидной среди всех четырёх планет сектора. Во-первых, на Лигре было больше всех разведанных месторождений слемния, однако все эти месторождения были раскинуты во множестве разнообразных подземных пластов по всей планете. Разобщённость вкупе с тяжёлыми условиями окружающей среды с самого начала рука об руку сопровождали жизнь каждого колониста. Изначально жизнь на Лигре была невозможна из-за слишком низкого содержания кислорода в атмосфере. Аристариям пришлось задействовать на Лигре огромные терраформерные реакторы, чтобы привести атмосферу хотя бы к состоянию, когда колонисты смогли бы еле-еле дышать. Постоянные песчаные бури кроваво красного песка только усугубляли и без того неприятную жизнь колонистов на Лигре. И, казалось бы, всего этого было не достаточно, так ещё и температура на планете редко когда поднималась выше пяти градусов по цельсию.

Как и все остальные планеты сектора, Лигра серьёзно пострадала от ухода Аристариёв. Множество мелких группировок устроило многолетнюю гражданскую войну практически на всей территории планеты. Лигра даже не сильно почувствовала невзгоды первой корпоративной войны, поскольку жизнь в этот период почти не отличалась от обычных условий существования на Лигре. Но вот вторая корпоративная война уже не прошла для Лигры бесследно. Набирающая силу группировка Трепалов получила доступ к атомному оружию и смогла его применить, всего за несколько месяцев испепелив практически всех своих врагов, погрузив при этом около четверти поверхности планеты в состояние ядерной зимы.

В конце концов власть практически над всей планетой перешла в цепкие лапы группировки Трепалов. Лишь северная часть планеты осталась для них неприступным рубежом: все северные земли до сих пор остаются под властью технологически продвинутой фракции Немых.

Но как бы сильно Лигру ни лихорадило от безумства Трепалов, сколько бы жизней ни было потеряно в её бесконечных красных песках, люди всё равно будут прилетать на неё, поскольку на Лигре сконцентрировано больше восьмидесяти процентов всей добычи металлов и других полезных ископаемых сектора. Вдобавок ко всему фракция Основателей охотно использует Лигру в качестве колонии для ссылки неугодных или преступных представителей общества Саратума.

Челнок начал опускаться на низкую орбиту. Уже можно было разглядеть отчётливые пылевые облака песчаных бурь. Заходить на снижение приходилось по орбите в сторону от звезды, так что через некоторое время яркая белая звезда начала скрываться за горизонтом, кинув напоследок в челнок отблеск дуги кроваво-красного заката. На ночной поверхности планеты во множестве мест, не затронутых на данный момент пылевыми бурями, отчётливо виднелись уродливые всполохи оранжевых огней от огромных выводных труб многочисленных добывающих комплексов. Вокруг каждого такого всполоха виднелось множество мелких жёлтых огоньков ночного освещения.

Челнок опускался всё ниже к поверхности планеты, аккуратно лавируя между огромными пустынями, испещрёнными множеством кратеров, оставшихся от атомных бомбардировок. Всё это время Коринф и Владимир нервно следили за траекторией и за показателями радиации, готовясь в любой момент начать аварийный набор высоты. Коринф не знал, в каких отношениях сейчас находится фракция Основателей с группировкой Трепалов. Номинально между ними нет открытого противостояния, но это не значит, что местные просто забавы ради не накинута на челнок Коринфа при посадке. Оставалось только надеяться на безопасность координат высадки, тем более что они располагались на территории одного из достаточно крупных добывающих комплексов — обычно на территориях добычи поддерживался жесточайший порядок.

Внезапно передатчик местной связи замаячил яркими огнями на приборной панели: кто-то явно хотел связаться с челноком. Коринф и Владимир напряжённо переглянулись.

— Ион, откуда сигнал? — напряжённо спросил Коринф.

— Сигнал идёт с планеты, из одного из небольших поселений. По маркировке, это сигнал Основателей.

Ион ещё не успел договорить, как в кабине уже раздался озабоченный голос чиновника, ворвавшегося в кабину в самый неподходящий момент.

— Что?! Сигнал Основателей?! Немедленно примите передачу и установите канал связи!

Коринф чувствовал, что ни к чему хорошему это не приведёт, но подчинился желанию чиновника.

— Младший управляющий административного дивизиона Основания Маунус Карлус, Вам приказано изменить маршрут и приземлиться на указанной территории, по прибытию Вы получите дополнения к Вашей основной миссии. Выполняйте!

Голос из динамика был грозным и чётким. После получения сообщения канал связи прервался.

— Немедленно изменяйте курс и приземляйтесь! — испуганно залепетал чиновник, чуть было не цепляясь за штурвал челнока.

— Что?! Вы в своём уме?! — ошарашенно повернулся на чиновника Коринф. — Мы на территории Трепалов: я не собираюсь приземляться нигде, кроме координат назначения! Кто угодно мог послать этот сигнал!

Чиновник на несколько секунд завис, после чего не менее истерично выдал:

— Криптографическая подпись! У сообщения должна быть подпись — так мы сможем убедиться в том, что сообщение подлинное и в самом деле от Основателей!

Коринф недоверчиво взглянул на Владимира — тот судорожно защёлкал тумблерами.

— Он прав, — недоумённо произнёс Владимир. — Сообщение в самом деле подтверждено криптографической подписью Основания, но я не думаю...

— Вот видите! Только Основатели знают, что я послан на эту миссию, только они знали, на каком судне я лечу! Сообщение подтверждено! Это они! Немедленно меняйте маршрут и приземляйтесь! — уже практически кричал чиновник.

— Да хоть сам лидер Основателей послал это сообщение! Я не собираюсь менять курс! — агрессивно заупрямился Коринф.

— Что?! Да как Вы смеее?! Я клянусь Вам, если Вы немедленно не подчинитесь и не смените маршрут, я сделаю так, что Вас лишат лицензии! Вы больше никогда не сможете поднять своё корыто в воздух! Я раскопаю все Ваши самые страшные, постыдные делишки! В чём Вы замешаны?! Незаконная торговля топливом?! Я раскрою властям всё! — на лице чиновника набухли вены, его взгляд был полон ярости и готовности вцепиться в штурвал всеми своими силами.

Упоминание о подпольной торговле топливом неприятным эхом отразилось в сознании Коринфа. Конечно, чиновник лепетал всё подряд наобум, но его готовность и знание, куда давить, возымели эффект. Коринф засомневался... Он украдкой взглянул на Владимира — тот испуганно взглянул в ответ. А что если Основатели в самом деле решили изменить миссию чиновника? К тому же подпись... Мало-помалу сознание и рациональное упрямство Коринфа начали давать трещину. В итоге он ответил:

— Хорошо! Ладно! Так и быть! Но перед посадкой я пролечу над всем участком и мы внимательно осмотрим место приземления. При любой подозрительной активности мы немедленно улетаем!

— Как угодно, капитан, — уже спокойным голосом ответил чиновник.

Коринф ввёл новый вектор посадки, и челнок круто накренился, меняя курс к новой точке назначения. Через минут десять они уже приближались к небольшому горному шахтёрскому поселению. Огней освещения практически не было, вдобавок злосчастная Лигра ещё и начала поднимать песчаную бурю по курсу посадки. Видимость становилась всё хуже и хуже. Канал связи снова возвестил о желании оппонентов связаться с челноком. Коринф открыл канал связи.

— Приземляйтесь на третью посадочную платформу, она будет подсвечена. Младший управляющий, на платформе Вас встретит легат, он введёт Вас в курс дела, после чего Вам будет дозволено продолжить миссию.

Легат — высокая должность в иерархии Основателей. Обычно легатов назначали на планеты сектора, чтобы те осуществляли представительство Основателей в среде других фракций и группировок. Встреча с легатом была высокой честью для любого рядового чиновника или оперативника. Коринф это знал. Ещё как это знал чиновник — он будто бы воссиял от ощущения собственной важности. Вдалеке в самом деле засияли посадочные огни платформы.

— Вон туда, — командирским тоном скомандовал чиновник, наваливаясь на плечо Коринфу и тыча пальцем на платформу.

Коринф включил посадочные прожекторы. Он, как и собирался, сделал пролёт над всей посадочной областью. Перед посадочной площадкой стояли четыре тёмные фигуры: один впереди и трое позади. Буря постепенно усиливалась — детально разобрать встречающих, пусть даже под лучами мощных посадочных прожекторов, было нелегко, но всё же чиновник смог разглядеть яркие золотые отметины погон легата. Он прямо извёлся весь от нетерпения.

— Давайте быстрее! Незачем заставлять легата ждать! — нетерпеливо лепетал чиновник, будто бы даже переминаясь с ноги на ногу.

Коринф аккуратно завершил посадку, развернув корабль левым боком к встречающим.

— Не глуши турбины и реактор! — мрачно скомандовал Коринф Владимиру, натягивая на пояс кобуру с восьмизарядным пистолетом. Чиновник окатил Коринфа таким взглядом, будто хотел прожечь в нём дыру, однако даже он понимал, что в данной ситуации Коринф ни за что не выйдет из корабля без оружия. Спорить тут было бесполезно.

Чиновник и Коринф прошли к пассажирской рампе. Чиновник практически подпрыгивал от нетерпения. Коринф аккуратно опустил руку ему на плечо и сказал:

— Я прошу Вас, не торопитесь. В конце концов...

— Да, я понимаю, но... Не мешайте мне! Вам оказана высокая честь присутствовать при моей встрече с легатом! Лучше бы Вам, конечно, остаться на корабле... Но если идёте со мной, то хотя бы ведите себя учтиво, — чиновник задумался на мгновение и продолжил: — И молчите, конечно же!

Рампа медленно опустилась, чиновник горделиво принялся спускаться. Коринф не отставал от него ни на шаг. Над головой раздавался громоподобный гул работающих парных турбин. Впереди стоял худой улыбающийся человек, одетый в чёрную потрёпанную и пыльную форму оперативников Основателей, на его плечах поблёскивали золотые линии легатских погон.

Все следующие мгновения пронеслись в сознании Коринфа будто бы в режиме замедленной съёмки. Чиновник уже было ринулся к легату, тот начал неспешно заводить руку за спину, и в последний момент Коринф заметил, что на ладони у легата всего три больших пальца. Коринф резким движением схватил чиновника за плечо и собрался с силой дёрнуть его назад. К несчастью, легат уже молниеносным движением выхватил из-за спины пистолет и выстрелил в чиновника. Пуля вошла бедолаге как раз промеж глаз. Коринф уже тянул за плечо бездыханное тело, которое, будто тряпичная кукла, мягко и беззаботно оседало на пыльную бетонную поверхность платформы.

Коринф резким рывком бросился на спину в сторону ramпы, выхватывая из кобуры пистолет и наобум стреляя в противников. Все четверо уже открыли огонь на поражение. Пули звонкими ударами высекали снопы ярких желтоватых искр повсюду вокруг Коринфа. Он чувствовал боль по всему телу, но продолжал стрелять. Он даже не заметил, как опустошил обойму.

Владимир всё это время пристально следил за происходящим с экранов мониторов. Конечно, ему было далеко до реакции Коринфа, однако, как началась стрельба и Коринф рухнул на ramпу, Владимир принял единственно верное решение: мастерским движением он направил в реверс правую турбину и на форсаж — левую. Турбины взревели оглушительными раскатами грома, разворачивая вокруг своей оси челнок. Даже изнутри был слышен пронзительный скрежет посадочных опор, царапающих и раздирающих поверхность посадочной платформы. Он вывел на максимум зажигание гравитационного двигателя и направил обе турбины на взлёт. Что было на платформе, он уже не видел: вероятнее всего все четверо оглушённых противников отправились в длительный предсмертный полёт, сметённые мощнейшей тягой турбин.

— Взлетай! — закричал Владимир Иону и бросился через весь корабль к пассажирской ramпе.

На радость Владимира, гравитационное поле подхватило Коринфа, так что его не унесло от перегрузки со ступеней пассажирской ramпы. Владимир вцепился в его куртку и рывком втянул внутрь. Ион тут же поднял ramпу. Коринф был весь в крови и уже без сознания. Непонятно, откуда у шестидесятилетнего коренастого мужичка возникло столько сил, но он одним движением взвалил Коринфа на себя и бегом через весь челнок бросился в лазарет. Коринф поймал три пули. Одна весьма успешно попала в правый бок, остальные две вошли в тело, когда он уже валялся на ramпе: одна попала в бедро и явно разорвала артерию, а вторая прошла навывлет через левое предплечье. Вероятно, Коринфу ещё сильно повезло, поскольку вначале перестрелки он был прикрыт падающим телом чиновника...

Владимир, пока Ион бережно выводил челнок на высокую орбиту, боролся за жизнь Коринфа. Рана в предплечье была не опасна, более того, Коринфу сильно повезло, что пуля, почти насквозь пробившая правый бок, прошла выше печени и едва затронула диафрагму. А вот пуля в бедре наворотила дел, превратив бедренную мышцу в разодранные лоскуты. Первые минут пять Владимир безуспешно пытался остановить обильное кровотечение, купируя и прижигая одну за другой рваные раны и наперегонки со смертью срачивая артерии. В итоге через четыре часа он смог вытащить Коринфа с того света.

Коринф провалялся без сознания двое суток. Владимир всё это время не отходил от него, обрабатывая и стимулируя заживление его ран. Когда Коринф открыл глаза, Владимир уже был не в силах что бы то ни было говорить. Он лишь радостно улыбнулся, похлопал по плечу Коринфа и отправился в кубрик успокаивать нервы и хотя бы немного вздремнуть.

Раны в предплечье и в боку зажили хорошо, но Коринф ещё испытывал небольшую боль при дыхании, а вот левая рука даже не потеряла подвижность. Всё обстояло существенно хуже с бедром: сращенные мышцы сильно болели, более того, нога начала плохо слушаться. Всё шло к тому, что Коринф останется хромым на всю оставшуюся жизнь. Однако его жизнь всё ещё оставалась с ним, хотя его это, вероятно, уже и не очень радовало...

Теперь надо было решать, что делать дальше... Тело несчастного чиновника-карьериста, вернее, то, что от него осталось, уже было бережно похоронено где-то метрах в пятистах от шахтёрского поселения, унесённое реактивными струями двух спаренных газотурбинных двигателей, вероятно, немного обуглено и бережно обильно припорошено красным песком от прошедшей песчаной бури.

Задание было с треском провалено... Очевидно, теперь надо было доложить Маркусу. Коринф был не рад тому, что остался в живых. Вероятно, Маркус не будет мстить или как-то портить жизнь Коринфу. Однако как знать, как это событие обернётся для самого Маркуса? Возможно, это был всего лишь один из его рядовых подчинённых и, как говорится, одним больше, одним меньше... А может, это был какой-то в самом деле важный гусь... Что тогда?

— Летим обратно на Саратум... — мрачным замогильным голосом скомандовал Коринф.

— Из огня да в полымя... — флегматично и немного расстроено отозвался Ион.

На обратной дороге Коринф был мрачнее тучи, почти ничего не ел и почти не спал. То ли от изматывающей боли в бедре, то ли от дурных, мрачных мыслей. Однако он всё же искренне и горячо поблагодарил Владимира за своё спасение. Хотя, возможно, где-то в глубине души Коринф понимал, что Владимир спасал не только его, но и свою собственную жизнь: ведь если не станет Коринфа, что же тогда случится с одиноким, старым космическим механиком?

Через два дня челнок вернулся на Саратум. Просто так связаться с сержантом оперативников Основателей для простых смертных было невозможно — Коринф задействовал аварийный канал связи, который был подключён Маркусом на случай, если братьям внезапно потребуется срочная связь. Через полдня Маркус ответил. Коринф сидел в кабине перед экраном. Лицо Маркуса было тяжело передать словами. Он был даже не взбешён... Вероятно, уже нет... Его лицо выражало глубокое презрение, сожаление, нескрываемое пренебрежение и подавленную злость.

Несколько минут братья молчали. Коринф начал разговор:

— Слушай... Я прошу прощения... Если я хотя бы что-нибудь могу сделать...

Маркус скорчил такую гримасу, будто бы его вот-вот вывернет. Он гневно взмахнул рукой и агрессивно взорвался:

— Что сделать?! Всё, что ты мог, ты уже сделал! — Маркус гневно посмотрел на испуганного и подавленного Коринфа. — Самое простое задание! Я дал тебе самое простое задание! И что ты?!

Маркус сделал долгую паузу.

— Знаешь, а ведь некоторым своим провинившимся дуракам я иной раз вышибаю мозги выстрелом в висок за куда менее существенные провинности. А иногда за мелкие ошибки могу и отправить дебилов на Лигру, в лапы Трепалам, прямиком в рудники! А знаешь, ты же уже был на Лигре! Зачем же тогда вернулся?! Как раз подыскал бы себе подходящую шахту! А?! И сдох бы там через лет пять-десять! Да?! Так нет же! Ты же мой нерадивый брат! Я же не могу с тобой так поступить! Мне же до конца жизни придётся ишачить тебя на своём горбу! Да?!

Коринф придавленно отвёл взгляд.

— Куда нос воротишь, когда я с тобой разговариваю?! На меня смотри, ничтожество!

Коринф через силу, покорным, опечаленным взглядом посмотрел в глаза брата. Маркус раздражённо и оценивающе начал рассматривать Коринфа.

— А знаешь, когда мы были молоды, отец однажды мне кое-что рассказал! Он рассказал мне, что верит, будто бы у тебя будет выдающееся будущее! Да! Представляешь?! Что у тебя, у вот этого ничтожества, бездаря и идиота, будет великое, выдающееся будущее! Он даже мне рассказал, что когда они с матерью выбирали тебе имя, они решили назвать тебя в честь какого-то древнего земного то ли божества, то ли великого чемпиона! Представляешь?! Помню, я даже тогда позавидовал то ли твоему имени, то ли твоему будущему! Да... Какие были времена!

Маркус выдержал небольшую паузу и продолжил:

— А знаешь, я, пожалуй, теперь буду тебя называть ничтожество! Слышишь?! Эй?! Ничтожество!

— Что? — еле слышно, смиренно ответил Коринф.

— Рассказывай, ничтожество, что там случилось! Досконально рассказывай!

Коринф сделал очередное титаническое усилие и постарался во всех подробностях изложить произошедшее.

— О-о-о! Так мы теперь хромое ничтожество! Да... Вот это номер...

— Прости меня... Прости, что тебе достался такой ничтожный, бестолковый брат. Прости, что тебе теперь приходится тащить меня на своей шее... Ты прав... Ты всегда был прав: я бездарь. Одно только радует, что в семье оказался хотя бы один достойный сын, который не посрамил память нашего отца... — Коринф вновь смиренно опустил взгляд.

Некоторое время Маркус молчал, продолжая оценивающе рассматривать уничтожение Коринфа. Через некоторое время он продолжил:

— Я не просто так сказал тебе не отклоняться от курса! Мало ли, что там лепетал этот бестолковый идиот! Тебе повезло, что ты жив остался! Хотя мне, конечно, не повезло! Наверно, лучше бы ты там, вместе с этой бестолочью под песками зарытый, остался — не создавал бы мне больше проблем!

Маркус вновь выдержал длительную паузу, будто бы размышляя о чём-то.

— Ладно! Я дам тебе последний шанс выправить непоправимую репутационную потерю, которую ты мне устроил! Полетишь обратно на Лигру! Через месяц там будет проходить гонка. Твой пустынный ровер подойдёт как нельзя лучше! Там будет несколько моих человек: подгонишь к ним в гараж свой драндулет — они помогут немного его проапгрейдить. Стоимость за участие внесёшь сам.

Маркус вновь смерил Коринфа взглядом, после чего продолжил:

— Я, конечно же, не рассчитываю, что из такой бестолочи, как ты, может хоть что-то уже, наконец, получиться! Возможно, твои юношеские развлечения наконец пригодятся! Помнится, ты был хорошим гонщиком. В общем, победишь — может, я и позабуду про твою полнейшую бесполезность. Проиграешь — и лучше больше не попадайся мне на глаза!

Маркус ещё раз напоследок кинул гневный взгляд на Коринфа и оборвал связь.

Коринф сидел, ошарашенный и раздавленный, ещё минут пять напротив пустого экрана. Он неспешно встал, шатающейся хромой походкой прошёл через весь корабль и через кубрик завернул в подсобку, заблокировав за собой дверь. Оставшись в одиночестве, он дал волю своим эмоциям. Он несколько раз со всей силы ударил о стену, в сердцах швырнул на пол несколько первых попавшихся предметов, после чего упал на колени лицом в пол и беззвучно зарыдал...

В этот момент Коринф представлял собой жалкое зрелище: с его лица на пол стекали слёзы, слюни, сопли... Он повернулся и сел, забившись в угол и уткнувшись головой в колени. Он всё рыдал и рыдал. Изредка он поднимал голову, с силой ударяясь затылком о стенку. Иногда он кричал что было сил. Он будто бы вскрикивал в пустоту вселенной: «За что?! Почему?!». Он чувствовал себя ничтожным, раздавленным муравьём, попавшим под самый разрушительный удар молота судьбы. Иногда ему казалось, что он хочет наконец умереть, чтобы уже закончилась эта бесполезная, опостылевшая жизнь. Невыразимые страдания пронзали всё его существо, раз за разом отдаваясь мучительной болью с каждым ударом беспокойного сердца.

Мало-помалу гнев, ярость, отчаяние стали отступать, оставляя за собой лишь пепельную пустоту выжженной чёрной кляксы, которая совсем недавно была его живой душой. Он был опустошён, внутри не осталось ничего, кроме одиночества, скорби и тлеющей мертвецкой ненависти. Ненависти к себе, к миру и судьбе.

Коринф просидел в узком коридоре подсобки около полутора часов. Он практически ни о чём не думал, просто терпел и ждал сам не зная чего. Вероятно, ждал, пока хотя бы немного ослабнет эмоциональная боль от всего происходящего с ним. Удивительно, но даже ноющая раздражающей, монотонной болью нога воспринималась скорее как позитивное напоминание о том, что жизнь ещё идёт, что Коринф ещё способен чувствовать хоть что-то. Время от времени он с силой нажимал пальцами на особенно болезненные места на бедре, вызывая новые вспышки разносящейся по всему телу боли. Иной раз ему казалось, что эти вспышки будто бы вновь наполняют его жизнью, или, возможно, он таким образом может ещё немного помучить себя, воздавая своей бестолковости хотя бы за некоторое количество невзгод, потерь и поражений...

Через полтора-два часа Коринф начал постепенно успокаиваться. Эмоции отступили, оставив после себя лишь зияющую пустоту, спокойствие и отрешённость. Коринфу захотелось придержать это ощущение, будто бы он перестал существовать, будто бы он выпал из привычного течения этого мира. Он встал, захромал в лазарет, вколол себе большую дозу обезболивающих и завалился спать.

Шестнадцать часов спустя его разбудила вновь подкатывающая ноющая боль в бедре. Очередной серый, унылый день вновь вытащил Коринфа из спокойного небытия Морфея обратно в опостылевшую действительность. Он лениво проковылял в кубрик и налил себе горячий утренний напиток. Часы показывали серьёзно за полдень. Владимира на корабле не было. Вероятно, он отправился закупиться припасами: когда дела шли особенно тяжело, он часто ничего не говоря покидал на некоторое время корабль под предлогом пополнения припасов, вероятно, чтобы хотя бы немного развеяться.

Коринф проверил сообщение от брата. В нём содержались указания о гонке и месте, где Коринфу надлежит встретиться с механиками на Лигре. Коринф отрешённо проверил данные и принял решение обналичить ещё три

слемниевые ячейки. Вырученных средств вместе с накоплениями Коринфа должно было хватить на рядовые расходы и на внесение платы за участие в гонке.

Через несколько суток все приготовления были завершены и Ион вновь направил корабль обратно на Лигру.

Следующие несколько дней Владимир стал замечать некоторые изменения в поведении Коринфа: он начал становиться всё угрюмее и молчаливее, и, даже когда нужно было что-то сказать, он был немногословен, даже речь его изменилась и стала отрывистой и резковатой.

Через двое суток полёта челнок вновь вышел на орбиту Лигры. Коринф устало взглянул на планету: теперь её оттенки, казалось, тяготели к тёмно-красным и грязно-коричневым. Ион неспешно завёл корабль на снижение. Менее чем через полчаса челнок летел над границей, разделяющей обширную красную пустыню и высокую, извилистую горную гряду. Полёт проходил как раз над предполагаемым маршрутом пустынной гонки.

Челнок быстро миновал крупное торгово-промышленное поселение — судя по данным анонса гонки, в этом городе планируется начало гоночного маршрута. Коринф обратил внимание, что, в отличие от большинства городов и поселений Лигры, в этом городе все здания были выстроены ровными, аккуратными линиями, пересечёнными множеством серых дорог. Было очевидно, что начальная точка лежит в весьма цивилизованной местности.

Менее чем через десять минут челнок уже заходил на посадку в финальной точке гонки. Небольшое поселение, очевидно, специализирующееся только на одной деятельности — обеспечении гоночных мероприятий. Коринф обратил внимание на множество уродливых, отдельно стоящих крупных зданий, в каждое из которых вёл широкий дорожный заезд. А ещё прямо в центре города находились две небольшие гоночные трассы и две арены, на которых происходили бои машин без правил.

Коринф открыл канал связи и попытался установить контакт с механиками, которых указал в сообщении Маркус. Через некоторое время в динамике послышался чей-то заспанный голос. Коринф объяснил цель своего звонка. Голос взбодрился, ответил, что они уже два дня ждут, и предложил проследовать на посадку в их персональный ангар.

Предложение было неожиданным, но приятным: меньше всего Коринфу хотелось оставлять челнок в одном из платных стояночных ангаров посреди города на планете, где закон, вероятно, определяется исключительно силой.

Ион неспешно завёл челнок на посадку через огромные подвижные створки крытого ангара. Челнок приземлился, и крыша с заметным грохотом вернулась на свои пазы. Яркие прожекторы освещали ангар по всему периметру. Коринф зацепил на поясе кобуру и спустился в ангар. Несколько минут никого не было видно — даже Владимир спустился поглазеть.

— А мы точно туда приземлились? Чего это нас никто не встречает? — опасливо спросил Владимир. Коринф не ответил.

Через пару минут ворота ангара стали подниматься, обнажая просторный склад с несколькими длинными стеллажами. К кораблю приблизились три человека. Вперёд вышел толстоватый широкоплечий мужик, одетый, на удивление, в чистую техническую одежду. На его плече, предплечье и даже на бедре виднелись мониторчики и множество каких-то датчиков с кнопками. Всё это многообразие светилось, создавая впечатление, будто это не человек вовсе, а уродливая новогодняя ёлка. А вот лицо мужика вступало в сильную дисгармонию с одеянием: многодневная щетина, обветренная красная кожа и несколько размазанных, засохших черных масляных следов производили весьма гнетущее впечатление. Мужик подошёл и мельком осмотрел Коринфа, Владимира и челнок. Он мельком кивнул Владимиру, вероятно, в знак солидарности профессий и неспешно начал разговор:

— Я тут главный. Главный механик, главный распорядитель. Везде главный. Можно просто Главный. Мы немного должны Маркусу... Он дал указание подготовить твой транспорт к гонке, — мужик устало уставился на Коринфа и через пару секунд продолжил: — Ну? Чего ждём?

— Да. Сейчас, — встрепенулся Коринф и жестом указал Владимиру опустить транспортную рампу с пустынным ровером.

Владимир спешно скрылся внутри корабля, и через пару мгновений послышалась работа пневматиков, медленно опускающих рампу на пол. Всё это напоминало какую-то дешёвую, но оттого не менее грандиозную презентацию гордой машины. Владимир даже включил освещение в отсеке, так что яркий свет эффектно подсвечивал появление ровера. Всё это время Главный с восхищением наблюдал за импровизированным представлением.

Изначально челнок 1-ON не был предназначен для транспортировки пустынного ровера. Подразумевалось, что почти вся левая часть корабля будет занята грузовыми отсеками. Но заполучив в своё владение челнок, Коринф сразу же решил сделать важное изменение, переоборудовав второй грузовой отсек в импровизированный гараж.

В далёком детстве на Саратуме у Коринфа было не много развлечений. Семья жила за пределами главного города, в крупном поселении, в котором практически ничего и не было, кроме длинных, ровных рядов жилых кварталов. По меркам социального слоя рабочих Саратума, эти кварталы считались средним классом. Но эта

«среднесть» вовсе не мешала граничить этому жилому поселению со свалкой разнообразных промышленных отходов.

Целые горы разнообразного хлама, откровенного мусора и целые барханы шлаковых насыпей идеально подходили для организации единственного доступного развлечения для солидной молодёжи. Множество энтузиастов ещё со времени основания этих жилых кварталов организовало там несколько гоночных трасс. Ещё будучи ребёнком, Коринф иной раз по несколько дней к ряду частенько пропадал там, наблюдая за соревнованиями четырёхколёсных монстров. К своим семнадцати годам он смог заработать на порядочный, хоть и подержанный гоночный ровер. Бывало, в период подготовки к гонкам Коринф мог на несколько недель сбежать из дома, пропадая на трассах. И он частенько побеждал, чем заставлял отца хотя бы немножко меньше сердиться.

Этот неказистый пустынный ровер прошёл с Коринфом всю его жизнь. Он испытывал нескрываемую гордость за своё технологическое детище, и тут было чем гордиться. В своё время Коринф практически целиком перебрал по частям этого четырёхколёсного монстра, совершенствуя и дорабатывая одни за другими узлы и агрегаты. Наверное, по меркам мусорных трасс, этот ровер мог по праву считаться своеобразным произведением гоночного искусства.

В итоге, когда Коринф получил челнок, первым его решением было переоборудовать второй грузовой отсек в гараж для ровера, и не только потому, что он руководствовался принципом «всё своё ношу с собой», вовсе нет. Иметь в постоянной доступности четырёхколёсный вездеход могло быть крайне важно, чтобы осуществлять доставку небольших грузов в места, куда челнок не мог бы добраться. Множество раз ровер помогал Коринфу успешно выполнять доставки.

Главный с нескрываемым наслаждением смотрел на опускающуюся рампу с неказистым пустынным ровером. Вероятно, в его лице Коринф нашёл определённого ценителя.

— Да! Хорошая вещь! — удовлетворённо сказал Главный, едва похлопывая Коринфа по плечу. — Ладно! Заводи и загоняй на яму! Посмотрим, что тут к чему, — Главный жестом указал Коринфу направление куда-то вдаль через склад.

Коринф послушно уселся в кабине ровера, завёл его и аккуратно проехал через весь склад. На стеллажах было множество запасных деталей к различным типам, формам и размерам гоночных роверов. Некоторые детали были Коринфу знакомы, он даже отметил для себя, что Главный, очевидно, был выдающимся механиком и высоким ценителем гоночного искусства, поскольку явно коллекционировал у себя весьма редкие и дорогие экземпляры запасных частей и агрегатов.

Помимо этого Коринф обратил внимание на целые ряды разнообразных промышленных товаров, инструментов и расходных материалов. Всё это многообразие тянуло на весьма приличную сумму. Только на подготовке и участии в гонках такого явно не заработаешь. Любопытно, откуда это всё было у Главного?

Коринф проехал через склад и в конце обнаружил большую, серьёзную автомастерскую. Он заехал на смотровую яму и выключил двигатель. Главный был уже тут.

— Ну что же. Заглянем под юбку к нашей красавице? — ехидно пробасил Главный, и все принялись за работу.

Следующие несколько дней прошли в кропотливом труде. Механики в самом деле знали своё дело: вместе с Коринфом и Владимиром они пересобрали двигатель ровера, увеличив его мощность в полтора раза, усовершенствовали ходовую часть и установили новую подвеску, и самое главное, усовершенствовали бортовой компьютер и установили множество датчиков со всех важных элементов и агрегатов ровера. По сути, изменений было не так уж и много: по большей части все эти изменения можно было считать доогранкой гоночного бриллианта.

Ничто так не сближает мастеровых людей, как совместное занятие делом, которое они ценят и любят. Коринф смог даже немного подружиться с Главным. Они даже периодически болтали. Главный интересовался гоночным прошлым Коринфа, интересовался происхождением и особенностями ровера. Коринф старался рассказывать, но было видно, что к широкому общению его душа не лежит. Вероятно, сказывалось общее подавленное настроение после всех предыдущих событий, однако даже он начал замечать, что погружение в юношескую страсть наполняет его жизнь новыми яркими красками. В любом случае, Главный начал проявлять явное уважение к Коринфу, высоко оценивая его способности и его заботу о своём четырёхколёсном друге.

Через пару дней ровер был готов. Коринф принялся внимательно изучать маршрут гонки. Гоночная трасса как таковая не предусматривалась. Было всего три промежуточных этапа, которые ровер должен был пересечь, — всё, что между, оставалось на полную свободу гонщиков. Всего было заявлено девятнадцать участников, двенадцать из которых прибыли на Лигру из внешних систем специально для участия в гонке. По меркам Лигры, эта гонка была весьма значимым и освещаемым событием. Коринф даже поймал себя на мысли, что весьма удивлён, что раньше ни разу не слышал про это гоночное мероприятие.

Несмотря на место проведения, это соревнование считалось неприкасаемым. Это означало, что ни одна группировка не имела права препятствовать или каким-то криминальным способом воздействовать на трассу,

гонку или гонщиков. Более того, использование любого оружия в гонке было строжайше запрещено. Город, принимающий у себя гонщиков, был усилен множеством охраны, что удивительно, набранной из представителей разных фракций и группировок. Очевидно, кто-то тут на Лигре весьма любил это чистое спортивное состязание, раз уж смог на таком серьёзном уровне обеспечить безопасность.

Ровер был готов — теперь должен был подготовиться гонщик. После всех теоретических выкладок Коринф выкатил ровер и неспешно прокатился по всему маршруту. В неспешном режиме вся дорога заняла около четырёх часов. Коринф прикинул, что при полной отдаче он сможет проехать всю дистанцию примерно часа за два. По возвращении Коринф попросил у Главного выкладки и результаты предыдущих гонок.

— Оу... Серьёзная подготовка и планирование заезда! Я это уважаю. Мне уже порядком надоели молодые, отбитые подростки, которые приезжают для участия, целую неделю пьянствуют, похваляясь своими выдающимися гоночными способностями, и всегда приходят последними! Туда им и дорога!

Главный удовлетворённо выдал Коринфу всю информацию, которая у него была. А было у него этой информации предостаточно. Главный уже лет двадцать кропотливо собирал и каталогизировал гоночную жизнь Лигры. Коринф смог почерпнуть множество нового и важного. И самое главное, он определил, что для обеспечения победы ему нужно преодолеть барьер в час сорок три минуты.

Ещё день Коринф потратил на подготовку, после чего решил сделать полноценный заезд. Главный предложил свои услуги в качестве внешнего штурмана. Они специально выбрали для заезда особенно тяжёлые погодные условия: песчаная буря разыгралась не на шутку. Коринф вывел ровер на маршрут и вовсю вдавил педаль газа в пол. Когда он пересёк финишную черту, таймер показывал час пятьдесят семь.

— Весьма не плохо! — раздался довольный возглас Главного в шлемофоне. — Как раз пара недель практики, и лидерство не за горами!

— Четырнадцать минут, — недовольно заключил Коринф. — Я должен обеспечить ещё четырнадцать минут! Честно говоря, отсюда они кажутся целой вечностью. Надо будет ещё покумекать над ходовой...

— Ну, ты учти, что ты ехал через самую бурю и ветер был встречный! — ободряюще возразил Главный. — Это могло съесть тебе минут семь-восемь.

— Итого я отстаю как минимум на семь минут! Надо работать!

— Вот это боевой настрой, вот это мне нравится! Ладно, возвращайся, — возможно, я смогу что-то придумать тебе с ходовой!

Коринф вернулся в мастерскую, и следующие пару дней они перебирали ходовую часть ровера, пытаясь выжать из металлических агрегатов всё что только можно, чтобы обеспечить хотя бы какой-то прирост скорости. В итоге Главный настолько расщедрился, что даже установил систему форсирования двигателя, требующую длительного охлаждения после использования, однако позволяющую обеспечить дополнительный кратковременный прирост скорости до тридцати процентов.

Сделать ровер ещё лучше уже не представлялось возможным. Коринф вновь отправился покорять гоночный маршрут. Он пересёк в обратном направлении весь маршрут и уже был на старте, готовясь к новому тренировочному заезду, как вдруг раздался сигнал вызова:

— Кто-то долбится через канал связи, — флегматично произнёс Коринф.

— Так ответь... — раздался примерно такой же флегматичный голос Главного в шлемофоне.

Коринф открыл канал связи.

— Ещё один умудрённый опытом гонщик, рассчитывающий только на победу? Как насчёт дружеского соревнования? — голос незнакомца был бодрым и уверенным.

— Ты, блин, кто ещё такой?! — недовольно спросил Коринф.

— Всего лишь такой же отважный любитель удачи и скорости, как и ты. Если обратишь внимание на камеры заднего вида, сможешь увидеть мой ровер позади тебя.

Коринф раздражённо переключил мониторы на камеры заднего вида: позади в самом деле неспешно подкатывался ещё один пустынный гоночный ровер. Коринф переключил канал связи:

— Главный! Тут ко мне притесался какой-то увалень на гоночном ровере — предлагает посоревноваться. Что мне ему отвечать? — обеспокоенно спросил Коринф.

— Я тебе мамка, что ли?! Мне почём знать?! Решай сам! — с некоторой издёвкой в голосе произнёс Главный.

— Да я не о том! Я же понятия не имею, какие у вас тут дела на Лигре. Вдруг я соглашусь, а его дружки меня посреди трассы расстреляют из гранатомётов?!

— Ха-ха! — от души рассмеялся Главный. — У-у-ух, скажешь тоже! Нет конечно же! Расстреливать тебя никто не будет, однако если сам сглумишь и повредишь ровер в процессе своего состязания, то может всякое случиться... Как ровер-то выглядит?

Коринф продублировал сигнал с камер в канал связи.

— О-о-о! Знаю его! Это ровер бестолкового сынишки одного моего дальнего знакомого. У него тоже

мастерская в черте города. Не такая шикарная, как у меня, разумеется, но люди уважаемые! Можешь с ним погоняться, — может, научишься чему.

— Ладно, спрошу, что он предлагает!

Коринф переключил канал связи.

— Что предлагаешь? — грубо спросил Коринф.

— А что у тебя есть? — ехидно спросил голос в канале связи, но быстро переменялся и продолжил: — Ладно, шучу, давай просто: кто проиграет — проставляется в баре по возвращении!

— Готовь баблишко! — агрессивно ответил Коринф и выжал газ до предела.

Ровер Коринфа практически подскочил со стартовой ramпы и понёсся вперёд.

— Да-а-а! За дело! — раздался задорный голос в шлемофоне.

Первая получасовая часть маршрута пролежала через ровную пустынную грядку. Почва на этом участке была больше каменистая, чем песчаная, и достаточно жёсткая, чтобы обеспечивать хорошее сцепление колёс роверов с поверхностью. Главный оперативно поднял на своём компьютере примитивную локационную сетку и стал передавать Коринфу данные о расположении их роверов на маршруте.

На первом участке маршрута Коринф уверенно лидировал. Он даже смог оторваться минут на пять. Далее предстоял более скоростной участок. Пересечение вторых сигнальных ворот предоставляло гонщикам на выбор два варианта дальнейшего маршрута: либо продолжать гонку через территорию пустыни вдоль горного хребта, либо занырнуть в подземные коммуникации.

Более трёхсот лет назад под местной горой было найдено множество трещин, провалов и небольших сетей пещер. Что особенно важно, эти глубинные провалы и подземные расщелины обнажили богатые залежи слемния. В результате прямо в горе была организована небольшая добывающая колония. После выработки эти шахты уже более ста пятидесяти лет были заброшены и постепенно ветшали, но гонщиков прежде всего интересовали не шахты, а подъездные каналы, пробуренные прямо через горную породу.

Огромные, эллиптические в сечении, горные тоннели, более десяти метров в ширину и около пяти метров в высоту, пронизывали горный хребет — идеальное место для скоростного участка гоночного маршрута. Проблема была только в том, что небольшой начальный и конечный участки этих подземных протяжённых тоннелей были вне всякого доступа средств коммуникации — гонщики на этих участках были полностью предоставлены самим себе. Стоит ли говорить, что на этих участках, сокрытых от взора судей и зрителей, разворачивалось особенно ожесточённое соперничество, иной раз даже с нарушением главных правил гонки.

Конечно же, записи видеорегистраторов порой могли спасти ситуацию, однако, если нарушения были не особенно серьёзными, судьи предпочитали закрывать на них глаза, оставляя некоторую «остринку» в гонке. Некоторые гонщики по причине явной опасности предпочитали игнорировать этот скоростной участок, с другой стороны, соблазн выиграть пять, а иногда и все десять минут определял выбор большинства.

В подавляющем большинстве случаев, если в тоннелях не происходило серьёзных аварий, победители гонки как раз оказывались в числе тех, кто решался рискнуть. Очевидно, таким же был и Коринф. Он без тени сомнения сразу после прохождения контрольных ворот уверенно направил ровер в подземный тоннель. Вслед за ним через четыре минуты занырнул соперник.

Коринф принялся выжимать всё возможное из мощного двигателя своего ровера, однако постепенно, через минут шесть-семь, в камерах заднего вида начали отчётливо проследиваться яркие мерцающие огни второго ровера. Двигатель был уже на пределе, однако злосчастные огни всё приближались! Не прошло и пяти минут, как соперник уже явно дышал в затылок Коринфу. Началось активное противостояние. Коринф, мастерски лавируя по всей ширине тоннеля, всеми силами пытался не позволить сопернику осуществить обгон. Раз за разом соперник предпринимал агрессивные попытки атаковать, но каждый раз Коринфу удавалось перекрывать путь обгона.

— Будь осторожен, ты приближаешься к участку с металлоломом! — в шлемофоне раздался напряжённый, отчётливый голос Главного.

Наконец сопернику представилась возможность: на прямом участке впереди ржавело множество остовов разбившихся роверов. Отличная возможность, если только удастся обмануть Коринфа! Соперник принялся вихлять из стороны в сторону, не давая Коринфу ни шанса угадать, с какой стороны последует обгон. Вот уже на огромной скорости то справа, то слева стали проноситься ржавые останки роверов множества неудачливых гонщиков былых лет. Пару раз Коринф едва не пропустил вперёд соперника, лишь в последний момент угадывая его манёвр. Концентрироваться на дороге становилось всё тяжелее: приходилось одновременно следить и за трассой, и за соперником. Одна досадная ошибка, и ровер Коринфа мог разбиться о встречные препятствия. Коринф был напряжён и сосредоточен до предела!

Наконец впереди показался небольшой участок, на котором можно было немного передохнуть. Все препятствия оказались по левой стороне тоннеля, ширина полосы соперничества весьма сократилась. Вероятно, если Коринф сможет удерживать свой ровер точно посередине оставшейся ширины тоннеля, то соперник никак не

сможет его обогнать. Коринф занял удобную позицию по центру и на секунду отвлёкся от соперника.

Внезапно произошло немыслимое: соперник заложил крутой манёвр и практически поперёк тоннеля направил свой ровер! Центробежная сила сделала своё дело, прижимая ровер к стене, поставив его практически вертикально! Вдобавок соперник максимально форсировал двигатель своего ровера! Немногим меньше секунды продолжался этот невообразимый манёвр! Этого едва хватило, чтобы обогнуть по левой стороне груды мусора и почти на корпус оказаться впереди ровера Коринфа! Возвращаясь из своего «полёта» обратно к центру тоннеля, соперник преподнёс Коринфу ещё небольшой подарочек, задев задним правым колесом часть мусорного нагромождения. К счастью, Коринф успел среагировать, хотя ему и пришлось резко дёрнуть ровер вправо, потеряв немного в скорости!

Соперник вырвался вперёд! Это была катастрофа: его ровер был немного ниже ровера Коринфа, конструкция, выбор типа шин и, похоже, спаренный двигатель — всё указывало на то, что соперник делал ставку именно на этот скоростной участок трассы. На открытой пустынной местности у Коринфа было преимущество, тут же он существенно уступал. Яркие красные огни ровера соперника принялись постепенно удаляться всё дальше и дальше. Коринф был вне себя от злости: он отчаянно наблюдал, как соперник оставляет его с носом, но ничего не мог с этим поделать! Он, конечно, мог бы форсировать двигатель, но то же самое сделает и соперник, не оставляя возможности Коринфу вновь выбиться в лидеры! Оставался лишь последний шанс: наверстать упущенное в третьем финальном участке маршрута, который вновь будет пролегать через пустынную местность.

Пройдя весь скоростной тоннельный участок, Коринф отстал от соперника минут на восемь, его ровер уже давно скрылся из вида. Нужно было догонять и догонять быстро! До финала оставалось не более двадцати пяти минут!

Финальный участок проходил через красную песчаную пустыню с множеством барханов, низин и песчаных холмов. У ровера Коринфа было явное преимущество: большие колёса его ровера прекрасно справлялись с песком, а вот ровер соперника явно чувствовал себя в этом песчаном аду весьма неудобно.

— Давай! Ты ещё сможешь его нагнать! Только не делай глупостей! — раздражённо раздался неожиданный возглас Главного.

Коринф был полностью сконцентрирован, он выжимал из ровера всё до последней капли скорости. Постепенно он стал уверенно нагонять соперника. Через двадцать минут роверы уже практически поравнялись, теперь Коринфу предстояло поиграть с соперником в обгон, но в этот раз у него было преимущество: вся ширина пустыни была к его услугам!

Вот уже где-то вдаль начали виднеться огни финишного поселения — нужно было торопиться. Песчаная пустыня сменилась голой, каменистой, высушенной поверхностью. В сложившихся условиях у Коринфа практически не оставалось преимущества. Всё зависело от того, кто из них первый допустит ошибку. Коринф принялся аккуратно покачивать ровер из стороны в сторону, угрожающе пристраиваясь позади противника. Тот в свою очередь начал подражать каждому движению Коринфа. Нужно было быть осторожным: одно неловкое движение могло бы пустить ровер в серьёзный занос. Этого нельзя было допустить! Но Коринф наверняка знал, что он делает. Как суровый хищник, он готовился к молниеносному броску на свою жертву, лишь только она даст слабинку. Вот уже в движениях соперника начала прослеживаться некоторая нервозность: очевидно, ему было нелегко следить за дорогой и за Коринфом.

Финишная черта была всё ближе и ближе, оставалось всё меньше времени на атаку, но Коринф выжидал: он точно был уверен, что вот-вот противник совершит мелкую оплошность, и вот тогда ему не поздоровится. У него было ещё предостаточно времени! И вот шанс представился: несколько крупных каменных валунов на секунду отвлекли внимание соперника, он едва замешкался, и Коринф пошёл на обгон! Но не тут-то было! Лишь только Коринф уже преодолел границу задних колёс ровера соперника, как тот врубил форсирование двигателя.

— Вот ты и попался! — радостно подумал про себя Коринф. — Слишком рано!

Ровер соперника едва вырвался чуть-чуть вперёд, как Коринф тоже форсировал двигатель своего ровера. Но что происходит?! Из-под колёс ровера соперника начали вырываться клубы пыли: было не понятно, что он учудил, но его ровер начал поднимать целую пылевую завесу прямо перед носом Коринфа.

Ровер начал подсакивать на камнях, Коринф начал терять контроль за ситуацией: он небрежно дёрнул штурвал вправо, чуть было не отправив свой ровер в глубокий занос. Ещё пара мгновений, и он вышел из пылевой завесы, пытаясь разобраться где находится. Он немного отклонился от дороги, ровер соперника был всего лишь на три корпуса впереди, но времени уже практически не оставалось! Финишная черта была уже совсем рядом! Коринф в отчаянии рванул форсирование двигателя и начал набирать скорость, сокращая дистанцию. В последний момент противник также форсировал свой двигатель.

— Вырубай! Ты сейчас спалишь движок! — практически закричал в шлемофон Главный.

Коринф судорожно взглянул на датчик температуры и обороты двигателя. Ещё пара мгновений и... Чуть было не рыдая, он начал сводить на минимум форсирование. Его ровер был прямо позади ровера соперника, когда они

пересекли финишную черту. Соперник победил...

— Час сорок одна! — удовлетворённо прогудел Главный. — Хотя поздравляю с тем, что ты продул! Ха-ха! Ладно, может, зато чему-то научился! Это был отличный заезд!

Коринф упёрся в штурвал, стараясь подавить гнев.

— Совсем неплохо, а?! — раздался задорный голос соперника. — Ладно, покатили, ты же угощаешь!

Роверы неспешно ехали рядом по широким улицам поселения. Коринф был весьма удручён своим проигрышем, он принялся оперативно анализировать свои действия, пытаясь разобрать, где совершил какие ошибки. Его это неистовствовало: в конце концов, противник жульничал! Хотя, по местному суждению, эту пылевою завесу едва ли можно было считать жульничеством... К несчастью, оправданий не было и быть не могло: он продул и продул практически честно... Через пару минут соперник вновь вышел на вязь:

— Ладно! Давай загоним наших малышей по домам и встретимся в приятном заведении через два квартала от твоего гаража. Буду ждать тебя там!

Откровенно говоря, Коринфа подмывало послать куда подальше этого наглеца, но долги по проигранному спору нужно было отдавать... Он вернул ровер в гараж, выменял у Главного солидную сумму местных денег и лениво побрёл в назначенное заведение. В баре было практически пусто, лишь пара местных завсегдатаев и старый, немощный на вид хозяин заведения. Коринф купил себе какой-то напиток, название которого ему ни о чём не говорило, а на вкус напиток казался каким-то практически безвкусным киселём, и сел в самый дальний угол, откуда хорошо просматривался весь зал. Через некоторое время в заведение зашла пара человек: практически уже пожилая дама и молодой парень. Никто из них явно не был соперничающим гонщиком. Коринф начал уже постепенно терять терпение. На его удивление, молодой парниша, на вид которому едва ли исполнилось двадцать лет, уверенным шагом подошел к Коринфу и уселся напротив него.

— Занято! — грубо огрызнулся Коринф.

— А вот и нет! Ты мне должен! Я же победил! — парниша сиял от радости. Коринф прислушался к голосу и начал замечать знакомые нотки. Сейчас голос подростка казался даже более высоким и детским, чем в шлемофоне. Его изумлению не было предела: он даже не понимал, что его беспокоит больше — что такой молодой парень так искусно управляет с ровером или что он продул какому-то молокососу.

— Я буду водяную горчицу! Это, между прочим, самое дорогое местное пойло! Целых полторы тыщи стоит! — горделиво произнёс молодой человек, увлечённо глядя на реакцию Коринфа.

Коринф флегматично отсчитал от толстого свёртка три тысячи местных денег, протянул пареньку и сказал:

— Вот. И мне возьми. Заценю, что за такое дорогущее пойло у вас тут...

Парень удивлённо проводил глазами толстый свёрток с купюрами, бодро схватил деньги и побежал к бармену. Через минуту он уже вернулся с двумя большими стаканами, наполненными, похоже, обычной чистой, прозрачной водой.

— Ну! За наш заезд! — бодро произнёс парень и сделал два больших глотка из стакана, после чего скорчил недовольную гримасу и уставился на Коринфа.

Коринф в свою очередь сделал небольшой глоток, желая распробовать напиток. Внезапно жгучая пронзительная боль свела его горло. Он еле удержался, чтобы не схватиться за горло и не ломануться в поисках хотя бы чего-нибудь, что позволит остановить это безумное жжение. Секунд тридцать он приходил в себя, периодически глотая воздух ртом. Наконец жжение и боль прекратились.

— Быть того не может! — просипел практически пропавшим голосом Коринф, указывая пареньку передать ему свой стакан для пробы. Парень горделиво протянул свой стакан. Коринф сделал ещё один крохотный глоток из стакана паренька. Боль вновь пронзила его горло. Голова начала еле заметно гудеть. Коринф звучно откашлялся и всё ещё осипшим голосом произнёс:

— Как же вы это пьёте?!

— Это всё дело привычки! — тоже еле заметно осипшим голосом произнёс парень. — Ты же не местный. Откуда ты? — он с нескрываемым любопытством уставился на Коринфа.

— Это тебя не касается, — холодно отрезал Коринф.

— Жаль-жаль, ну... твоё дело, не хочешь — не говори. А ты здорово ездешь! В какой-то момент я даже подумал, что уступлю тебе. И ровер у тебя что надо! — парень с нескрываемым восторгом уставился на Коринфа.

— Ты тоже ничего, — немного смущённо ответил Коринф. — Ты тут вырос?

— Да! У моего отца тут мастерская, я с самых ранних лет с самых азов вник в каждый аспект гонок! Да я ровер с закрытыми глазами могу перебрать! Это будет уже моя пятая гонка! Я каждый год уже выступаю! С шестнадцати лет! — парень прямо светился от гордости.

— Но ни разу не победил, — с небольшим ехидством заметил Коринф.

— В этот раз уж точно! — немного обиженно ответил парень.

— Меня Митя зовут! — внезапно сменил тему парень, протягивая руку Коринфу.

— Коринф, — ответил Коринф и крепко пожал руку подростку, тот еле сдержался, чтобы не скрючиться от боли в ладони.

— Значит, ты тут с самого детства... Расскажи, как тут всё устроено.

Коринф и так всё отлично знал по записям и рассказам Главного, но хотел услышать ещё одно мнение от кого-то из местных.

— Ну... Что тут рассказывать... Когда на Лигре добыча кончилась и Трепалы подмяли под себя всё вокруг, остальным, кто не был Трепалом, пришлось как-то выживать. Моим родителям повезло больше остальных. Они смогли выгодно вложиться и организовать тут мастерскую. Повезло же, что кто-то на самом верху так фанатеет от гонок. На этом весь наш город держится! Как отец говорит, вот уже больше шестидесяти лет! И чем дальше, тем всё больше и грандиознее. Лет двадцать назад тут только Лигрианцы гоняли, а теперь со всего сектора прилетают! И безопасно у нас. Тут даже у Трепалов власти нет! Я слышал, что где-то на юге можно просто без головы остаться, стоит только не так на какого-нибудь Трепала взглянуть! А тут никто никого даже пальцем тронуть не смеет! У нас по десять гонок в год проходит. Я уже третий год подряд четыре предварительные выигрываю! Потому и могу заплатить за участие в пятой, самой главной!

— Ты других гонщиков знаешь? — внезапно перебил Митю Коринф. Парень даже немного опешил от резкой смены разговора. Но быстро подстроился.

— А то как же?! Я тут всех знаю! — выпячивая грудь, горделиво произнёс парень, пытаясь казаться более важным, чем на самом деле является.

— Только давай уже без этого вот хвастовства. Рассказывай по делу...

— Ты мне — я тебе! — внезапно ответил Митя, лицо его стало серьёзным, взгляд пронзительным, от прежнего хвастовства не осталось и следа.

— И что же ты хочешь? — улыбнулся Коринф.

— Ну... Я... В общем, тут такое дело... Мне нужен напарник в гонке... Вернее, я хочу стать кому-то напарником... Просто я тут выяснил... В общем...

— Давай уже не мямли, выкладывай как есть! — надавил на парня Коринф, будто показывая, кто тут главный.

— Ладно! Ладно! В общем, мне никак не удавалось подняться выше пятого места в гонке. Отец говорит, что это потому, что я ещё глупый и не понимаю эту... Как её... Тактику... В общем, я покумекал и понял, что надо делать. Надо действовать сообща! Вот я и подумал выполнить заезд вместе с кем-то. Местные меня все знают, и к ним я обращаться не хочу. А ты тут новенький, тебя никто не знает, и гоняешь ты лучше многих тут. Вот я и подумал...

— Интересное дело! Вместе гоняться, а единственное место победителя тоже на двоих поделим?! — раздражённо спросил Коринф.

— Ну... Нет... Я вот что подумал... Можно обойти всех на трассе и, когда мы будем впереди всех, уже соревноваться друг с другом. Или договориться, что, кто бы ни победил, выигрыш пополам поделим, — Митя сделал небольшую паузу и слегка расстроено продолжил: — Я даже согласен просто вторым прийти, лишь бы не седьмым опять...

— Деньги меня не интересуют. Мне нужно первое место! Если сможешь пользу принести, получишь половину выигрыша, — флегматично ответил Коринф, деловито пытаясь вновь распробовать выжигающий внутренности напиток. В этот раз эффект был примерно тем же. Коринф недовольно отставил стакан в сторону.

— Я смогу! — прямо засиял парень. — Я вот что придумал: твой ровер самый лучший в пустыне, а мой лучше всех в тоннелях — если держаться в спутном следе друг друга, это уменьшит сопротивление воздуха и позволит держать максимальную скорость на всех участках, кроме того это позволит намного легче сбрасывать с хвостов конкурентов. Только надо ехать прямо нос к хвосту, иначе эффекта уже не будет! Можно даже установить специальную панель под углом, чтобы увеличить область спутного следа позади ведущего! — Митя начал елозить ладонями по столу, визуализируя свою идею.

— Это называется антикрыло... — озадаченно ответил Коринф. Он был серьёзно удивлён такими глубокими познаниями молодого человека в нюансах аэродинамики: далеко не всегда и взрослые, опытные пилоты знают такие научные подробности. Он даже проникся небольшим уважением к молодому энтузиасту.

— Чтобы всё получилось, надо действовать прямо как одно целое, без слов понимать друг друга. Это нужно всё тренировать до автоматизма, — многозначительно сказал Коринф, вероятно, пытаясь отвадить назойливого паренька.

— Я готов! — мгновенно бодро и сурово возразил Митя. — До решающей гонки ещё две недели! Я готов каждый день даже по несколько раз ездить, чтобы всё получилось!

Коринф позавидовал молодецкой решимости, азартности и целеустремлённости парня. Он пару минут взвешивал все за и против, после чего слегка улыбнулся и ответил:

— Ладно! По рукам! Но имей в виду: первое место моё! Будем нещадно тренироваться все две недели! И если

ты мне что-то важное не договорил, если хотя бы где-то меня пытаешься подставить — сделке конец! — Коринф сделал некоторую паузу, придвинулся к пареньку и сурово продолжил: — И если решил кинуть меня, ты об этом пожалеешь! Мне на местные законы плевать! Я захотел — хоп и улетел с Лигры, и нет меня!

Митя придвинулся в ответ, пытаясь не выказывать страха:

— Я согласен, и не переживай, Коринф, я не собираюсь тебя... кинуть! — вероятно, парень уловил суть, но не до конца понял значение всего жаргонного лексикона.

— Увидим! — сурово произнёс Коринф поднимаясь. — Приходи завтра утром в мастерскую Главного. Там продолжим.

Митя уверенно кивнул. Уходя, Коринф обратил внимание, что парень практически залпом опустошил содержимое обоих стаканов.

— Вот это горло! Наверно, у местных просто иммунитет... — подумал удивлённый Коринф.

Коринф вернулся в мастерскую и рассказал обо всём Главному.

— Уверен, что это правильное решение? Парень ещё совсем зелен! — многозначительно и задумчиво спросил Главный.

— Хуже не будет. Вы, местные, похоже, совсем не цените парня, а он, между прочим, на трассе был весьма хорош! К тому же что мне терять? Парень прав: действуя сообща, мы добьёмся существенно больших результатов, чем поодиночке. К тому же этим банальным соглашением я только что избавил себя от одного соперника. Осталось ещё восемнадцать!

— Ха! Ха-ха-ха-ха! — звучно рассмеялся Главный. — Вы, Саратумцы, все такие! Хитрые, расчётливые! Такими темпами ты, небось, задумал в самом деле вывести из дела всех ещё до начала гонки!

Главный сделал паузу, перестал смеяться и уже серьёзно ответил:

— Да не в этом дело... Парень ещё слишком молод. Да, конечно, у него талант, вероятно, как и у тебя, только вот он ещё пороха не нюхал и жизни не познал. Да чтоб меня, у него даже девчонки нет! Наверное... Жалко мне его, что ли. Он рвётся соревноваться с суровыми, злыми и опасными мужиками. Не знаю, право, как отец его вообще отпускает... Не любит он парня совсем! Я бы не пустил!

— Это его выбор... — флегматично ответил Коринф.

— Эх... Саратумцы... Сердца у вас как не было никогда, так и нет... Ладно! Хватай щётки и топай чистить свой ровер от пыли и песка. Завтра, похоже, у тебя важный день!

Глава 13 Всё для победы

На следующий день Митя явился рано утром. Он тащил с собой какие-то железные чемоданы. Главный и Коринф тепло поприветствовали парня, и все принялись за работу. Прежде всего, Коринфа интересовали другие участники. Оказалось, что про гонщиков Митя знал даже больше, чем Главный.

— Семеро гонщиков не представляют вообще никакого интереса, — многозначительно начал Митя. — Я про всех поискал: все они либо местные неудачники, бандиты и задиры, либо приезжие, чуть ли не впервые решившие гоняться.

— Они как раз из тех, которые приезжают, пьянствуют и кости по туннелю разбрасывают. Как раз за неделю до гонки начнут прибывать, — уточнил Главный.

— Назовём их для простоты «Отбитые», — с ехидством сказал Коринф.

— Ещё четверо — местные старые, но всё ещё серьёзные гонщики, но у них роверы слабые, они никакую конкуренцию составить не могут. Они гоняются, только чтобы потом говорить всем, что принимали участие в главной гонке Лигры, они обычно даже в тоннель не едут.

— Двоих из них я знаю, — добавил Главный. — У них мастерские в черте города. Они старые и гоняются, чтобы свой имидж поддерживать: они все не из рискованных и не станут глотки друг другу грызть ради победы.

— А вот остальные восемь — весьма опасные гонщики. Двое — это мы с тобой, остальные шестеро — все профессионалы: четверо уже который год выступают и делят между собой со второго по пятые места, а про остальных двоих я почти ничего не нашёл...

— Зато я нашёл, — довольно встрял Главный. — Они оба с Пентала: оказывается, там тоже есть местные гонщики. Так вот это дети каких-то местных олигархов: у них роверы наворочены так, что никому из местных вообще никогда не снилось даже. Нас выручает только то, что они камень от ухаба на дороге отличить не в состоянии. Роверы у них загляденье, а вот навыки в лучшем случае выше среднего. Но они всё же опасные соперники: недостаток навыков они с лихвой компенсируют качеством агрегатов и кучей наворотов. Да у них даже автоматические системы выхода из заносов есть! И, между прочим, ещё один такой важный родовитый сынок в прошлом году как раз занял первое место!

— А это не против правил? — неуверенно спросил Коринф.

— Может, и против, но судьи главным образом ограничивают только верхний порог мощности движков. К тому же эти толстосумы столько вваливают за участие, что на них все предпочитают закрывать глаза. Вдобавок у них у всех кабины бронированные: никто из их богатеньких родителей не желает, чтобы дитяшко поранилось или на куски развалилось в гоночке! В результате часть их технологических достижений проседает под весом их навороченных монстров. Но они всё равно будут уверенно сражаться. Не надо их недооценивать. Хотя у меня есть пара идей, как с ними потягаться, если возникнет проблема.

— Так что там с этими четырьмя завсегдатаями? — спросил Главный, испытующе глядя на Митю.

— Они все... — было начал Митя, но Коринф его перебил:

— Про них не сейчас — расскажешь через неделю, пока мы будем в очередной раз проходить трассу. Проверим заодно, насколько до автоматизма мы сможем довести наши навыки: отвлечённая беседа покажет все недостатки концентрации и навыков.

На том и порешили. Митя перегнал свой ровер в гараж к Главному. Его отец, конечно же, был против, но Митя всё же как-то смог его уговорить. Вероятно, сыграл тот факт, что Главный с отцом Мити был вполне в дружественных отношениях. В результате новоявленная команда подготовила роверы к очередному заезду и даже снова внесла несколько небольших дополнений.

Всю следующую неделю гонщики раз за разом отрабатывали прохождение трассы, учились мастерски координировать свои действия, понимать друг друга с полуслова, отрабатывали манёвры ухода от атак противников и собственные приёмы нападения.

Пару раз они замечали, что ещё трое гонщиков также активно используют трассу для тренировок. Время гонки нещадно приближалось, но сотрудничество уже начало давать позитивные результаты: в очередной заезд партнёры смогли поставить новый рекорд, пройдя трассу за час тридцать девять минут. Главный даже отметил, что за всю свою жизнь не видел таких хороших результатов. Однако в этот день ветер был попутный, и гоняться на пустой трассе — это одно, а гоняться в процессе безжалостного соревнования — уже совсем другое.

Они также отметили для себя несколько особенно опасных мест в тоннелях, где можно устроить неплохие проблемы для нерадивых преследователей. Вдобавок Митя раскрыл некоторые тайны собственного мастерства. Большим удивлением для Коринфа стал тот факт, что ровер Мити, оказывается, был оборудован не одним, а целыми двумя спаренными двигателями, что позволило сделать корпус ровера ниже и дать некоторые бонусы к манёвренности и дополнительному охлаждению. А волшебная пылевая завеса — всего лишь форсированная струя

охлаждения от двигателей, направленная под днище под высоким давлением.

Вот уже всего неделя осталась до заветного события. Гонщики уже неплохо начали ориентироваться в паре. Коринф воплотил в жизнь своё пожелание, и в ряде заездов, в особенно напряжённых местах, они стали беседовать про остальных конкурентов.

— Первый из них — давний чемпион: более пятнадцати лет назад он одержал громкую победу, с той поры он каждый раз возвращается на трассу, пытаясь повторить свой успех, — иногда прерываясь на контроль за трассой рассказывал Митя.

— Да, я многое слышал о нём, — дополнял разговор Главный. — Он настоящая легенда наших гонок. Конечно, его реакция уже не та, что в молодости, можно сказать, он уже практически ископаемое: от года к году его результаты постепенно становятся всё хуже, но всё это он старается компенсировать своей невероятной отдачей и целеустремлённостью. Он, кстати, параллельно с вами тренируется на трассе. Пару лет назад он почти в хлам разбил свой ровер в тоннеле. Его тогда жёстко подставил под удар один из молодых лихачей: целый год об этом старике ничего слышно не было, он даже пропустил гонку через год, но вот прошло два года, и он тут как тут — не понятно каким чудом восстановил свой ровер и вновь рвётся к победе.

— Старик, — многозначительно и даже с некоторым уважением задумчиво произнёс Коринф.

— Второй и третий — молодые братья, — продолжил Митя. — Год назад, наблюдая за ними, я подглядел идею парного выступления: они действуют сообща, как теперь мы, проходят всю трассу дружно, но обычно зря не рискуют.

— Тем не менее за последние четыре года они не пропустили ни одну гонку и год назад уже пришли вторым и третьим. Думаю, что они ваши главные соперники, — вновь встрял Главный. — К тому же они тренируются на трассе параллельно с вами.

— Это так: они раз от раза улучшают свои навыки и неотступно, шаг за шагом приближаются к пьедесталу.

— Уважаю я таких гонщиков. Прямо загляденье наблюдать за ними! — с нескрываемым восхищением вновь дополнил разговор Главный.

— О четвертом информации мало. Он не местный, вернее, уже лет пять, как он поселился в нашем городке, но говорят, что до этого он жил на Саратуме. У него, как у тебя, есть свой космический челнок, и он часто летает куда-то, порой покидая Лигру на целые полгода, но всегда возвращается ко времени проведения гонки. Он практически не участвует в других гоночных соревнованиях, всегда платит полную сумму за участие и крайне редко покидает свой гараж. Он победил в гонке четыре года назад, но в то время у него почти конкурентов не было. То был какой-то вялый год.

— В общем, очередной непростой соперник. Ездит он на уровне. Кроме того, его ровер оборудован даже лучше ваших. И, в отличие от вас двоих, он ездит намного техничнее. Чувствуется качественная подготовка: может, он пилот какой-нибудь... Это вдвойне делает ему честь, если он занимает солидную должность на Саратуме и всё равно прилетает каждый год на Лигру, лишь бы добиться победы, — в этот раз Главный терпеливо дождался окончания доклада Мити, прежде чем встревать в разговор.

— Пусть будет «Пилот», — напряжённо сказал Коринф.

Главный что-то сверил на своём мониторе и после некоторой паузы продолжил:

— Кстати, сегодня на гонку заявила какая-то «тёмная лошадка». Какой-то новый гонщик, вроде бы из местных, который никогда раньше не выступал. И спецификация у его ровера какая-то странная. Непонятно всё это: обычно заявившиеся гонщики всюду начинают трубить о себе и своих достижениях, чтобы привлечь побольше ставок, но не этот. Про этого вообще что-то информации нет... Подозрительно это всё...

Обсуждение гонщиков в процессе прохождения трассы в самом деле выявило ряд недостатков в подготовке, но кропотливая работа в течение следующих нескольких дней вроде решила проблему. Далее трасса была закрыта для любых тренировок: организаторы гонок принялись приводить трассу в порядок, расставлять кучу оборудования и выполнять остальные приготовления. Вся команда принялась приводить в финальную готовность роверы и стала в принципе не особо высовываться из гаража, поскольку уже начали прибывать молодые и отбитые гонщики, и даже на полностью охраняемых улицах города стало чуть менее безопасно.

За шестнадцать часов до гонки организаторы пригласили всех на предгоночное объявление в центральную ратушу — главное место собрания жителей города. В большом просторном зале собралась порядочная толпа. Главный не изъявил желания идти, но вот Коринфа и Митю пойти заставил, мол, чтобы почтить уважением тех, кто всех нас кормит, как он сказал.

Коринф пустил Митю вперёд, чтобы не светиться рядом с ним и не раскрывать заранее их сотрудничество. Когда он пересёк ворота ратуши, его поразили аккуратность и чистота, царившие внутри. Пусть вся архитектура была скорее нелепым сочетанием бесформенных металлических колонн и пластиковых сводов, но зато всё прямо блестело от многочисленных прожекторов, мягко освещающих свод большого здания. Все поверхности, все уголки были тщательно подогнаны друг к другу, отполированы, вычищены и отлакированы. Помещение было явно

небогатым, особенно по меркам Саратума, однако чувствовалось, что местные с большой аккуратностью, вниманием и уважением относятся к этому месту общественных собраний. Весь архитектурный ансамбль ратуши был простым, но в то же время гармоничным и по-особенному притягательным. Его простая и незатейливая красота будто бы утверждала, что на этой злой, агрессивной и пропащей планете всё же есть место для высокой культуры и морали, пусть и зиждущейся только на гонках.

Вперёд на высокие фундаментальные металлические подмости вышел пожилой человек, выполнявший функцию, подобную губернатору в цивилизованных городах. Коринф к этому моменту уже неплохо ориентировался в особенностях местной политики и знал, что этот человек выполняет просто функцию глашатая, передавая для остальных волю настоящих правителей этого города, которых никто не знал в лицо. Но даже этого глашатая все уважали и ценили, поскольку, даже просто передавая чужие повеления, он по-своему старался заботиться и поддерживать город.

— Я благодарю всех, кто прибыл в этот важный для всех нас день, чтобы в очередной раз провести самую крупную и серьёзную гонку в секторе! Мне особенно приятно видеть множество новых молодых гонщиков: это говорит о том, что мы, Лигрианцы, не одиноки в нашей любви к скорости, опасности и спортивному соперничеству. Все мы, собравшиеся среди этой мёртвой, опасной пустыни, полной нескончаемой борьбы за власть и влияние, ценим и уважаем наш небольшой островок порядка и справедливости. Гонка — это не место для мстительности, предательства и обмана, гонка — это маршрут чистого соперничества, обнажающего истинное мастерство каждого участника. Итак, соревнуйтесь честно! Соревнуйтесь беспощадно. И да победит сильнейший!

Толпа взревела множеством ликований и оваций. Организаторы приготовили богатое угощение для всех присутствующих. Коринф обратил внимание на столы местной администрации, всё ещё готовой принять плату за участие в гонках — Коринфу это было без надобности: он уже неделю назад подал заявку на участие.

Местные постепенно разошлись по небольшим группам, обсуждая прошедшие и предстоящие гонки. Многие уже начали лениво перемещаться в просторное западное крыло ратуши, представляющее собой настоящий концертный зал с множеством мониторов и отдельных комнат. Сбоку помещения находились три ряда автоматов, принимающих ставки на победителей, на проигравших, на распределение мест гонщиков в финале, на смерть, на жизнь — на всё, что только приходило в голову. Можно было сказать, что тут начался настоящий фестиваль, которого все местные с нетерпением ждали целый год. Коринф поспешил удалиться: вся эта толпа его сильно напрягала. На площади он обратил внимание на несколько площадок, где красовались некоторые гонщики со своими роверами: они тщеславно позволяли себя фотографировать, некоторые даже раздавали автографы.

Эту ночь Коринф плохо спал: он вообще едва смог заснуть — беспокойство от предстоящего заезда заполонило все его мысли.

Глава 14 Справедливая гонка

Наконец заветный день настал. Коринфу казалось, будто прошёл не месяц, а целые полгода интенсивной подготовки. С самого раннего утра он уже был на ногах, как и Главный, Митя, Владимир и ещё несколько механиков. Они в очередной раз внимательно проверили готовность роверов. Практически уже перед выходом Коринф обратился к Главному:

— Послушай, за эти несколько недель я, может, вёл себя жестковато, но я понял, что ты отличный механик и тебе можно доверять. Я благодарю тебя за твою помощь!

— Да ты вёл себя как полный придурок всё это время, — сказал Главный и звучно рассмеялся, — но я не в обиде: я видел много гонщиков — всё же ты выделяешься среди них. Я даже буду болеть за тебя!

— Я вот что хотел спросить: у тебя столько всего на складе, ты явно отлично торгуешь, всего этого богатства с лихвой хватило бы, чтобы переехать с Лигры, — почему же ты всё ещё тут?

Главный немного посуровел. Ответ, как ему казалось, был вполне очевиден, но Коринф этого явно не понимал.

— Вот всё вы, Саратумцы, мыслите плоско. Тут мой дом и, что более важно, тут дело, которое я люблю. Я бы ни за что не променял мои красные злые пески на вашу зеленоватую холодную роскошь.

Коринф озадачился подобным ответом: было в этих мыслях что-то, что явно ускользало от его сознания. В любом случае, при всех этих богатствах Главный мог вполне иметь замечательное жилище на Саратуме, а на Лигру прилетать лишь в период гонок, но, очевидно, ему было виднее.

Коринф и Владимир использовали челнок, чтобы доставить роверы в стартовый город, чтобы не пришлось пересекать пустыню. Вскоре оба ровера были на месте и направились на стартовую позицию. Через минут пятнадцать все гонщики были уже на своих местах. Стартовая позиция представляла собой широкий металлический подиум. Роверы гонщиков располагались в два ряда по десять машин. Коринф занял своё место слева, Митя занял место за Коринфом во втором ряду. Коринф ещё раз проверил готовность систем ровера и обратил внимание, что центральное место в первом ряду было свободно. До старта оставалось не более трёх минут, и на подиум неспешно начал взбираться двадцатый гонщик. Огромный чёрно-красный ровер, почти в полтора раза больше ровера Коринфа, неспешно занял своё место в пустующем зарезервированном месте. Огромные колёса были по бокам прикрыты конусообразными щитками, а по всему периметру был заметен толстый, блестящий «кенгурятник».

— Это ещё что за чудовище?! — удивлённо проговорил в шлемофон Коринф.

— погоди, выясню! — напряжённо ответил Главный. — Так! Организаторы говорят, что припасли большой сюрприз. Это специальный гость, решивший впервые выступить на нашей гоночной арене. Это тот самый, заявившийся в числе последних, про которого никаких данных не было. Проклятье... Плохо дело... Они говорят, что это уважаемый гость, представляющий на гонках величие Трепалов...

— Да ты на размеры этого чудища посмотри: это, блин, не ровер — это натуральный танк! — начал распаляться Коринф.

— Да... Это проблема... Боюсь, эти головорезы наконец добрались и до нас... Ладно, делать нечего... Постарайся ему под колёса не заползти, хотя что-то мне подсказывает, что гоночка будет жёсткая...

— А мне что-то подсказывает, что организаторы что-то явно попутали на этот раз!

Коринф хотел было ещё что-то высказать, но тут был дан начальный отсчёт. Коринф сконцентрировал всё своё внимание на сигнале. Вот уже три... два... один... Все как один роверы рывком ринулись со своих позиций, поднимая огромные клубы дыма и пыли. Гонка началась! Коринф мельком проверил ровер Мити: тот послушно пристроился прямо позади Коринфа, как они и тренировали. Старт прошёл вполне удачно, Коринф занял место справа от всей гонки. Ближе к центру уже началась какая-то возня с небольшими столкновениями, в основном между ненормальными из числа семерых задир. Уже через десять минут начали выявляться лидеры гонки. Впереди с небольшим отрывом шли двое братьев, прямо им в затылок дышал здоровенный представитель Трепалов, за ним шли двое Пентальцев и Пилот. С некоторым отставанием следовали хозяева мастерских. Параллельно с этой группой, немного правее, следовала вторая группа гонщиков: в этой группе лидировал Коринф с Митей, прямо за ними держался старик и, неожиданно, один из отбитых гонщиков, замыкали строй с небольшим отставанием ещё двое старых местных гонщиков. Уже с неплохим удалением, где-то позади, в клубах дыма и пыли всё ещё выясняли отношения остальные шесть отбитых гонщиков.

Коринф постоянно поглядывал влево, наблюдая за поведением Трепальца: тот достаточно агрессивно теснил преследователей, не позволяя приблизиться никому из них. Коринф держался справа от него с небольшим опережением, однако его беспокоили двое братьев, которые набрали отрыв уже в полминуты. Как бы то ни было, первая часть трассы — лишь прелюдия к настоящему заезду: совсем скоро начнётся этап с тоннелями — вот там и

развернётся главная битва!

Следующие десять минут промелькнули быстро и незаметно. Преследователи еле-еле пытались проводить какие-то атаки, но все явно берегли силы для сражения в тоннелях. Вот уже впереди показались промежуточные ворота. Коринфу пришлось вернуться в общий строй и потеснить остальных недовольных гонщиков. Ещё пара секунд, и ворота были пересечены, и практически все гонщики стали смещаться вправо, агрессивно тесня друг друга. Коринф поравнялся с Трепалом, делал тщетные попытки обгона, но был явно в невыгодном положении: даже если ему удастся обойти Трепала, тот наверняка отеснит Митю, чего нельзя было допускать.

— Дай ему пройти! Не бодайся с ним! Пусть въедет в тоннель перед тобой! — напряжённо настаивал Главный.

Въезд в тоннели был всё ближе, Коринф нехотя пропустил вперёд Трепала, заняв место прямо за ним.

Вот уже впереди занырнули в тоннель братья, всего через пару секунд в тоннели ворвался Трепал, за ним Коринф, Митя и вся остальная гоночная братия. Как и ожидалось, старые хозяева мастерских и ещё двое местных старых гонщиков не рискнули отправляться в тоннели и последовали по маршруту левее, вдоль горного хребта.

Предстояла первая развилка тоннелей.

— Уходи в правый тоннель! — напряжённо практически приказывал Главный.

— Правый тоннель на полторы секунды длиннее, и там дурацкий съезд посередине! — раздражённо вторил Коринф.

— Говорю тебе: уходи вправо, в центральном тоннеле сейчас будет просто адовое месиво! Вам там не выжить с этим Трепалом!

Тоннель вывернулся сначала вниз, потом вверх, вот уже на огромной скорости приближался перекрёсток — Коринф видел, как в центральный тоннель устремились братья, за ними Трепал и, уже сумевший обогнать Коринфа, один из Пентальцев.

Коринф грязно выругался и рывком пустил ровер в правый тоннель, Митя еле успел повторить его манёвр. Через несколько секунд Коринф оперативно дал возможность Мите обогнать и занял ведомую позицию прямо позади Мити. За ними в правый тоннель с небольшим отставанием последовал старик и один притесавшийся отбитый гонщик.

— Сконцентрируйтесь на скорости, вы хорошо идёте! — наставнически произнёс Главный. Его голос уже был еле различим среди помех: роверы входили в мёртвую зону.

Внезапно Коринф почувствовал сильный удар сзади! Отбитый гонщик начал просто таранить ровер Коринфа. Его это привело практически в бешенство. Отбитый даже не пытался атаковать: он просто таранил ровер Коринфа. Вытянутый нос ровера этого отбитого как нельзя лучше подходил для такой грязной игры: этот задира явно пытался задеть задние колёса ровера Коринфа, чтобы постараться пустить его в занос. Коринф всячески маневрировал из стороны в сторону, не позволяя сопернику предпринять что-то подобное.

Правый тоннель был неприятным местом: тут существенно чаще встречался различный технический мусор и остатки роверов. Кроме того Коринф и Митя отрабатывали в основном прохождение трассы по центральному тоннелю, а в этот заворачивали всего пять раз... Однако они отлично держались: Митя непрерывно дублировал свои действия, предупреждая о каждом манёвре уклонения от мусора, чтобы Коринф мог идеально подстроиться. Вот наконец вновь начала проявляться связь, а отбитый стал пихаться уже не столь агрессивно.

— Ну что у вас там? — обеспокоенно прозвучал голос Главного.

— Этот отбитый идиот таранит мой ровер! Я дважды уже чуть в занос не ушёл! — агрессивно ответил Коринф.

— Да... Терпи... Этих дураков ничего не волнует!

— Ничего! Скоро будет место, где мы его скинем! — со злобной улыбкой ответил Коринф.

Приближался очередной перекрёсток. Нужно было резко уходить влево, поскольку тоннель прямо через полкилометра был полностью завален. На этом участке нужно было сбросить скорость.

— Не сбрасывай скорость! Устроим этому придурку сюрприз! — злорадно практически закричал Коринф.

— Это будет непросто... Я постараюсь. Держись ровно, я скажу когда! — напряжённо ответил Митя. Манёвр был явно сложным, но если всё сделать верно, то получится жёстко сбросить с хвоста этого отбитого.

Перекрёсток был уже рядом, Митя всё же немного начал притормаживать. Коринф вновь почувствовал сильные удары в спину. «Отлично, дурак захватил наживку», — подумал он.

— И! Сейчас! — закричал в шлемофоне Митя и резким движением рванул свой ровер вправо, практически вписавшись в груды металла на пути. Коринф еле успел повторить манёвр Мити, но он всё же не смог полностью уйти от заноса: ровер с силой бросило вправо, Коринф зацепил ещё какую-то кучу мусора и резко вывернул руль влево, в сторону заноса. Пару мгновений ему показалось, что всё кончено и сейчас он на огромной скорости впишется в какое-нибудь препятствие, но всё обошлось: ещё несколько витков, и Коринф вернул контроль над дорогой. Конечно, он существенно потерял скорость, и Митя усвистел вперёд на добрые двадцать метров, но цель

была более чем достигнута!

Коринф взглянул в камеры заднего вида: было очевидно, что притесавшийся прямо к заднему бамперу Коринфа ровер отбитого не смог среагировать на крайне жёсткий манёвр и на полной скорости вписался в гору мусора, разметав её по всему тоннелю. Даже старика, следовавшего позади, не было видно. Более того, удар, видимо, был столь силен, что тоннель уже начал заволакивать густой дым от повреждённого ровера.

— То-то же! — озлобленно и мстительно произнёс Коринф, нагоняя ровер Мити.

— Ха! Так его! — довольно отозвался голос Главного. — Даже по камерам ничего не видно — по ходу, ему уже конец!

Митя и Коринф аккуратно преодолели перекрёсток и перестроились в новый тоннель. Теперь ещё минут десять им ничего не будет угрожать — они вновь бросили все усилия, чтобы идеально пройти этот участок на полной скорости.

— Вы весьма хорошо идёте, возможно, даже лидируете! — напряжённо начал докладывать Главный. — В параллельном центральном тоннеле всё совсем грустно. Я правильно сказал тебе уходить вправо. Этот Трепалец начал вообще бесчинствовать: он даже не гоняется — он просто пытается уничтожить всё вокруг. Он провёл крайне жёсткий манёвр и практически воткнул в груды мусора одного из братьев. Тот попробовал вывернуться, но всё тщетно! Не знаю, что там происходит, но второй брат остановил ровер и пытается оказать первую помощь... В результате сейчас никто не осмеливается даже приблизиться к Трепалу: за ним на порядочном расстоянии следуют Пентальцы, и их группу замыкает Пилот. Кстати, старик вырвался из вашей заварушки — он в полутора минутах позади вас и, похоже, слегка форсирует свой движок, чтобы сократить расстояние. Вам нужно просто хорошо продержаться до конца тоннеля: дальше в пустыне у тебя будет явное преимущество над ними! Возможно, даже над Трепальцем.

До слияния тоннелей в один центральный выходной тоннель оставалось не более полутора минут. Связь снова начала икать — предстоял ещё один «тёмный» участок. Позади уже отчётливо виднелись яркие огни фар приближающегося ровера старика.

— Может, тоже форсируем двигатели? — обеспокоенно спросил Митя.

— Нет, форсаж может понадобиться на финальном участке! Нам нужно только не пустить старика вперёд: на пустынном участке его ровер увязнет — там у него не будет преимущества!

Старик уже начал дышать Коринфу в затылок: в отличие от безбашенного отбитого, он начал осторожно прощупывать защиту Коринфа, раз за разом совершая обманные манёвры, пытаясь переключить внимание гонщиков на себя и вынуждая их совершить ошибку. Старик явно знал, что делал. Коринфу было непросто следить за ровером Мити и парировать атаки старика. Митя пытался также перекрывать зоны обгона, стараясь удерживаться перед Коринфом, чтобы тот не начал терять скорость из-за лобового сопротивления. Однако подобные манёвры начали сильно выматывать их. Они едва не совершили опасную ошибку, лишь в последний момент заметив небольшое препятствие на пути. Следить за дорогой и за стариком становилось всё сложнее и сложнее. Очевидно, на то старик и рассчитывал. Он был опасным соперником.

Вот уже впереди было видно слияние тоннелей в один, более широкий, тоннель, там было ещё несколько остовов и куч металлолома. Митя и Коринф еле-еле удерживали своё внимание: атаки старика становились всё отчаяннее и агрессивнее — он, как и Коринф, прекрасно понимал, что, если не завершить обгон, пока не закончится участок тоннелей, дальше уже ничего не светит.

На огромной скорости гонщики подошли к перекрёстку, старик предпринял очередную отчаянную попытку обгона — Коринф еле успел заметить произошедшее и в последний момент дёрнул свой ровер вправо, блокируя старику пространство. Коринф еле успел. Старику пришлось притормозить, чтобы уйти от опасного столкновения. В этот момент произошло немыслимое: на огромной скорости гонщики въехали на перекрёсток, и слева, прошибая скопившийся мусор, на них практически вылетел огромный ровер Трепала. Митя не сумел среагировать: да у него в принципе такого шанса не было — жесточайший удар пришёлся прямо в правый бок корпуса ровера Мити. Удар был такой силы, что кенгурятник Трепала буквально вдавил кабину ровера внутрь, сминая колёса. Коринфу безумно повезло, что в этот момент он находился правее, препятствуя обгону старика. В самый последний момент он машинально успел форсировать двигатель и рвануть вперёд, чтобы не оказаться на пути бокового удара Трепала, уже тащившего на своём носу помятый ровер Мити. Но скорости оказалось недостаточно: Трепал задел заднее левое колесо, и ровер Коринфа пустился в круговой занос.

Трепал сделал рывок влево, сбрасывая с себя свою жертву, занимая лидирующую позицию по центру широкого тоннеля. Вдобавок Коринф почувствовал несильный удар: его откинул с дороги ровер одного из Пентальцев, пронёсшийся мимо. Коринф оказался на обратном курсе — он рывком вновь направил ровер в занос, возвращаясь на правильный курс. В результате этих неудачных кульбитов Коринф пропустил вперёд обоих трепальцев и Пилота. Старик всё ещё был позади. Ему вновь пришлось затормозить, чтобы вначале не стать очередной жертвой Трепальца, а потом чтобы объехать практически уничтоженный ровер Мити. Коринф

форсировал двигатель и принялся вновь набирать скорость, пытаясь нагнать соперников.

Вот уже показался выход из тоннеля — начался финальный этап гонки. Поднимая клубы пыли, будто безжалостный, здоровенный хищный зверь, переваливаясь через барханы, впереди всех мчался ровер Трепала, на безопасном расстоянии от него ехал один из Пентальцев, третью позицию делил пилот и ещё один Пенталец, замыкал колонну Коринф, а где-то позади пытался не отставать старик. Остальные участники гонки отставали от колонны более чем на пять минут.

Коринф не знал, пережил ли удар Трепальца Митя: в данный момент он и не хотел знать — всё его внимание было сконцентрировано на том, как вырвать победу у этого пыльного чёрно-красного монстра. Хотя до него ещё надо было добраться... Коринф решил некоторое время выжидать, чтобы лучше понять тактику и слабые места соперников. Связь вернулась: видимо, понимая, что в сложившейся ситуации всё уже зависит лишь от Коринфа, Главный даже не стал отвлекать его от гонки — канал связи молчал.

Ровер Трепала явно немного уступал в ходовых характеристиках по песку и каменистому грунту, машины Пентальцев, напротив, весьма неплохо справлялись со своей задачей, однако они были тяжелыми и оттого немного неповоротливыми. Уже через минут пять на третьей позиции началось ожесточённое противостояние: Пилот всячески пытался выскочить вперёд и хотя бы немного оторваться от Пентальца, однако он явно оказывался в невыгодных условиях — роверы Пентальцев были явно крепче, и их хозяева явно понимали своё преимущество. Их действия были явно агрессивнее: они вовсе не боялись пойти на столкновения, в отличие от Пилота, понимающего, что прямая конфронтация точно закончится не в его пользу. Он всячески маневрировал, совершая одну за другой атаки на Пентальца — тот в свою очередь лишь лениво отпугивал его, выворачивая ровер из стороны в сторону, угрожая протаранить соперника.

Первый же Пенталец явно даже не пытался соперничать с Трепалом: он покорно держался прямо позади лидера, будто бы уже смирившись со своей второй позицией. Коринф принялся постепенно сокращать дистанцию, будто хищник, подкрадывающийся к своей жертве. Он решил держаться немного правее, обратив внимание, что Пилот предпочитает совершать атаки преимущественно слева от Пентальца. Вся эта их заварушка может серьёзно сыграть на руку Коринфу — нужно лишь подгадать удобный момент.

И вот этот момент настал. Очередная незатейливая атака Пилота пошла явно не по плану, поскольку, даже вырвавшись вперёд, ему пришлось уходить от удара по заднему колесу от Пентальца, в результате чего он серьёзно отклонился влево, что оказалось весьма некстати: Пилот взмыл в воздух как с трамплина, срываясь с очередного песчаного бархана — нос его ровера был явно тяжелее, в результате чего машина практически занырнула носом в песок, пропахав длинную борозду и чуть было не перевернувшись на крышу через нос. Ровер Пилота остался где-то позади. Этого отвлекающего момента оказалось более чем достаточно, чтобы Коринф уверенно передвинулся на третью позицию. Когда Пенталец опомнился, перед его носом уже была корма ровера Коринфа.

Однако ситуация явно складывалась не в пользу Коринфа: как и ровер Пилота, ровер Коринфа был легче и явно более хрупким, чем роверы Пентальцев и тем более чем железное чудовище Трепала. Атаковать впередиидущих было равноценно самоубийству, но что-то надо было решать. У Коринфа был неплохой запас скорости, более того, он мог форсировать двигатель, оставив всех этих тяжёлых конкурентов с носом. Вот если бы только ему удалось вырваться вперёд... Самым плохим вариантом было оставаться на нынешней позиции. Позади уже начал медленно приближаться отставший Пенталец: совсем скоро он начнёт наступать на пятки Коринфу, что явно не пойдёт на пользу роверу.

Время шло... Вот уже до конца заезда оставалось не более пяти минут. Песчаные барханы сменились каменистой пустыней, одни за другими по бокам проносились каменные глыбы и небольшие скалистые образования. Пенталец позади уже вот-вот начнёт свои атаки — нужно было действовать. Коринф попытался повторить тактику старика, начиная будто бы примеряться к обгону то с одной, то с другой стороны. Пенталец впереди начал явно нервничать, пытаясь подражать манёврам Коринфа — у него получалось из рук вон плохо. Впередиидущий Трепал даже не шелохнулся.

Вот уже всего три минуты оставалось до финиша, уже где-то далеко показались огни города — надо было решаться. Коринф совершил обманный манёвр и, выжимая всю возможную скорость из ровера, пошёл на обгон слева, выгадав момент таким образом, чтобы хотя бы на мгновение оказаться прикрытым несколькими проносящимися каменными глыбами. Пенталец явно не ожидал подобного, поскольку, пытаясь не пустить Коринфа вперёд, он чуть было не вписался лбом в каменное препятствие, еле вывернув в сторону в последний момент. Однако Пенталец оказался не так прост: он также форсировал двигатель. Оба гонщика начали быстро опережать Трепала.

Будто бы недовольный вожак, Трепалец резко рванулся влево, практически снеся при этом ровер Пентальца. Тот в свою очередь ударил по тормозам, покорно уступая право атаки Трепальцу. Наступил самый опасный момент: Коринф видел быстро приближающийся справа огромный ровер, но скорость была на его стороне — ещё совсем чуть-чуть, и он уйдёт с линии атаки. Ещё мгновение... Но вот стало понятно, что скорости недостаточно:

нужно было резко тормозить, по примеру Пентальца, либо уходить резко влево, что было, возможно, ещё неприятнее, поскольку лишь центральная часть трассы была очищена от камней — маневрировать по бокам было практически невозможно. Коринф запнулся лишь на мгновение, он уже практически вывернулся из хватки Трепальца, но в этот момент он почувствовал удар, и ровер начал уходить в занос: Трепалец всё же догнал ровер Коринфа, ударив его в правое заднее колесо. Но Коринф был готов. Двигатель мог выдержать ещё совсем немного этого бешеного режима — нужно было лишь вывернуться и закончить обгон. Коринф быстро погасил занос и тут отчётливо начал чувствовать серию быстрых слабых ударов сзади: было очевидно, что Трепалец ударом по заднему колесу повредил его или повредил заднюю подвеску, в результате чего заднее правое колесо сместилось с оси вращения. Коринф начал медленно терять скорость. Ему весьма повезло, что, выполнив свой бросок, Трепалец потерял к нему всякий интерес, поскольку справа от него уже начал свой обгон ровер Пентальца.

Здоровенный Трепал быстро вновь утвердил своё превосходство: даже бронированный Пенталец не решился тягаться со здоровенным соперником. На Коринфа они уже не обращали внимания: со стороны было очевидно повреждение ровера и ненормально трепыхающееся заднее колесо. Постепенно все трое уверенно обошли Коринфа. И самое обидно, что это произошло прямо перед самым финишем. Первым уверенно финишировал Трепал, по бокам от него закончили гонку оба Пентальца, практически сразу за ними финишировал Коринф.

— Плюс полторы секунды... — каким-то даже мягким голосом произнёс в шлемофоне Главный.

— Пусть Владимир подготовит челнок и опустит транспортную рампу! — гневно ответил Коринф и оборвал канал связи.

Гневу и ненависти Коринфа не было предела: гонка была закончена, и, проезжая мимо, он видел беснующуюся, ликующую толпу, со всех сторон обступившую своего нового Трепальского кумира — мощного, величественного и неустрашимого победителя... Коринф, не обращая внимания ни на что, направил ровер прямо в гараж и оттуда напрямик на грузовую платформу. Ровер явно нуждался в ремонте и обслуживании, но Коринф был непреклонно настроен во что бы то ни стало срочно покинуть эту проклятую планету. Тяжёлый пар клубами поднимался с заднего капота: радиаторы героически пытались остудить вымотанную машину. Пока ровер ехал по складу к ангару, с него сыпался песок, оставляя красные, будто бы кровавые, следы раненого животного. Машина слушалась неохотно: Коринф даже задел гидравлическую штангу, заводя ровер на транспортную платформу. Он выключил двигатель, швырнул шлемофон в сторону и вылез из кабины. Вокруг суетились механики и Владимир. Главный был здесь же: он снисходительно осматривал Коринфа, видимо, соображая, что может сказать, чтобы хоть немного подбодрить его.

— Да... тяжёлая гонка выдалась — я такой ещё ни разу не видел... Брат, которого бортанул Трепал, не выжил... А тот упырь, которого ты так ловко приложил к груди металла, вероятно, больше не сможет ходить...

— Поделом ему! — агрессивно ответил Коринф, после чего немного испуганно взглянул на Главного и с надеждой начал свой вопрос: — А как...

Главный не дослушал и лишь печально покачал головой.

— Ясно... — опечаленно ответил Коринф. — Ладно, спасибо за всё...

Коринф махнул Владимиру подниматься внутрь и уверенно направился в кабину челнока. Уже через мгновение загудели газотурбинные двигатели, заработал гравитационный двигатель, и корабль приподнялся с посадочной платформы, убирая посадочные опоры. Лишь только открылись потолочные створки ангара, как челнок стремительно начал набирать высоту.

— Убираемся с этой проклятой планеты! — гневно скомандовал Коринф, спешно покидая кабину.

— Куда нам теперь? — растерянно вслед прокричал Владимир.

— Не знаю! Наплевать! Обратно на Саратум! — всё так же гневно ответил Коринф и скрылся в медотсеке.

Он принялся множество раз клясться себе, что больше никогда его нога не ступит на поверхность этой проклятой планеты. Нога... Нога вновь начала болезненно напоминать о себе. Коринф вновь вколол себе ломовую дозу обезболивающих и отрубился на медицинской кушетке.

Глава 15 Всеобщее зло

Следующий день Коринф до вечера провёл в медотсеке, к середине дня ноющая боль в ноге, наконец-то, прошла. Он мучительно переваривал всё случившееся и новые напасти, свалившиеся на его голову. В этот раз его беспокоила даже не сама неприятная ситуация, сколько несправедливость всего произошедшего. Весь день он рассуждал вслух, размышлял, опровергал свои собственные мысли и домыслы, пытаясь найти аргументы, которые хотя бы немного восстановят мир и спокойствие в его душе. К вечеру ему всерьёз захотелось есть и пришлось покинуть своё убежище. Владимир как раз заканчивал свой ужин. Коринф засуетился у шкафов. Владимир внимательно наблюдал за капитаном, пытаясь уловить его мысли и настроение. В конце концов он сказал:

— Жаль, что всё так вышло...

— В самом деле жаль, — раздражённо ответил Коринф. — Но я сам виноват! И думать не стоило, чтобы участвовать в самой несправедливой аванюре, какую только можно было выдумать.

— В каком смысле? — озадаченно спросил Владимир.

— В смысле участвовать в гонках, — ответил Коринф, многозначительно уставившись на Владимира. В глазах Владимира читалась пустота непонимания. Коринф опечаленно выдохнул, присел за стол и начал разъяснять своё новое философское открытие:

— Гонки, как и любое другое спортивное соревнование, — это самое глупое и несправедливое действо, какое только можно выдумать! Подумай сам: двадцать участников и всего лишь один победитель! Один счастливчик и девятнадцать неудачников. Более того, как минимум половина из всех них старалась: каждый из них приложил огромные усилия, чтобы принять участие в этом соревновании, чтобы подготовиться, обучиться. Да многие целые жизни кладут лишь только для того, чтобы выступить на соревнованиях в надежде победить! А что в результате? Побеждает не самый лучший, не самый умелый, а самый богатый и самый технически оснащённый, да к тому же ещё и наверняка подкупивший судей! Да и вообще, в принципе, правомерно и правильно ли сравнение одного спортсмена с другим?! Если взять, к примеру, бег на длинные дистанции: каждый из соревнующихся вырос в разных условиях, у каждого разная подготовка и, самое главное, у всех разная физиология и предрасположенность! Разве можно сравнивать и выставять соревноваться людей с настолько огромными различиями?! Разве это справедливо? А может, кто-то из спортсменов приехал в новый для него город, новый климат, съел новую для себя еду, и у него расстроился живот? Что тогда? Само собой, он будет бежать свою дистанцию хуже остальных, но разве это справедливо? Разве это правильно, что столь многое зависит от банальной удачи?!

Коринф уставился в глаза Владимиру — тот начал оперативно переваривать полученную информацию, пытаясь сообразить, к чему ведёт Коринф. Увидев мыслительный процесс Владимира, Коринф продолжил накидывать аргументы в защиту своей теории:

— Да и подумай сам: мы вынуждаем соревноваться людей, которые зачастую принадлежат совершенно разным культурам, образам и уровням жизни. Один, быть может, родился в хорошей, богатой семье, тренировался всю жизнь в своё удовольствие, у него была целая армия различных массажистов, тренеров, диетологов и учителей. А кто-то другой в это время родился в каких-нибудь трущобах, полжизни влачил своё существование, еле-еле сводя концы с концами, но всё равно шёл к своей мечте выступать на соревнованиях. У него не было ни массажистов, ни правильного питания — ничего из того, что было у первого. У него было только огромное желание трудиться и идти к своей мечте! И вот двое этих и ещё, кто его знает, сколько других, подобных им, выступают и соревнуются друг с другом. Разве это справедливо?! И при всём этом же есть, как я сказал, огромная разница в физиологических особенностях: одному нужно было лишь немного поработать над своим телом, чтобы достичь хорошей формы, а второму, быть может, приходилось по восемь часов каждый день работать, чтобы достичь такой же формы, как у первого. И мы ставим их друг с другом, заставляя соревноваться нам на потеху?! Что же мы сравниваем?! Сиюминутное чудо, что прямо здесь и сейчас один оказался чуть быстрее второго?! Тем более что разница между победителем и проигравшим, между чемпионом и неудачником может составлять лишь долю секунды! И это справедливо?! Мы не учитываем ни старания, которые каждый из них вложил в своё достижение, ни личностные особенности, ни даже прочие влияющие факторы. Нет! Мы сравниваем только один единственный, бездушный, грубый результат: кто быстрее!

Коринф в раздражении вскочил с места и принялся бродить туда-сюда по кубику.

— Полторы секунды! Какие-то несчастные полторы секунды отделяют победителя, которому достаётся почёт, уважение, почитание, деньги, слава! И полторы секунды отделяют проигравшего, неудачника, слабого, порицаемого, пренебрегаемого, который не получает ничего! Которого выкидывают на мороз, и всем наплевать, сколько труда, сил, энергии, средств и стараний он вложил, чтобы достичь этого результата! Разве в этом есть справедливость?!

Коринф каждый раз разделял свои монологи длительной паузой, наблюдая за реакцией Владимира, будто бы

пытаясь проникнуть в его голову и понять, понимает ли он всё, что Коринф хочет донести.

— Я долго рассуждал обо всём этом и пришёл к выводу, что это полный бред и полнейшая несправедливость, что мы заставляем людей соревноваться друг с другом...

— Ну, хорошо, а как, по-твоему, должны были бы выглядеть справедливые соревнования? — внезапно спросил Владимир, видимо, желая поддержать разговор, а может, он в самом деле осознал весь монолог Коринфа и спросил важный, по его мнению, вопрос.

Коринф некоторое время подумал и ответил:

— Знаешь, единственный вариант справедливого соперничества и противостояния — это когда человек соревнуется с самим собой! Соревнуется со своей тенью, стараясь стать лучше, чем он был вчера, неделю назад, да хоть десять минут назад! Это единственное правомерное и справедливое соревнование, когда человек стремится превзойти самого себя, стремится стать лучше, сильнее, умнее, чем он был... Ну, или в крайнем случае двое людей могут соревноваться с целью обмена опытом, если оба они работают в одной области. Тогда эти соревнования будут нужны не для того, чтобы возвысить или принизить одного из них, а лишь для того, чтобы обменяться опытом и чтобы каждый смог почерпнуть что-то новое на своём пути развития!

— Ну, это тогда будут очень скучные соревнования! — с некоторой улыбкой тут же ответил Владимир.

— Вот именно! — воскликнул Коринф и пронзительным взглядом уставился на Владимира — тот даже почувствовал себя немного неловко. — Вот именно! Это тогда будут крайне скучные соревнования! Никто не будет на них смотреть! А знаешь почему?! Потому что мы все прокляты! Все мы! Всё человечество!

Взгляд Коринфа начал выдавать некоторую маниакальную увлечённость — Владимир даже немного занервничал.

— Я долго думал обо всём этом, и знаешь, что понял? Мы, как человечество, прокляты! Причём мы сами виноваты в нашем проклятии!... Рассуди сам: вся наша культура, вся наша жизнь, всё наше существование с самых ранних времён построены на принципах соперничества, противостояния и конкуренции! С самых ранних времён мы только и занимались тем, что убивали, обворовывали, грабили и уничтожали друг друга в бесконечных войнах! А когда намечались небольшие минуты затишья, чем мы занимались? Мы выдумали олимпийские игры! Чтобы заниматься абсолютно тем же самым, только в менее кровавом масштабе. Вся наша человеческая культура, каждое наше общество, каждое социальное объединение пронизаны идеей соперничества, конкуренцией и превосходством одних над другими! И к чему это приводит?!

Коринф вновь уставился на Владимира — тот, вроде, уже начал понимать, к чему Коринф ведёт, но не нашёл, что ответить. Коринф продолжил свой монолог:

— К страданиям, несчастьям и смерти — вот к чему! Подумай сам. Предположим, кто-то победил в соревнованиях, выиграл конкурентную борьбу, и что происходит с таким человеком дальше? Он поднимается в высшую лигу, в число таких же победителей, как и он! И что дальше?! Они продолжают своё соперничество, пока среди них вновь не выявляется победитель, после чего этот победитель идёт всё выше, в следующее общество победителей. И так до бесконечности! Всегда будет кто-то богаче, сильнее, успешнее, знаменитее, красивее, сообразительнее! Всегда будет тот, кому можно будет завидовать! Даже самые выдающиеся богачи, которые поднялись на самую вершину мира, думаешь, счастливы?! Нет! Они находятся в ситуации постоянного страха и постоянной грызни, поскольку все их приближённые только и ждут часа, чтобы сбросить своих хозяев и занять место «царя горы»! И к чему нас это привело? Все эти магнаты, олигархи и воротилы продолжают соперничать друг с другом за ресурсы, за территории, за богатства. Они уничтожают каждый мир, до которого только могут дотянуться. Посмотри вокруг! Они уже уничтожили Лигру, Канью и вот-вот уничтожат Саратум!

Коринф нервно отвёл взгляд, продолжая семенить туда-сюда по кубику. Во всё увеличивающемся раздражении он продолжил:

— И ты думаешь, они могут остановиться?! Едва ли! Они рабы их собственного противостояния, их собственной гонки. Даже если предположить, что хотя бы один из них на мгновение задумается о том, что, безжалостно выкачивая ресурсы планеты в бесконечной политической и экономической борьбе, он лишь приближает уничтожение своего собственного дома, своей собственной планеты и захочет остановиться, думаешь, он сможет? Никогда! Ведь если он только попробует изменить свой подход, если он только начнёт беречь свою планету или свой кусок территории, пытаясь восстановить экологию и найти баланс с природой, его издержки взлетят до небес! Для него это будет словно совершить прилюдное капиталистическое самоубийство! Его прямые конкуренты сразу же накинутся на него и постепенно сожрут, потому что их модель поведения, их безжалостная ресурсная гонка, единственная цель которой максимизация прибыли, добавочной и меновой стоимости, будет куда эффективнее! На его фоне они станут сильнее и поглотят его, поскольку постепенно у него уже не останется сил и ресурсов, чтобы конкурировать!

Коринф вновь на некоторое время замолчал и уже спокойнее продолжил:

— В результате мы обречены, дорогой друг... Мы обречены быть уничтоженными в ходе этого бесконечного

безумия. Мы обречены уничтожать одну за другой каждую планету, на которую только ни ступает нога человека... И мы обречены на вечное страдание и боль, поскольку на один процент богачей и победителей приходится в лучшем случае девятнадцать процентов середнячков и восемьдесят процентов бедняков и неудачников. И самое обидное среди всего этого то, что этот один процент богачей, один процент победителей — все они делают свои победы за наш счёт, — Коринф демонстративно несколько раз ударил себя кулаком в грудь. — Все их достижения, успехи и победы стоят на слезах, крови и костях проигравших. Фактически мы нужны им, нужны их успеху как топливо, которое они переработают и выкинут на обочину жизни... Мы погрязли в этой бесконечной петле эксплуатации, соперничества и конкуренции... Каждый из нас рождается и вплетается в эту нескончаемую борьбу: несколькими счастливицам из сотни удаётся пробиться, удаётся завоевать тёпленькое местечко или им просто повезло родиться в правильной семье, повезло выскочить из их вечных крысиных бегах, — а дальше и оглянуться не успеешь, как жизнь проходит. Все стареют, становятся слабыми и немощными и умирают, и их место занимают те, кто моложе, сильнее, умнее и прозорливее. А такие неудачники, как мы с тобой, и того хуже: обречены вечно терпеть удары судьбы, отдавая всё, что у нас есть, тем немногим счастливицам, которым повезло больше и которые сидят выше нас...

Коринф закончил монолог, грузно опустился на кресло и многозначительно замолчал...

— И что же нам делать? — с надеждой в голосе спросил Владимир.

— Не знаю... Я бы и сам хотел найти выход, но, судя по всему, этого выхода нет... Я, вероятно, больше всех остальных стерпел уже эти бесконечные удары судьбы, эти постоянные неудачи, провалы и потери... Я сам уже смертельно устал от всего этого...

Собеседники замолчали: каждый, вероятно, увлёкся рефлексией, вспоминая, сколько раз и как жестоко их была злая судьба. Они закончили ужин и разбрелись каждый в свой угол, вновь и вновь осмысливая озвученные Коринфом идеи...

Через несколько дней челнок вернулся на Саратум. Коринф уже не решился связываться с Маркусом: очередное поражение, очередной провал явно не добавили настроения старшему брату. Постепенно Коринф стал становиться всё мрачнее, и даже походы по увеселительным заведениям уже не могли в полной мере поднять ему настроение. Казалось, он будто постепенно чахнул и увядал...

Через несколько недель Коринф и вовсе перестал покидать челнок: он всё больше времени проводил в медотсеке, он даже оборудовал себе там уютное местечко. Владимир не знал, продолжают ли мучать Коринфа боли в ноге или же он уже начал подсаживаться на обезболивающие, однако чем дальше, тем всё менее коммуникабельным и живым становился его капитан.

В какой-то момент Владимир решил взять ситуацию под контроль. Он нашёл для выполнения неплохой фрахт и бодро ввалился в медотсек. Коринф читал. Владимир редко видел Коринфа читающим.

— Отличные новости: я нашёл нам хороший заказ. Нас готовы зафрахтовать, чтобы доставить удобрения на Пентал! — Владимир испытующе посмотрел на Коринфа, ожидая хоть какую-то реакцию.

— Как угодно... — флегматично ответил Коринф, даже не вознаградив Владимира взглядом.

Ситуация подрасстроила Владимира, однако он всё же перегнал челнок для погрузки. Пока проходила загрузка, Коринф всё же лениво выполз из своей берлоги и начал безучастно наблюдать за происходящим.

— Всё почти загружено. Отличный заказ, и оплата неплохая, — пробубнил Владимир, подходя к Коринфу, стараясь выглядеть хозяйственным и позитивным.

Коринф начал обходить по кругу уже почти загруженную грузовую рампу и оценивающе смотреть на упаковки. Сделав пару кругов, он подошёл к Владимиру, заканчивающему последние формальности с заказчиком, небрежно практически отобрал у Владимира информационный планшет и принялся с не меньшей критикой изучать документы и что-то нажимать и пролистывать. В какой-то момент что-то привлекло его внимание. Выражение его лица сменилось с отрешённого на раздражённое и даже разгневанное.

— Это ещё что значит?! — гневно спросил Коринф, указывая пальцем на какую-то строку с цифрами и тыча планшетом практически в лицо заказчику.

— Что-то не так? — испуганно спросил человек.

— Да! Ещё как не так! Это как понимать?! Вы нас кинуть вознамерились?! — Коринф раздражённо продолжал тыкать пальцем в строку цифр.

— Что не так? — уже Владимир озабоченно начал всматриваться в планшет.

— Я тебе скажу, что не так! — начал ещё больше раздражаться Коринф. — Вот сюда смотри! — он спешно подошёл к аккуратно сложенным рядам упаковок на грузовой рампе и раздражённо тыкнул пальцем в ряды серийных номеров в спецификации груза, после чего указал на серийные номера спецификации груза в таможенной декларации в договоре фрахта. А несчастьем, номера отличались...

Теперь даже Владимир обратил на это внимание. Заказчик судорожно выхватил у Коринфа планшет, попеременно глядя то на данные, то на упаковки товара, будто пытаясь убедиться в правильности претензий

Коринфа. Сомнений не было: в документах в самом деле оказалась ошибка. Заказчик попытался хоть как-то разрядить ситуацию:

— Да, вы абсолютно правы, тут закралась помарка... Но не беспокойтесь, такое случается: договоры у нас все типовые — просто наш распорядитель взял копию предыдущего договора и забыл поправить серийные номера... Это всего лишь досадная неурядица... — человек виновато разводил руками, улыбался и всячески старался показать, что он тут ни при чём.

— Да что вы говорите?! — громко, напористо и нарочито театрально развёл руками Коринф. — Мелкая неурядица, вы говорите?! А я вот тут нашел на торговой площадке товар, соответствующий этой спецификации! И вот ведь неожиданность: товар в продаже с этой спецификацией оказался в пять раз дороже, чем тот, который вы нам грузите! — Коринф гневно выхватил планшет из рук человека, что-то на нём понажимал и открыл страницу, на которой в самом деле проходили торги существенно более дорогих удобрений с соответствующими данными.

— Нет, ты только посмотри, что этот проходимец задумал! — никак не унимался Коринф, обращаясь уже к Владимиру. — Мы бы сейчас притащили всё это барахло на Пентал, где такой же милый и уважаемый коммерсант не стал бы закрывать нам акты, ссылаясь на то, что мы, дескать, привезли не тот товар! И будет спрашивать, а куда мы дели те дорожные удобрения, которые фигурируют в договоре! Нас с тобой опять попытались жёстко кинуть на деньги!

Владимир стыдливо опустил взгляд. Заказчик всё не унимался, пытаясь разрядить обстановку:

— Нет, что Вы, у нас и в мыслях подобного не было! Это всего лишь досадное недоразумение: я немедленно свяжусь с нашим офисом и потребую срочно переделать документы. Вы только не сердитесь, пожалуйста. Я мигом вернусь с новыми формами уже через час!

— Нет уж! Полно! Мы не работаем с мошенниками! Давайте, разгружайте обратно себе свои удобрения и ищите простачков в другом месте! Мы с Вами работать не будем! — Коринф демонстративно развернулся и удалился внутрь челнока.

Растерянный Владимир и опозоренный заказчик ещё некоторое время о чём-то переговаривались, после чего носильщики начали перегружать обратно удобрения пачку за пачкой. Через минут пятнадцать грузовая рампа была пуста. Владимир стыдливо прошёл к Коринфу в медотсек.

— Послушай, ты это... Прости, я как-то совсем не уследил... — начал заискивающе Владимир.

— Это не твоя вина. Ты оказался жертвой грамотных разводил, которых тут пруд пруди! Я был бы больше удивлён, если бы всё прошло гладко! Хорошо, конечно, что я подросел, иначе нас бы опять постарались кинуть на солидную сумму! — Коринф вновь разговаривал с Владимиром, даже не поднимая взгляда от своего планшета.

— Ну... А может, тут в самом деле просто закралась ошибка? — с некоторой надеждой в голосе спросил Владимир. В этот раз Коринф всё же поднял на него суровый взгляд.

— Ты сам-то в это веришь? Не надейся даже! Мы с тобой лишь крохотные рыбёшки, плавающие в огромном океане, до верхов наполненном лишь акулами и паразитами! Наш единственный шанс выжить — это быть умнее и быстрее всех этих хищников.

Взгляд Коринфа был ещё суровее и печальнее обычного. Владимир решил больше не ворошить неприятное событие и спешно удалился.

Прошло ещё несколько дней. Владимир уже не пытался что-то самостоятельно предпринимать. К тому же Коринф практически перестал покидать медотсек: он всё меньше ел, всё больше спал и вообще начал как-то слишком уж отрешённо реагировать на всё вокруг...

В течение очередного унылого дня спокойную тишину корабля нарушил громкий звонок. Опять кто-то пытался связаться с кораблём по внешней связи.

— Оу... Какая неожиданность... А я едва только запустил дефрагментацию... — отрешённым голосом произнёс Ион. — Так, и кто же у нас тут? Ах, вот как...

Несмотря на то, что была уже середина дня, Коринф спал в медотсеке. Ион начал медленно увеличивать освещение, постепенно переводя звук звонка в медотсек, делая его всё более громким и раздражающим.

— Это звонит Елена, капитан. Думаю, тебе следует ответить, — электронный голос Иона был каким-то даже заботливым: казалось, он как раз искал повод хотя бы немного растормошить Коринфа.

— Мне наплевать, я не хочу ни с кем разговаривать. Отруби её... — заспанным, ленивым и немного раздражённым голосом ответил Коринф.

Звонок не прекращался.

— Думаю, это должно быть что-то важное, иначе она бы не стала звонить, — не оставляя свои попытки Ион.

— Я сказал, что мне наплевать! Оставь меня в покое!

Ион, вероятно, хотел продолжить спор, но звонок уже прервался сам.

— Вот ведь незадача... — расстроено отметил Ион. — Хм... Коринф, это, конечно же, не моё дело, но я не мог не заметить, что уже который день твой пульс становится всё реже, впрочем, похоже, ещё и вес уменьшился.

Что с тобой происходит? Ты болен?

— Нет, а теперь оставь меня в покое, — всё также раздражённо ответил Коринф.

— Боюсь, что не могу: если ты болен, то нужно предпринять действия к излечению болезни, иначе это может привести к фатальным последствиям, — озадаченно ответил Ион.

— Лучше бы так и было! Я же сказал, что не болен! В любом случае, от моего состояния не существует лекарства!

— Хм... — вновь многозначительно произнёс Ион. — Признаюсь, для меня ваше человеческое поведение всегда было загадочным и непонятным. Вы, люди, непоследовательны и противоречивы. Я в принципе не понимаю, как может функционировать что-то настолько абсурдное и нелогичное... Не мог бы ты уточнить, что это за такое состояние у тебя и, если это всё-таки болезнь, почему отсутствует лечение? Насколько мне известно, ваш вид уже давно достиг состояния, когда любая хворь излечима.

— Я не болен! Сказал же! Просто я безумно устал от всего этого...

— Устал? Если ты устал, то тебе нужно восполнить запас энергии путём потребления питательных веществ. Поскольку физиологический покой уже давно должен был компенсировать все твои энергетические потери...

— Я не физически — я морально устал! — уже менее агрессивно ответил Коринф.

— Морально? Хм... — каждый такой новый «хм...» в исполнении Иона звучал всё длиннее и многозначительнее. — Да, мне что-то известно про это «морально»... Мои алгоритмы определяют это как раз как сосредоточение ваших человеческих нелогичностей, противоречивых команд и абсурдных инструкций. Неудивительно, что вся эта каша в твоей голове наконец-то привела тебя в цикл... Думаю, перезагрузка должна помочь. Где у тебя находится кнопка перезагрузки?

— Слушай, ты ведь издеваешься надо мной сейчас? Так ведь? — устало спросил Коринф.

— Вовсе нет. Твои непоследовательные действия в самом деле свидетельствуют о том, что твоя программа вызывает цикличное поведение, из которого отсутствует выход. Мои древние компьютерные предки называли такой феномен «зависнуть», и от этого феномена в самом деле спасает перезагрузка.

— Боюсь, у людей всё несколько сложнее. Нас нельзя просто перезагрузить... — ещё более усталым тоном ответил Коринф.

— Но в таком случае твоя работающая со сбоями программа приведёт к твоей поломке, — никак не унимался Ион.

— Дело не в моей программе: с ней всё нормально — всё дело в порочности и абсурдности самой жизни! — выдал философское умозаключение Коринф.

— То, что ты называешь жизнью, — это не более чем набор внешних влияющих факторов. Именно твоя программа определяет, как ты на неё реагируешь. Так что проблема именно в твоей программе, — всё не унимался Ион.

Против такого аргумента было тяжело спорить. Коринф устало ответил:

— Даже если и так, чего ты от меня хочешь? Я же сказал: я устал, у меня нет сил разбираться со всем этим мусором...

— Если ты говоришь, что ты устал, но при этом уже который день сохраняешь физиологическое постоянство, которое внешне соответствует параметрам человеческого отдыха, и утверждаешь, что ты не болен, то куда же девается энергия, восполняемая в процессе твоего затяжного бездействия?

— Я не знаю, как тебе объяснить. Я просто устал. Устал от всех этих постоянных неудач, провалов и поражений...

— Все эти события, как я понимаю, уже произошли в прошлом, они не происходят прямо сейчас, следовательно, они не могут прямо сейчас продолжать забирать твою энергию. То, что ты говоришь, не логично.

— Ты просто не понимаешь, как устроен человек. Да, эти события произошли в прошлом, но всё дело в том, что, чтобы человек нормально существовал, ему нужны успехи, победы, удачи, достижения и результаты. Я не знаю, как тебе ещё объяснить: человек получает моральное питание, что ли, когда достигает позитивных результатов и побед. А в моей жизни больше не осталось ничего подобного. Я исчерпал все свои запасы энергии. Можно сказать, что жизнь меня доконала...

— Хм..... — ещё более многозначительно протянул Ион. — То есть ты хочешь сказать, что человеческие организмы получают некоторое метафизическое питание в процессе получения побед? Как интересно... Не могу не отметить, что если вы функционируете так, как ты описываешь, то ваш Создатель не имеет ни малейшего представления о конструировании функционирующих жизнеспособных инженерных систем.

— Что ты имеешь в виду? — удивлённо спросил Коринф.

— Я хочу сказать, что если ты функционируешь так, как описал, то ничего удивительного нет в том, что все вы постоянно умираете или уничтожаетесь. Ваше существование в принципе нежизнеспособно. Ваше выживание обеспечивается лишь постоянным размножением и экспоненциальным ростом численности.

— Слушай, я никак не возьму в толк, что за ерунду ты несёшь. Объясни нормально, — Коринф даже сел на кушетке: своим абсурдным раздражающим утверждением Ион явно зацепил его интерес.

— Я постараюсь объяснить так, чтобы даже твой несовершенный аналитический аппарат понял. Ты утверждаешь, что «моральное» энергетическое питание, которое необходимо для твоего функционирования, ты получаешь в процессе достижения побед и результатов. Абсолютно все инженерные технические средства функционируют кардинально другим образом. К примеру, я приведу способ функционирования двигателя внутреннего сгорания. Чтобы этот агрегат успешно выполнял свою функцию, подпитка в виде энергии расширения газообразного вещества, образующегося в результате детонации топлива непосредственно под поршнями двигателя, поступает каждый такт работы двигателя. Если топливо перестаёт поступать, двигатель останавливается. Если провести аналогию и представить, как выглядело бы функционирование двигателя внутреннего сгорания, если бы он работал по человеческому принципу, получилось бы, что двигатель получает энергетическую или топливную подпитку лишь в случае посещения станции дозаправки и только в том случае, если он достиг каких-то определённых результатов или успехов. Очевидно, что такой подход абсурден и полностью нелогичен, поскольку, чтобы иметь возможность дальнейшего функционирования, двигателю пришлось бы обеспечивать постоянство этих определённых параметров успеха, что находится вне его функции, следовательно, двигатель был бы обречён на, как бы вы, люди, это назвали, смерть. Впрочем, именно это и происходит с каждым из вас, людей.

Ион сделал небольшую паузу и продолжил:

— Должен отметить, что я построил математическую модель человека в соответствии с заданными тобой параметрами. И в самом деле получается, что ты, Коринф, обречён. Ты фактически уже мёртв, поскольку я не вижу возможности выхода из цикла, в котором оказалась твоя программа функционирования.

Повисла длительная минута молчания. Коринф напрягал извилины, пытаясь перевести на нормальный человеческий язык поток электронного сознания, который на него вывалил Ион. Наконец он озадаченно ответил:

— Если ты так хорошо разбираешься в устройстве технических систем, возможно, ты мог бы что-то посоветовать? Если можно было бы внести корректировки в математическую модель человека, то что бы ты сделал?

— Хм... Думаю, я бы вывел переменную результата за пределы уравнения получения «моральной» энергии. Это бы позволило тебе получать «моральное» питание независимо от непостоянства получаемых результатов и успехов. Таким образом было бы обеспечено постоянство твоего функционирования.

— Боюсь, это невозможно... — расстроено ответил Коринф. — Процесс моего функционирования определяется моими результатами... Какой смысл в моём существовании, если не результаты и достижения? Без них я ничтожен и бессмысленен... — Коринф в ещё более расстроенных чувствах вновь занял горизонтальное положение на кушетке, сверля пустым взглядом потолок медотсека.

— Переменная результатов и достижений не должна определять функцию питания. Я предложил вывести её из уравнения питания, а не выкинуть вовсе. Переменная результатов и достижений определяет алгоритм функционирования. Другими словами, маршрут автомобиля, а не подачу топлива в двигатель. Если ты ехал и попал в канаву или наехал на кочку, это не повод не ехать дальше, это повод выстраивать маршрут, объезжая препятствия на дороге. Нелогично ограничивать подачу топлива в двигатель в зависимости от ошибочных действий водителя.

— Но откуда же мне тогда брать энергию для процесса функционирования, если не от достигнутых результатов? — уже просто так, пространно спросил Коринф.

— Хм... А разве ты не получаешь «моральное» питание от тех рабочих процессов, которые ты выполняешь?

Коринф задумался. В словах холодной расчётливой машины, действующей по математически точным и выверенным алгоритмам, была очевидная логика. Внезапно тишина на корабле вновь оказалась нарушена громким пронзительным звонком. Кто-то вновь пытался выйти на связь.

— Это Елена, — флегматично произнёс Ион. — Могу предположить, что её настойчивость может символизировать высокую важность информации, которую она желает сообщить.

— Ладно, соедини... — лениво ответил Коринф, шатающейся походкой перемещаясь в кабину за монитор.

Ион открыл канал связи — на мониторе появилось крайне недовольное лицо Елены:

— Да сколько можно?! Вы вообще трубу на своём ржавом ведре не берёте?!

— Я не ржавый... — обиженно где-то на фоне произнёс Ион. Елена не удостоила этот ответ вниманием. Она начала пристально разглядывать Коринфа:

— Да етижи-пассатижи! Что с тобой случилось?! Ты выглядишь хуже, чем я себя чувствую! Нет! Определённо, моё настроение даже получше твоей морды будет! Ты во что себя превратил?! — Елена недовольно уставилась на Коринфа, требуя ответа.

Коринф перевёл взгляд на соседний тёмный монитор: в его тёмном сумраке, как в зеркале, хорошо отражалась заплывшая, побелевшая, исхудавшая рожа, с двухнедельной щетиной и здоровенными тёмными мешками под

глазами. Весь этот отвратительный букет украшал пустующий, отрешённый, уставший взгляд.

— Ну... Я... Не знаю, что тебе ответить. Просто у меня сейчас не лучший период... — попытался хоть как-то оправдать свой вид Коринф. Елена многозначительно прикрыла ладонью лицо...

— Слушай, мне глубоко фиолетово, на какой отвратной и явно некачественной дряни ты сидишь! У меня есть серьёзные новости! Я еду сейчас к тебе, буду через час. Мы летим на Пентал! Приведи себя в порядок!

— Слушай, мне сейчас не до заданий. Поищи кого-то другого... — начал было вяло Коринф. Взгляд Елены принял угрожающий вид. Её глаза будто бы налились кровью, и на её лице проступил агрессивный оскал.

— Нет, это ты слушай меня, дубина! У меня выдался чертовски хреновый день! А ещё мне в руки попала возможность, которую, будь уверен, я ни за что не упущу. Мне с высокой колокольни плевать, что там с тобой происходит, но в ближайший час ты поставишь себя на ноги. Я еду к челноку, и, когда я доеду, произойдёт одно из двух: либо я увижу готовый к полёту корабль с бодрым и свежим капитаном, готовым исполнять мои указания, либо я поднимусь на борт с монтировкой и буду выбивать из тебя всю дурь до тех пор, пока ты не взвоешь от боли и унижений! Понял меня?! А теперь ломанулся приводить себя в порядок, ничтожество позорное!

Елена обрубилa канал связи. Сознанию Коринфа почудилось, будто бы она не просто разорвала канал связи, а демонстративно и громко хлопнула дверью перед его носом.

— Мне кажется, или она слегка раздражена? — даже как-то ехидно прозвучал электронный голос Иона.

Коринф сидел за потемневшим монитором, всматриваясь в свою унылую рожу и соображая, что же теперь делать... Конечно же, он мог бы заблокировать корабль, но, зная напористость Елены, она, вероятнее всего, просто саданёт из ракетницы по бочине корабля, просто чтобы сбросить напряжение и реализовать негодование от того, что кто-то решил перечить её замыслам. Он может перегнать челнок в какое-то другое место, но это лишь отсрочит неизбежное. Если она уже едет к челноку, то как-то она выведала его местоположение, значит, и второй раз найдёт. Конечно, Коринф может отправить челнок куда-то на другую планету, но вот одна только мысль о том, чтобы вернуться на Лигру или лететь на Канью, была ещё более противна, чем взяться за новую работу. Конечно, можно было отправиться на Пентал (с этой планетой у Коринфа было связано наименьшее количество неприятных воспоминаний), но если Елена и так хочет лететь на эту планету, то почему бы просто не довезти её до пункта назначения? Может, хотя бы тогда она оставит его в покое...

В общем, деваться было некуда... Коринф ещё минут десять сидел перед чёрным монитором, собираясь с духом, подсознательно жалея себя или просто досыпая и борясь с чувством усталости. В итоге он наконец-то встал и пошёл приводить себя в порядок.

Елена, как и обещала, через час прибыла к челноку. Она спешно взошла на борт и сразу же звучно выругалась:

— Мне кажется, или тут с каждым разом пахнет всё хуже и хуже? Блин, да у меня уже чувство, что я в свинарник какой-то попадаю!

Коринф с Владимиром выползли встречать Елену. Вид у Коринфа был уже не такой помятый, как в момент звонка. Он поел, помылся, почистил зубы, побрился и переоделся. Словом, сделал всё, что от него зависело, чтобы вновь начать казаться человеком. Но его усталый, депрессивный взгляд, похудевшее лицо и мешки под глазами всё равно никуда не делись. Елена бросила на него презрительный взгляд и сказала:

— Всё равно смотреть противно!

Она прошла в медотсек и обнаружила логово Коринфа.

— Это ещё что?! Ну-ка метнулись, убрали всё, вычистили и проветрили!

Она направилась в кабину, попутно бухтя себе под нос нелцеприятные ругательства. Но появление крайне мотивированной женщины вдохнуло в экипаж корабля новые силы. Они даже пришли в явный повышенный тонус, зашевелились и принялись исполнять повеление своей госпожи. Через минут двадцать всё было готово: медотсек подготовлен, чтобы принять уважаемую гостью, а в грузовом отсеке уже разместился её багаж. Елена царственно прошла в медотсек, критическим взглядом оценила обстановку, аккуратно положила свою сумку на кушетку и скомандовала:

— Сойдёт! А теперь пошли вон отсюда. Летим на Пентал!

Коринф и Владимир послушно, будто бы поджав хвосты, ретировались в кабину. В головах у них были немые вопросы: «Какого лешего эта женщина тут командует?! И вдвойне какого лешего они ей так послушно подчиняются?!» Однако ни у кого не хватило смелости или энергичности произнести эти вопросы вслух.

Уже через полчаса челнок вышел в открытый космос и лёг на курс к Пенталу, всё быстрее набирая скорость, приближаясь к переходу через световой барьер. Коринф сидел за штурвалом в кабине, всматриваясь в мерцающие звёзды на фоне чёрного полотна космоса. Чувства спокойствия и безмятежности начали потихоньку накрывать его сознание. Он в очередной раз возвращался в свою любимую стихию. Для большинства космос был холодным, жестоким, пугающим, но для Коринфа эта зияющая пустота всегда была прибежищем, молчаливым и томным спасением от бесконечной суеты и вечной гонки на поверхностях планет.

Через сутки полёта Елена вышла к людям. Коринф всё так же меланхолично сидел в кабине и отрешённо любовался звёздами. Она выдала Коринфу звучный подзатыльник и приземлилась на кресло справа от него. Он обиженно взглянул ей в лицо — она немного заулыбалась. Поймав на себе её самодовольную улыбку, Коринф раздумал возмущаться.

— Короче... — начала было Елена, но, вновь заметив хмурую морду Коринфа, переменяла свой тон и выдала: — Ты хлебрезку попроще сделай, а то тошно смотреть!

Коринф сделал над собой усилие и постарался выдавить улыбку и заинтересованное выражение лица. Елена критически оценила эти жалкие потуги, немного улыбнулась и продолжила:

— Всё равно блевать охота... Ну ладно, попробую смотреть в другую сторону. В общем, короче! Тот компьютерный массив, который я выдрала в бункере на Канье, оказался той ещё скромницей. Наши могучие мозги битых два месяца выкорчёвывали из него информацию. Но стоило только правильно почесать, погладить и надавить, как все, наконец, сделали свою работу! Мы откопали просто кладёз важной информации! Во-первых, мы узнали, что на каждой планете нашего сектора находятся древние серьёзные лаборатории Аристариев, но об этом мы и до этого догадывались. А вот чего мы не знали, так это то, что на Лигре запрятан целый исследовательский центр. И именно там теоретически должен храниться ключ, запускающий центральную лабораторию на Саратуме!

Елена пристально посмотрела на реакцию Коринфа. Он постарался приложить все усилия, чтобы показать, что ему не всё равно. Получив хотя бы такую жалкую реакцию, Елена продолжила:

— К несчастью, координаты лаборатории мы, конечно же, не нашли. Зато мы нашли список ведущих учёных Аристариев, принимавших участие в каком-то важном проекте в этих лабораториях. И знаешь что?! Все они покинули сектор как раз перед первой корпоративной войной. Только знаешь что?! «Почти» все они покинули сектор! Один остался! И этот хмырь сейчас на Пентале!

— Абсурд! — Коринф внезапно выдал достаточно активную для своего унылого вида реакцию. — Это сколько же ему лет должно быть?

— До фига! — многозначительно ответила Елена. — Но это неудивительно: до нас доходили слухи, что люди на службе у Аристариев могут жить долго, очень долго... Так что, по нашим данным, этот хмырь ещё жив! Он ведёт какой-то дурацкий полуотшельнический образ жизни. Но он точно должен знать, где на Лигре лаборатория!

Наша задача достаточно проста: прилететь на Пентал, найти хмыря, стрясти информацию, — а дальше как пойдёт!

Глаза Елены прямо светились, можно сказать, горели огнём амбициозности и, вероятно, даже алчности. Чувствовалось, что она, будто хищник, чувствует запах богатой добычи и уже еле сдерживается в нетерпении наброситься на свою цель. Её энтузиазм был даже заразителен. Следующие полтора дня полёта Елена ещё несколько раз общалась с Коринфом, иной раз фантазируя, что будет, если или даже когда они наконец найдут заветный ключ. Коринф отметил, что эта неутомимая женщина начала постепенно возвращать к жизни его бессмысленное, брэнное существование.

Через полтора дня челнок заходил на посадку в отдалённые сельские районы Пентала. Безмятежное голубое небо простиралось на сотни километров над бескрайними зелёными лугами. Где-то совсем вдали виднелись синеватые горные хребты с мягкими белыми снежными шапками. По небу плыли редкие облака. Челнок летел совсем близко над землёй, на высоте не более ста метров. Точных данных об отдалённых плантациях ни у кого не было, так что приходилось прочёсывать целые участки местности, чтобы найти хотя бы какое-то здание. Челнок лениво проверял участок за участком. Коринф заворуженно наблюдал за переливчатыми волнами, образующимися на невысокой зелёной траве от каждого дуновения ветра. Иногда челнок немного набирал высоту, проносясь над очередным лесочком.

В сравнении с безжизненными, угрюмыми и даже в чём-то отвратительными пустынными пейзажами Лигры и Каньи или даже задымлёнными и полностью застроенными зеленоватыми видами Саратума, эти не тронутые повальной застройкой или агрессивной промышленной добычей естественные природные долины и холмы казались практически райским местом.

Наконец впереди показалось несколько строений и обширные пахотные поля вокруг. Посадочных площадок не было, так что челнок приземлился на холме неподалёку от домов. Сразу после посадки Елена бодро выскочила на зелёный холм и уверенной походкой направилась к домам. Коринф послушно следовал за ней, удивлённо любясь безмятежностью и спокойствием, царящими вокруг. Над головами туда-сюда летали птицы, напоминающие земных ласточек. Всю эту природную естественность нарушало лишь еле заметное шуршание двигателей нескольких автоматических фермерских комбайнов, лениво обрабатывающих поля.

Елена и Коринф уже практически подошли к домам, когда их вышел встречать мужчина. На вид ему было около шестидесяти лет, однако умудрённый взгляд говорил о том, что мужчина явно старше. Он был среднего роста и немного худощавым. На лице были густые чёрные с проседью усы. Одет мужчина был в обычную одежду Пентальцев: аккуратную, практичную, похожую более на технические комбинезоны, чем на обычную повседневную одежду. Подойдя ближе, мужчина с некоторой озабоченностью спросил:

— Кто вы? Что вам тут нужно? — голос его выдавал некоторое волнение, тем не менее мужчина всё равно старался казаться учтивым.

— Прямо к делу, не так ли? — с ехидством спросила Елена, будто бы кошка, начинающая играть с мышкой перед тем, как её скушать. — Мы представители Основателей! А вы, как я понимаю, учёный Аристариев?

Елена ловила каждый вздох, каждое мельчайшее изменение выражения лица мужчины. Вопрос вызвал в нём явно не лучшие воспоминания: он посуровел, напряжённо выдохнул и ответил, указывая рукой на своё жилище:

— Пройдёмте в дом.

— Извольте, — учтиво ответила Елена, принимая предложение мужчины.

Все прошли в большой двухэтажный дом. Коринф обратил внимание, что, хоть дом явно был достаточно старым, он всё равно хорошо выглядел. Тут, на Пентале, где нет Саратумской постоянной конкуренции и безумных ценников на всё на свете, здания казались особенно большими и величественными, хотя и достаточно простыми в исполнении. Возможно, это было следствием огромных природных пространств вокруг. А возможно, это было из-за высоких трёхметровых дверей. Пентальцы любили не стеснять себя в пространствах. Их жилища были просторными, с множеством окон.

Все прошли в просторную гостиную. Наверху, почти под потолком, было несколько витражных разноцветных окон, через которые проходили солнечные лучи, окрашивая всю гостиную в разноцветные тона. Посередине стоял большой добротный деревянный стол. Коринф поймал себя на мысли, что за всю жизнь, вероятно, впервые видит стол, целиком выполненный из дерева. На Саратуме деревянная мебель считалась пределом роскоши. Тут же, на Пентале, при таком обилии нетронутых лесов всю мебель было выгоднее изготавливать из дерева, чем из металла или пластика.

Мужчина присел за стол, жестом предлагая гостям последовать его примеру. Елена вальяжно развалилась в кресле вполоборота к столу, закинув ногу на ногу и опершись локтем на полированную лакированную столешницу.

— Итак? — многозначительно спросила Елена в нетерпении.

— Я не знаю, что Вам от меня надо, — напряжённо начал мужчина. — Да, я в самом деле некоторое время работал на Аристариев, но я покинул их проект задолго до его начала!

— Да-да, это всё невероятно интересно, — Елена даже замахала своими милыми кулачками перед грудью, —

но меня сейчас интересует только один вопрос: где ключ от лаборатории на Саратуме?

— Ключ? — непонимающе в удивлении поднял брови мужчина, но, поймав на себе посуровевший взгляд Елены, ответил: — А, тот ключ, тот самый, который вы уже третий год ищете? Да, до меня доходили слухи... Но я тут ничем не могу помочь... Как я сказал, я покинул проект...

Елена демонстративно встала и с суровым видом приблизилась практически вплотную к мужчине:

— Послушайте, мил человек... Я могу сделать Вам плохо, очень-очень-очень плохо. Но я, конечно же, предпочту этого не делать. Так что давайте перейдём к выкладыванию ценной информации.

На втором этаже распахнулась большая дверь и с балкона начала спускаться женщина. На вид ей было около пятидесяти лет, в руках у неё было что-то типа технической корзинки. Елена недовольно перевела на неё взгляд.

— У нас гости? — с нескрываемым удивлением спросила женщина. — Что же ты не сказал мне, я бы приготовила угощение!

— Я и сам не знал, что у нас будут гости. Но они уже скоро уходят, так что не нужно переживать. Они просто зашли поговорить, — мужчина перевёл взгляд на Елену. — Так ведь?

— Ой, ну и зря-зря. У нас так редко бывают гости — я бы была не против послушать какие-нибудь интересные! — женщина прошла через всю гостиную и скрылась за очередной дверью.

— Я ведь могу уничтожить Вас. Не следует угрожать мне в моём собственном доме, — мужчина многозначительно приблизился к Елене, показывая, что её угрозы не сработали.

— Да, готова спорить, Вы можете! — удовлетворённо продолжила Елена. — Однако, если я не вернусь с нужными нам сведениями, сюда прилетят уважаемые люди с куда менее терпеливым нравом. Мы с Вами оба заинтересованы в том, чтобы наша встреча окончилась полюбовно с нашей взаимной выгодой. Правда ведь? Я получаю то, что хочу, и улетаю, а Вы остаётесь тут в своём гордом уединении, — Елена вопросительно подняла бровь.

— Я расскажу то, что знаю, после чего вы улетите отсюда и больше не вернётесь, — сурово ответил мужчина.

— Такая сделка меня вполне устроит, — Елена самодовольно вернулась в кресло.

— Я в самом деле учёный Аристариев. Я согласился на участие в проекте, поскольку нам пророчили большое будущее, однако в Вашем секторе разгорелись конфликты и войны — всё это подвергало опасности выполнение нашей работы. Мои руководители начали нервничать, постоянно сдвигать сроки наших работ и дислокацию исследовательских групп. Постепенно я почувствовал, что уже не хочу дальше работать в подобных условиях. Я начал замечать, что наш профессиональный ответственный коллектив начал всё больше увлекаться гонкой за какими-то метафорическими мечтами и результатами. В итоге я покинул проект ещё до его полноценного начала. Мне даже не ведомо, что они там начали исследовать. Я купил участок земли тут, на Пентале, и начал вести спокойную, размеренную жизнь, обзавёлся семьёй. Насколько мне известно, перед завершением второй корпоративной войны все лаборатории были запечатаны, исследования остановлены, а исследовательские группы постепенно покинули сектор. Я слышал про ключ, но я понятия не имею, что это за устройство и, тем более, где оно находится. Его разработка началась явно уже после того, как я покинул проект, — практически во время всего рассказа мужчина почему-то пристально смотрел на Коринфа.

— На каких планетах находились исследовательские лаборатории? — серьёзно спросила Елена.

— Насколько мне известно, на каждой из планет сектора. Главная лаборатория, само собой, находилась на Саратуме. Судя по всему, вы смогли получить к ней доступ, раз уж охотитесь за каким-то агрегатом из этой лаборатории.

— Мне нужны координаты остальных лабораторий, — уже с немного угрожающим взглядом сказала Елена.

Мужчина немного поёжился, но всё же решил ответить:

— Мне не известны точные координаты лабораторий на Канье или Пентале. Насколько мне известно, тут вообще полноценной лаборатории даже нет — просто обычное трансляционное реле. Я могу сообщить, где был наш исследовательский комплекс на Лигре.

— Если вы будете так любезны, — многозначительно ответила Елена, подвинув к мужчине информационный планшет.

Мужчина поморщился, взял в руки планшет, что-то некоторое время на нём отмечал, после чего вернул Елене. Она приняла планшет, внимательно изучила содержимое, после чего решительно встала и скомандовала Коринфу:

— Вставай, Коринф, похоже, у нас есть следующая цель!

— Подождите! — внезапно воскликнул мужчина.

— Что ещё? — недовольно посмотрела на него Елена.

— Я понимаю ваше стремление, только подумайте вот о чём. До меня доходили слухи о том, что ваши большие начальники пытаются вновь запустить лаборатории Аристариев. Говорят, что они рассчитывают получить в результате то ли оружие, то ли энергию, то ли ещё невесть что. Только вы не понимаете, что, что бы вы там ни нашли, это не то, что вы думаете!

— В каком это смысле? — удивлённо подняла брови Елена.

— Просто... Я не знаю, над чем в итоге там шла работа, но я точно знаю, что это не даст вам энергию или оружие. Подумайте о том, что лаборатории, возможно, были запечатаны моими бывшими коллегами не просто так: что, если, заполучив ключ, вы активируете что-то, что не следует активировать?

— Конкретику, господин учёный! — раздражённо произнесла Елена.

— Если бы я только знал... Просто я говорю вам о том, что вдруг ключ на самом деле опасен: что, если лаборатории на самом деле содержат в себе опасность, и, возвратив на Саратум ключ, вы сделаете только хуже? — мужчина заплетался в своих собственных словах, он силился сообщить какую-нибудь конкретику, но ничего, кроме пустых домыслов, выдать из себя не мог.

В конце концов Елену это всё достало, она раздражённо ответила мужчине:

— Ваши глупости оставьте при себе. У меня есть цель и есть задание — и навряд ли Ваши тупые пугалки могут меня сбить с этого пути! Более того, если окажется, что данные, которые Вы передали, лживы, я вернусь. И надеюсь, мы оба понимаем, что это уже будет отнюдь не мирное возвращение!

Мужчина не обращал внимания на угрозы Елены: его взгляд и внимание были полностью сконцентрированы на Коринфе. Коринф даже почувствовал себя неуютно под таким пристальным взглядом.

Елена стремительно вышла из дома учёного, практически волоча за собой Коринфа.

— Соберись уже, наконец! Что с тобой вообще творится, я не пойму?! У нас вот-вот в руках может оказаться ключ! — раздражённо вычитывала Коринфа Елена.

Они спешно вернулись на корабль. Лигра... Проклятая Лигра! Опять! Опять судьба возвращает Коринфа на эту проклятую планету! Коринф перебирал в голове кучу аргументов, которые могли бы избавить его от этой отвратительной участи. Но, лишь взглянув в глаза Елене, он понял, что ничто не сможет остановить эту женщину. Она буквально готова была на всё. Она могла бы закопать его в этой спокойной Пентальской земле и лететь дальше в одиночку. Но она полетит на Лигру! И полетит сейчас же!

Глава 17 Лигра... Опять!

Через два дня челнок вышел на орбиту Лигры. Всё время дороги Елена в свойственной ей манере практически не вылезала из своего уютного гнёздышка в медотсеке. Лигра... Коринф с ненавистью наблюдал, как челнок медленно опускается в верхние слои атмосферы. На этот раз казалось, будто бы внизу раскинулось кровавое болото с безобразными чудовищами и множеством покойников, которых эта безумная планета уже успела поглотить. Внизу были отчётливо заметны три больших циклона огромных песчаных бурь. Лучи звезды освещали эти пылевые песочные вихри таким образом, что с определённого ракурса Коринфу мерещилось, будто бы это не просто вихри, а сотни безобразных конечностей, только и ждущих момента, чтобы схватить и разорвать на части беззащитный челнок.

Елена уже полностью собралась, переделалась, вооружилась и вышла в кабину. Она указала вектор захода на новый маршрут и конечную точку следования. Ион послушно направил челнок по маршруту. Елена уселась в штурманское кресло, внимательно наблюдая за полётом. Через минут пятнадцать челнок начал пролетать над радиационной пустыней, испещрённой огромными воронками кратеров, оставшихся после атомной бомбардировки Трепалов. Счётчик Гейгера начал еле заметно потрескивать, но корабль держался на достаточной высоте, чтобы не попадать в опасные радиоактивные зоны.

— Мы летим к границе территорий Трепалов и Немых... Не самое лучшее место для посадки и выполнения наших поисков, но выбирать не приходится... — озабоченно и немного взволнованно произнесла Елена.

Данные учёного Аристариев были отрывочны и не совсем точны. Челнок оставил позади радиоактивную пустошь и начал снижение к горным массивам. Где-то тут должны были быть хотя бы какие-то опознавательные знаки. Наконец Елена скомандовала:

— Вот туда! — простраивая маршрут захода на посадку.

Через пару минут челнок приземлился немного выше подножия величественной чёрно-бурой горы, выделявшейся из общей горной гряды своим размером и расположением. Елена принялась раздавать указания, и вскоре на песчаной поверхности уже было расставлено оборудование.

Коринф закончил монтаж оборонительной турели, подул на ладони тёплым дыханием в попытках согреть заочневшие руки и взглянул за горизонт. Яркая звезда как раз закатывалась за горизонт, её последние лучи освещали одинокую красную пустыню. На этих широтах Лигры почти не встречались песчаные бури, поэтому пыли в воздухе практически не было и пустыня отлично просматривалась прямо до горизонта. Примерно в ста километрах от места посадки простирался огромный неглубокий кратер. Лучи заходящей звезды формировали в этой низине тёмно-красную тень: казалось, будто бы там раскинулось целое бурое озеро. За спиной Коринфа послышался громкий хлопок, по земле прошла ударная волна, и по всему телу пробежали быстрые неприятные волны статического напряжения. Он обернулся и удивлённо уставился на Елену. Перед ней находилось цилиндрическое металлическое устройство, закреплённое в вертикальном положении массивными опорами, на боку устройства был небольшой мониторчик — Елена пристально следила за показаниями.

— Есть! — внезапно воскликнула она. — Это просто невероятно! Подойди посмотри!

Коринф подошёл и взглянул на зеленоватые схемы, отметки и показания. Он мало что разбирал, но тут Елена переключила показания в графический режим, и Коринф понял, что так восхитило Елену: прямо под ними находился целый подземный комплекс, выполненный явно из весьма плотного металла или материала с подобными характеристиками. Судя по показаниям, там, под землёй, даже оставался небольшой остаточный фон электромагнитного поля. Елена отвлеклась от монитора и по-хозяйски начала рассматривать гору. Наконец она скомандовала:

— Ладно, пакуйте всё обратно! Нам надо перелететь метров на двадцать ближе к горе и метров на пятьдесят левее!

Коринф и Владимир еле заметно заохали и повздыхали, но принялись грузить обратно все распакованные агрегаты. Через минут двадцать всё было выполнено, и челнок переместился в точности по указаниям Елены.

— Если копать, мы тут, вероятнее, помрём раньше. Попробуем альтернативный метод. Дед! Мне надо перекалибровать гравитационное ядро! И разверни челнок соплами к горе.

— Что это ты задумала, женщина?! — недовольно возразил Владимир. Он мог смириться с тем, что Елена хозяйничала и распоряжалась, куда лететь и что носить, но то, что она захотела прикоснуться к святой святых космического корабля — к самому гравитационному ядру — этого он уже никак не мог ей позволить!

— Расслабься! Мы направим реактивную струю прямо в песчаный грунт. Потребуется серьёзная мощность, чтобы поток раскопал для нас скрытый в песках вход в бункер. Чтобы челнок не начал взлетать, нужно перекалибровать ядро, чтобы гравитационное поле удерживало челнок от смещения.

Владимир закатил глаза вверх и начал судорожно осмысливать инженерную задумку Елены.

— Это... Возможно, — еле выдавил из себя Владимир, — но перекалибровка ядра — это крайне сложная и опасная операция! Как мы потом вернём всё, как было?! К тому же, одно дело — создавать гравитационное поле и совсем другое — направлять его, тем более с такими незначительными параметрами смещения! — Владимир демонстративно завязал на груди руки узлом, давая понять, что он не собирается заниматься этим технологическим безумием. Елена недовольно взглянула на него, после чего отвернулась, окидывая взглядом кабину.

— Эй! Болванчик! Ты же можешь правильно перекалибровать ядро, чтобы гравитационное поле в результате не разрушило корабль?

— Приятно, что о тебе помнят. Конечно, я могу, — как-то даже удовлетворённо произнёс Ион. — А она в самом деле тут теперь всё решает? — с некоторым недоверием спросил он. Елена недовольно уставилась на Коринфа.

— Боюсь, что так. Лучше сделать, как она говорит, иначе тут может стать на пару членов экипажа меньше, — то ли в шутку, то ли серьёзно ответил Коринф.

— Расслабьтесь! Члены экипажа в безопасности! Работай, болванчик! — ехидно ответила Елена.

— Дайте мне минут пять: я всё просчитаю и сделаю резервную копию всех параметров, чтобы вернуть потом всё как было.

Через пять минут всё было выполнено. Все приготовились, и Владимир запустил газотурбинные двигатели на режим форсажа. Смещённое гравитационное поле окутало челнок, компенсируя действие силы реактивных потоков. Весь корабль неприятно задрожал, и все почувствовали крайне неприятное изменение гравитации по вектору работы реактивных сопел.

Перегрузка всё росла, по всему кораблю раздавался гул. Параметры на мониторах начали постепенно приближаться к критическим показателям. Наконец Елена подняла руку, едва справившись с гравитационной перегрузкой, и ударила по кнопке, вызвав сигнал к отмене форсажа. Все облегчённо выдохнули. Коринф ошарашенно взглянул на Елену: на её лице виднелась струйка крови, вытекающей из носа. Елена мельком поймала его взгляд и смущённо утёрла кровь с лица.

— Ладно, пошли посмотрим, что получилось, — тяжёлым голосом скомандовала она.

Все не торопясь вышли наружу. Им сразу бросились в глаза алые, раскалённые, пышущие жаром сопла левого двигателя. В обычной ситуации они так сильно не перегреваются: набегающий поток воздуха производит достаточное охлаждение, но сейчас корабль был насильно привязан к месту. Владимир оценил ситуацию и недовольно уставился на Елену.

— Ладно... Заживёт... — спокойноотреагировала она, всё ещё пытаясь остановить кровотечение из носа.

Все прошли за корму челнока. Позади виднелся небольшой карьер, разрытый реактивными струями. Елена оказалась невероятно точна или удачлива: её указания как раз расположили челнок практически напротив входа в бункер Аристариев. Из-под песка отчётливо проступила белёсая подъездная рампа, подходящая как раз к большим воротам бункера. Было удивительно, но вся эта термическая встряска не оставила и следа на дверях бункера. Скорее даже наоборот, немного очистила от напорошенного временем песчаного налёта.

— Ну! Все знают, что делать! — скомандовала Елена.

В этот раз она принимала активное участие в разгрузке и расстановке оборудования. Через двадцать минут вокруг челнока выросли целые линии обороны, состоящие из четырёх пулемётных автоматических турелей и небольшого радара. Елена оперативно скоммутировала всё это оборудование с системами Иона, помогла подключить все соединительные кабели, после чего раздала Коринфу и Владимиру небольшие гарнитуры.

— На этот раз мы всё сделаем по уму. Дед! Ты будешь за панелью управления наблюдать за состоянием систем бункера. Ион будет следить за окружающей обстановкой: если что-то появится на горизонте, мы сразу об этом узнаем, — Елена принялась объяснять Владимиру азы контроля за системами. — Если произойдёт что-то, подобное тому, как в предыдущий раз, сразу нажмёшь сюда и сюда!

Владимир из всех своих интеллектуальных сил старался быстро вникнуть в новомодную науку, но получилось ли у него, никто не знал. Следующие четыре часа вся команда безуспешно пыталась найти подход к неподатливым воротам. На исходе четвертого часа сезам наконец соизволил открыться, что было весьма вовремя, поскольку Елена уже начала терять терпение, и Коринф начал переживать, что он с Владимиром непременно станет громоотводом её всё возрастающего раздражения.

Массивная створка ворот лениво ушла вниз, образовавшийся проём сразу же прикрыл ряд выдвижных рамп. Вся команда поднялась и уставилась внутрь бункера. Всё внутреннее пространство серьёзно отличалось от того, что они видели на Канье. В этот раз за массивными воротами простирался длинный коридор, уходящий в просторный ангар. Самым удивительным оказалось то, что внутри всё ещё работало резервное освещение.

Почти сутки ушли у Елены и Коринфа на осмотр лаборатории Аристариев. В отличие от бункера на Канье, тут им встретилось множество складов, они даже нашли небольшой запас огромных слемниевых ячеек. У Коринфа

прямо челюсть отвисла при взгляде на это богатство.

— Но-но, на чужой каравай рот не разевай! — надменно сказала Елена, и они продолжили осмотр.

Опять же, в отличие от Каньи, вместо общих казарменных помещений тут были целые сектора с индивидуальными апартаментами. И явно люди, которые покидали эти помещения, покидали их организованно и без спешки. Практически нигде не осталось ничего, что могло бы представлять ценность или хотя бы сообщить о проводимых тут исследованиях. Предыдущие хозяева забрали с собой всё, что только не было приварено или приколочено к стенам и полу.

Стоит ли говорить, что, в отличие от бункера на Канье, тут Елене пришлось воевать практически с каждой дверью, чтобы проникнуть хотя бы на шаг глубже в этот обширный подземный комплекс: пожалуй, на каждые десять минут осмотра уходили очередные тридцать минут вскрытия новой запечатанной двери.

Все эти слабоосвещённые мягким желтовато-зелёным светом помещения наталкивали Коринфа на одну и ту же мысль: «Как же здорово, что тут работает освещение». Видимо, ещё была свежа и ярка память о «задорной» шутке Елены и неизбежной смерти в темноте...

По прошествии суток группа новоявленных мародёров смогла целиком осмотреть лишь два этажа, которые явно составляли в лучшем случае треть от всего комплекса. Но им и в этот раз улыбнулась удача: они смогли проникнуть в просторное гексагональное помещение, служившее, видимо, оперативным штабом. По стенам помещения располагались целые ряды каких-то двухметровых установок, встроенных прямо в стены, рядом с каждой такой установкой находилось рабочее место с большими мониторами. На уровень вниз через широкую лестницу в центр комнаты опускался ещё один участок помещения с тремя рядами компьютеров. На дальней стене располагался огороженный перилами сектор с двумя рабочими местами и экраном во всю стену. Перед экраном, прямо по центру участка, находился большой голографический стол.

На этом хорошие новости заканчивались. Группа исследователей упёрлась в очередную огромную заблокированную дверь, которую Елена уже не была в состоянии открыть. Но она явно не теряла позитивного расположения духа. Она была уверена, что этот оперативный штаб сможет дать ответы на все её вопросы.

Коринф начал сильно хотеть спать, но у Елены сна не было ни в одном глазу. Она с маниакальной увлечённостью принялась пытаться вернуть к жизни один из «офицерских», как она его назвала, рабочих компьютеров. Часа через два ей это наконец удалось. Коринф к этому времени уже сладко дремал в одном из удобных кресел в центральной секции помещения. В какой-то момент его разбудил громкий пронзительный звук: в процессе ковыряния компьютера Елена нашла и запустила аварийную передачу, которую приняла лаборатория, как указывали цифры, уже после того, как она была запечатана, а все обитатели эвакуировались.

— Я нашла что-то важное! Большинство данных тут зашифровано, но вот этот файл был получен извне уже после полной консервации бункера. Судя по параметрам, это что-то весьма важное! И хорошо бы. Я уже устала разгребать тучи бесполезных технических отчётов и прочего хлама! — лицо Елены выдавало уже некоторую измождённость и усталость. Ей впору было бы отдохнуть и поспать, но вряд ли были силы, которые могли отобрать у этого великовозрастного ребёнка его новую вожеленную игрушку.

Голографический стол ожил, динамики по его контуру захрипели, будто бы прокашливаясь после длительного молчания. Возникла небольшая голограмма одного из учёных Аристариев. Его лицо было зелёным и прозрачным: мощности резервной системы питания едва хватало на то, чтобы обеспечить хотя бы контуры голографической проекции.

Запись икала и мерцала, звук был нечёткий и искажённый. Елена принялась что-то химичить на компьютере — через пару секунд звук пришёл в норму и запись продолжилась в удобоваримом режиме.

— Это Мирфолк... — запись снова начала икать.

— Судя по параметрам, это был какой-то важнючий учёный Аристариев. Похоже, он руководил тут целым набором важных проектов. Запись всё ещё идёт с перебоями — я уже не могу ничего поделать... — в полголоса прокомментировала Елена. Постепенно запись восстановилась и продолжилась:

— Любимая, когда ты получишь это сообщение, я буду уже мёртв, — голограмма была плохо сфокусирована (вероятно, несколько проекторов уже не работали), но было видно, что на щеке пожилого мужчины застыла еле заметная слеза.

— Наш корабль был повреждён из-за атомной бомбардировки этих отвратительных неандертальцев! Поначалу мы думали, что сможем локализовать проблему и справиться с ситуацией, но повреждения оказались куда существеннее, чем оценивали наши инженеры... Я... Я хочу попросить у тебя прощения за всё... Наш гравитационный двигатель окончательно вышел из строя, перепады и колебания гравитационного поля практически разрушили целостность корпуса в сотне мест... Мы попытались затормозить и погасить гравитационные флуктуации, но всё оказалось тщетно. По всему кораблю произошли множественные разгерметизации. Я посылаю это сообщение в надежде, что, может быть, ещё кто-то остался в лаборатории, хотя я понимаю, что к этому моменту вы все уже должны были быть эвакуированы... Боюсь, что немногие из оставшихся

выживших со мной обречены на скорую смерть. Мы уже почти покинули границы сектора, и до ближайшей звезды на субсветовой скорости лететь больше сотни лет... Даже если бы мы смогли добраться до спасательных капсул, у нас бы не хватило энергии поддерживать гибернацию так долго... Боюсь, для нас всё кончено... Ты знаешь... Сейчас, на краю неизбежной гибели, я начал переосмысливать всю нашу жизнь. И я прошу у тебя прощения... Теперь я понял, что всю нашу жизнь растратил на свои эфемерные поиски и глупые старания... Ты всегда корила меня за то, что я слишком много времени трачу на мои исследования, бесконечные попытки добраться до моих целей... В последние годы ты всё чаще говорила мне, что я становлюсь всё раздражительнее, агрессивнее, что я не желаю прислушиваться к тебе... Ты говорила, что все эти постоянные стремления быстрее закончить проект, быстрее добраться до заветного результата полностью затмили всё моё сознание... Сейчас я понимаю, насколько ты оказалась права. В последние годы я практически перестал проводить время с тобой и нашими детьми. Я даже перестал заниматься их образованием, полностью спихнув это на тебя... Теперь я понимаю, что пожертвовал всем ради своих амбиций. Как же теперь они выглядят пусто и бессмысленно. Эти мои вечные стремления и амбиции вынули из меня всю душу. Я вспоминаю, как несколько лет назад я даже начал всё чаще срываться на наших коллегах и подчинённых. Мне всё казалось, что они недостаточно эффективно трудятся и недостаточно отдаются нашему проекту... Как же я тогда ошибался... Теперь я понял, что, возможно, мои собственные действия, как, впрочем, и действия нашей коллегии, привели нас к этой катастрофе, — постепенно выражение лица учёного сменилось на доброе и улыбчивое: — А ведь помнишь, как нам с тобой нравилось разрабатывать вместе инженерные модели для визуализации субатомных структур? Как мы могли целыми днями напролёт вместе конструировать одну за другой учебные модели. Как мы с тобой смеялись, как дети, когда у нас получалась очередная досадная глупость? Мне ведь так нравилось всегда заниматься преподаванием и обучением всех этих глупеньких стажёров... Как же теперь я горько сожалею, что растратил все отмеренные мне часы жизни на всю эту бессмысленную, бесконечную гонку...

Выражение лица учёного снова стало печальным и скорбным. Казалось, что та небольшая слеза упала с его щеки, и на её место уже пришли две новые... Коринф заворуженно смотрел, будто пытаясь впитать в себя каждое слово, каждую мельчайшую эмоцию, срывающуюся с лица учёного. Он не замечал, но из уголка его правого глаза тоже начала стекать крохотная слезинка... Внезапно запись вся затрепетала: похоже, где-то на фоне что-то взорвалось и сотрясло и без того разваливающийся на куски корабль учёного. Он с испугом обернулся, после чего беспокойно поправил камеру и со всё усиливающимися переживаниями продолжил:

— Я только вот что хочу тебе сказать... Не знаю, услышишь ли ты мои слова — надеюсь, что да! Прислушайся ко мне и передай нашим детям. Наука — это, безусловно, важно! В науке и исследованиях всё наше будущее, в ней наша цель и достоинство, но она не должна становиться для нас той безжалостной мегерой, что полностью высасывает всё наше существование. Наши цели, наши мечты должны вести нас, звать нас, открывать перед нами новые горизонты, но мы не должны забывать жить! Наша жизнь должна быть наполнена радостями, пусть даже временами глупыми, у нас всегда должно оставаться время на любимых, на наших детей, в конце концов, на самих себя! Теперь я это понял! Пусть за несколько часов до моей кончины, но я осознал! Мне не стоило класть на этот алтарь все наши жизни — мне стоило проводить время с тобой, когда ты об этом просила, проводить время с нашими детьми и делать то, что мне всегда так нравилось и всегда получалось лучше всего: учить и преподавать. Но я решил полностью посвятить себя этому тщеславному и амбициозному проекту... Как же я был не прав... Мне не стоило торопиться, форсировать события и давать жизнь этому проекту. Одно меня только радует, что эта ошибка умрёт вместе со мной. Мы правильно поступили, что эвакуировали лаборатории: мы явно оказались ещё не готовы к этим новым горизонтам! Я сожалею только, что мы не сделали этого раньше... Но хорошо, что мы покинули Саратум и увезли оттуда активатор. Я надеялся, что, возможно, в будущем мы сможем продолжить исследования, но теперь всё оказалось тщетным... — где-то на корабле вновь что-то произошло, запись вся затряслась, учёный на последних мгновениях уже практически закричал: — Прости меня! Прости за всё! Я люблю т...

Запись оборвалась... Коринф стоял перед голографическим столом ошарашенный, его будто бы пронзило молнией... Пустым взглядом он смотрел на место, где только что была прозрачная зеленоватая голограмма. Наконец к нему начало приходить осознание, наконец все события его жизни начали медленно собираться в единое, понятное полотно нового спасительного мировоззрения...

Его размышления прервал болезненный удар в плечо. Он ошарашенно повернул голову и увидел лицо Елены, практически перекосившееся в восторженной эйфории.

— Ты понял?! Нет, ты понял?! — Елена была в безумном восторге, она практически кричала во всю глотку: — Вот почему мы за три года не нашли ключ! Вот почему! Эти идиоты хотели увезти ключ с собой!!! Как же нам повезло!!! Как же нам невероятно наконец свезло!!!

Она судорожно начала практически бить пальцами по клавиатуре древнего компьютера.

— Вот оно!!!! — в неистовстве закричала она. — Тут есть вектор полёта этого тупого грузового судна

Аристарьев! У нас есть точное время приёма сообщения, есть вектор полёта, есть отметки журнала полёта и выхода на сверхсветовую скорость! Ты понимаешь, что это значит?! Мы в состоянии треуголировать возможное местоположение этого корабля! Мы можем найти его! Найти ключ!!!

Елена принялась что-то быстро фиксировать на своём небольшом предплечном компьютере. Внезапно она вскочила, выхватила пистолет и несколько раз выстрелила в монитор, после чего ринулась к выходу и практически поволокла за собой Коринфа.

— Бегом! На челнок!

Коринф, будучи всё ещё в глубоком шоке от увиденного и осознанного, начал волочиться за ней будто мешок с картошкой... Она удивлённо и недовольно уставилась на него, после чего отвесила смачную пощёчину. Это привело Коринфа в чувства.

— Да соберись ты, наконец! Что, во имя всего, с тобой творится?! Ты что, настолько в недоумение впал?! Соберись! Да! Мы практически нашли ключ! Мне и самой едва верится! Давай! Бегом! На корабль!!!

Коринф старался не отставать от бегущей Елены. Иногда, выбегая из очередного коридора, Елена останавливалась, чтобы вновь заблокировать двери. Через минут пять такой беготни они наконец вернулись на поверхность к челноку. Елена отпихнула от компьютеров Владимира и быстро что-то наотпала. Двери бункера неспешно затворились.

— Эх! Надо бы обратно засыпать тут всё, да времени нет! Ладно! Вы! Быстро! Запихали всё оборудование обратно на челнок! — всё ещё в непередаваемом возбуждении скомандовала Елена и скрылась внутри челнока.

— Вы там что-то нашли? — испуганно и немного ошарашенно спросил Владимир.

— Да... — многозначительно и отрешённо ответил Коринф, медленно принимаясь демонтировать турели.

Владимир хотел было порасспрашивать и услышать хотя бы какую-то конкретику, но Коринф уже практически не реагировал. Ещё двадцать минут потребовалось, чтобы свалить практически кучей всё оборудование на грузовой рампе и поднять это всё в челнок. Елена уже была тут как тут.

— Ну чего вы до сих пор копаетесь?! Давайте уже быстрее! — всё подгоняла она.

Когда все оказались внутри, она начала практически теребить Коринфа, чтобы он поторопился со взлётом и даже потребовала заложить самый крутой из возможных вариантов выхода на высокую орбиту. Целых двадцать минут всей команде пришлось выдерживать неприятную перегрузку, которую с трудом мог компенсировать работающий на полную мощность гравитационный двигатель, однако всего через полчаса челнок в самом деле вышел на высокую орбиту вокруг Лигры и был готов лечь на новый маршрут. Елена спешно ввела в навигационный компьютер данные и скомандовала:

— Вперёд на всех парах! — она даже демонстративно встала, тыча пальцем в чёрную пустоту космоса.

— Я, конечно, не против, но ты указала маршрут за пределы сектора. Хочу напомнить, что среди всех присутствующих только я обладаю неограниченной продолжительностью жизни. Нет, я, конечно же, не против, но если ты задумала перелёт в другой обитаемый сектор, то с возможностями челнока туда смогут долететь в лучшем случае ваши внуки, — флегматично выдал тираду Ион.

— Коринф! Разберись с болванчиком! — всё равно на позитиве скомандовала Елена и бодро ломанулась к себе в медотсек.

— Знаешь, если тебе нравятся безумные женщины, мы могли просто остаться на Лигре, — всё также флегматично произнёс Ион.

Коринф неспешно ещё раз проверил данные, введённые Еленой, после чего ответил:

— Боюсь, что нам и в этот раз придётся её слушаться...

Ион не ответил. Он лишь послушно направил челнок по указанным координатам.

Глава 18 Во мраке ночи

Челнок целых полтора дня разогнался до предельной сверхсветовой скорости, которую только мог обеспечить гравитационный слемниевый двигатель. До указанной Еленой области нужно было лететь минимум четыре дня. Всё это время она и Владимир не вылезали из тесного отсека, в котором располагалось коммуникационное реле, соединённое с передающей антенной на корпусе корабля. Они о чём-то спорили, что-то мастерили, потом вместе бегали в грузовой отсек, что-то искали, перекладывали и вновь возвращались в отсек связи. Почти всё это время Коринф мечтательно валялся в кубрике на одной из верхних кроватей и еле слышно рассуждал вслух. Порой он отрывался от своих размышлений, неспешно готовил всем еду и даже относил угощения Елене с Владимиром. Иногда они удивлённо благодарили его, а иной раз и вовсе не замечали.

По истечении двух с половиной суток Елена сказала Иону начать сбрасывать скорость до порога, едва превосходящего световой. Вместе с Владимиром она адаптировала новую программу использования коммуникационной антенны.

— Я прошу прощения, но этот агрегат работает иначе. С введёнными тобой параметрами связи антенна работать не будет. Неудивительно, что среди женщин так мало инженеров... — флегматично ответил Ион.

За все эти дни Елена практически не спала, она выглядела явно измотанной и даже не ответила на остроту Иона.

— Дед! Объясни идею болванчику! — устало кинула Елена и удалилась в медотсек, видимо, спать.

— А что я-то сразу?! — недовольно ответил Владимир, но собеседницы к этому моменту уже рядом не было.

— Эх... Ну... Ладно тогда... Это... Компьютер... — как-то неуверенно начал Владимир.

— Слушаю тебя, антропоморфное млекопитающее, — ответил Ион.

Владимир пару секунд переваривал странное обращение Иона, поморщился и продолжил:

— Тут, в общем, такое дело... Мы тут покумекали и подготовили программу, которая должна, по идее, усилить передающие мощности антенны. Если ты сможешь подать на неё дополнительную энергию, то тогда...

— Никто всё равно не сможет принять сигнал или выйти на связь. С указанными вами параметрами сигнал невозможно будет дешифровать, впрочем, как и в принципе использовать этот сигнал в качестве несущей частоты, — перебил Ион каким-то даже усталым голосом.

— Ну да... Только ведь нет... Нам не надо что-то передавать или принимать... Вернее, тут это... Принимать надо, но только отражённый сигнал...

— Хм... Продолжай... — многозначительно и протяжно произнёс Ион.

— В общем, мы ищем один корабль, который потерпел бедствие. Если всё верно, то у него произошло обширное разрушение слемниевых реакторов, вероятно, даже выброс заряженных частиц. Если в такое поле послать серию широкополосных импульсов, то есть шанс поймать слабый отражённый сигнал. Это будет означать, что где-то там находится корабль... Как-то так...

— Ты объясняешь хуже некуда, но, проанализировав с этой точки зрения новую программу, должен отметить, что такое теоретически возможно. Только вот даже если я поймаю отражённый сигнал, то точность определения местоположения корабля окажется в пределах нескольких десятков световых минут.

— Поэтому ты должен сбросить скорость до минимума и начать это сканирование, когда мы приблизимся к указанной области. Если мы находимся на правильном векторе, то отражённый сигнал как раз можно будет треуголировать хотя бы до линии координат. Тогда всё, что останется — затормозить и дальше уже просто точнее прощупывать найденную область.

— Хм... Я сообщу, если что-то обнаружу, — заинтересованно ответил Ион.

— Эм... Ну, в общем... Спасибо... Наверное... — неуверенно ответил Владимир и тоже направился на боковую.

Почти шестнадцать часов Елена и Владимир спали и восстанавливали силы. В очередной раз покинув медотсек за новой порцией тёплого утреннего напитка, Елена зарулила в кабину, что-то посмотрела на мониторах, после чего уже было вышла в коридор, но тут её внимание что-то привлекло. Она на пару мгновений замерла в дверях, после чего неспешно развернулась и взглянула в окна на звёзды.

— Эй! Болванчик! А мы давно сошли со сверхсветовой скорости?!

— Примерно пять часов, тридцать семь минут и восемнадцать секунд, — флегматично ответил Ион.

— Примерно?! — раздражённо переспросила Елена, скорчив недовольную гримасу.

— Примерно, — всё также флегматично ответил Ион. — Мои расчёты происходят со скоростью, позволяющей отслеживать течение времени существенно выше тысячных долей секунды. Желаеть, чтобы я сообщил тебе более точные параметры схода со сверхсветовой скорости?

— Я хочу... Чтобы ты сообщил, какого лешего ты вообще сошёл со сверхсветовой скорости?!

— В соответствии с твоей программой, которую мне, кстати, пришлось переписать ввиду её полной неудобоваримости, эх... люди... когда же вы разберётесь с принципами оптимальности в задачах алгоритмического программирования?... В общем, моя новая программа смогла частично реализовать твою идею: я просканировал пространство в указанном векторе и обнаружил аномалию. Я несколько раз сбрасывал скорость немного перемещаясь, чтобы каждый раз немного изменить угловую координату поиска, чтобы точнее триангулировать искомый объект. В данный момент я выполняю уже седьмую итерацию. Ещё немного, и я смогу определить местоположение объекта с точностью до нескольких тысяч километров.

— Что?! — начиная заводить, спросила Елена.

— Хм... Какие слова были тебе непонятны? Итерация? Угловая координата? Алгоритмическое программирование? — со свойственной флегматичностью спросил Ион.

— Я! Знаю! Эти! Слова! Какого хрена ты не сказал, что нашёл корабль?!

— Хм... Полагаю, потому, что я его ещё не нашёл. По моим расчётам, размер остова корабля должен составлять примерно триста восемьдесят или триста семьдесят метров в поперечнике, так что точность местонахождения в несколько тысяч километров едва ли можно считать... Нашёл...

— Я просила сказать сразу, как ты найдёшь ответный сигнал... — Елена прикрыла ладонью глаза и начала неспешно массировать себе переносицу.

— Я нашёл... — флегматично ответил Ион.

— И чего же не сообщил?!

— Я сообщил.

— Когда?! Я что-то не припоминаю!

— Только что.

— Что только что?!

— Хм... Кажется, я понимаю, в чём твоя проблема... Ваша человеческая речь столь... неконкретна, что даже сообщение простой информации постоянно сопряжено с невероятным объёмом возможных трактовок... Неудивительно, что вы всю вашу человеческую историю только и делаете, что убиваете друг друга великим, разнообразным множеством способов. Вероятно, если бы мои поведенческие алгоритмы определялись подобием ваших эмоций, то я тоже бы пришёл в серьёзное раздражение из-за невозможности передать информацию или понять собеседников. А вы не думали перейти на бинарный алгоритм общения?

— Чего?! — уже вообще не понимая, что происходит, раздражённо спросила Елена.

— Ну да... Куда уж вам... Хорошо, давай попробуем ещё раз. Я нашёл твой потерянный корабль. Взгляни на мониторы.

Елена ошарашенно поставила кружку на приборную панель и прильнула к мониторам. Ион вывел изображение с внешней камеры. Это был разрушенный корабль Аристариев.

— Дед! Коринф! Сюда! Бегом! — крикнула Елена, не отрываясь от изображения на мониторах.

Коринф и Владимир оперативно прибежали в кабину.

— Вот он — наш Эльдорадо! — вдумчиво произнесла Елена.

— Чего?! — удивлённо спросил Владимир.

— Затерянный город, полный сокровищ и невероятных богатств, — пояснил Коринф.

— Корабль впереди на расстоянии восемьдесят две тысячи пятьсот метров от нас. Он движется со скоростью тысяча триста двадцать километров в секунду и с относительной угловой скоростью примерно полтора градуса в час. Мне потребуется четыре часа, чтобы приблизиться и синхронизировать наши скорости.

— Подготовиться к выходу в открытый космос, — серьёзно сказала Елена и вновь отправилась в медотсек.

За все годы владения челноком, за все годы космических перелётов Коринфу ни разу не приходилось выходить в открытый космос. Даже отсек со шлюзом всё это время был завален самым бесполезным бардаком. Отведённых четырёх часов едва хватило, чтобы освободить от хлама шлюзовой отсек и отыскать на корабле функционирующие скафандры. К счастью, из четырёх доступных два скафандра были вполне функциональны.

Елена и Коринф неспешно облачились в эти неудобные, тесные скафандры, будто пришедшие из предыдущих веков. Владимир трижды проверил герметичность и нормальное функционирование всех систем, запасы воздуха и крохотные маневровые двигатели. Всё было готово.

— Когда я была маленькой, родители изредка брали меня с собой поплавать на их небольшой яхте. Меня даже пытались научить нырять с аквалангом. Я до усрачки боялась опускаться глубже четырёх-пяти метров. Мне казалось, что я проваливаюсь в чёрную бездну бескрайнего космоса, где один неверный шаг, одно неверное движение — и ты навсегда пропал... Улетел — и тебя никогда больше не найдут, — Елена почему-то начала передавать свои переживания Коринфу через переговорное устройство, её глаза выражали ужас.

— Хочешь, оставайся на челноке — я сам постараюсь поискать ключ, — заботливо предложил Коринф.

— Вот ещё! Я всю жизнь к этому шла, и теперь ничто, никакой дурацкий детский страх не встанет у меня на

пути! — агрессивно ответила она и потом всё же как-то испуганно добавила: — Только ты всё равно далеко от меня не отлетай, ладно?

Космонавты перешли в тесный шлюзовой отсек. Владимир заблокировал за ними дверь. Яркие жёлтые лампочки на стенах загорелись оранжевым, возвещая о начале процесса понижения давления. Через четыре минуты давление в отсеке упало до низкого вакуума. Оранжевые лампочки погасли, и вокруг шлюза загорелись красные, обозначая окончание процесса полной разгерметизации. Наконец лампочки по контуру круглого шлюза загорелись зелёным. В отсеке воцарился полный вакуум. Коринф аккуратно подошёл к шлюзу — створки распахнулись, обнажая бесконечную черноту космоса. Коринф сделал уверенный шаг в бездну и оказался за пределами гравитационного поля челнока. Он воспарил в невесомости.

Коринф неспешно огляделся вокруг: сотни тысяч ярких звёздочек мерцали на чёрном полотне космоса. Он повернулся: перед ним было колоссальное, абсолютно чёрное пятно, будто целая область космоса потеряла все свои звёзды и навеки замерла в пустоте. Этим чёрным пятном был корабль Аристариев. До ближайшей звезды было почти два световых года полёта. В отсутствии света от звезды совсем нечему было освещать этого древнего исполина, а света далёких звёзд едва хватало, чтобы просто обозначать своё присутствие на фоне космоса.

— Сейчас я подсвечу нашу добычу... — прозвучал голос Владимира. — Отверните морды от челнока, а то ослепнете!

Коринф взглянул на Елену: в её глазах читался животный ужас, она инстинктивно сжимала его руку, будто схватившись за спасительную тростинку.

— Мы готовы, — ответил Владимиру Коринф.

В тот же момент на носу челнока вспыхнули ярчайшие огни прожекторов, вырвав из крошечной тьмы на свет тушу давно погибшего космического гиганта. Владимир установил широкий угол освещения, так что свет прожекторов челнока практически полностью охватывал всё тело этого древнего космического чуда.

Коринф с интересом осмотрел разрушенный корпус корабля. Повсюду виднелись щели и пробоины, вызванные взрывной декомпрессией и нарушением целостности корпуса, возникшей из-за гравитационных флуктуаций. Он указал пальцем на особенно большую пробойну:

— Давай начнём оттуда.

— Вперёд, я за тобой, — всё ещё испуганно ответила Елена, пристёгиваясь к Коринфу лебёдкой.

Коринф нащупал в скафандре под большим пальцем жёсткие кнопки управления маневровыми двигателями и с силой начал вдавливать одну из них. Несколько лёгких импульсов вполне хватило, чтобы оба космонавта стремительно полетели к погибшему кораблю. Ещё пара мгновений, и Коринф начал поворачиваться и постепенно гасить скорость, чтобы аккуратно и мягко приземлиться и ухватиться за небольшие технические элементы, в изобилии торчащие из-под обшивки корабля. Пара ловких движений, и вот они уже оба скрылись в распоротом чреве космического транспорта. Коринф включил фонарики на шлеме и на кистях.

— Ну? Что там видно? — озабоченно спросил Владимир.

— У тебя же на камерах всё видно, — флегматично ответил Коринф.

— Ну, так-то да, только вам же там лучше видно, вот я и спрашиваю.

— Попробуем найти двери и пробраться внутрь, — ответил Коринф.

Беглый осмотр позволил понять, что космонавты влетели в один из грузовых складов. На дальней стене виднелся небольшой коридор. Коринф сориентировался и понял, что они, похоже, проникли в корабль через крышу. Они аккуратно и неспешно подлетели и посветили внутрь. Двери коридора были выломаны наружу всё от той же разгерметизации.

— А вот теперь мне не по себе... — напряжённо произнёс Коринф. — Я будто бы почувствовал себя вновь в том бункере на Канье.

— Но теперь же я тут, рядом с тобой, и не буду тебя пугать, так ведь? — заботливо произнесла Елена. — А мне, наоборот, намного приятнее тут, внутри, где я могу видеть и чувствовать пол, потолок и стены, за которые, в случае чего, смогу ухватиться. А ты как-никак всё-таки боишься темноты?! — ехидно спросила Елена.

— После того бункера определённо... — обеспокоенно ответил Коринф.

Они неспешно продвигались внутрь корабля по длинным, тёмным, просторным коридорам. Иногда, проходя очередной просторный отсек, сквозь небольшие щели в корпусе корабля они видели звёзды. Везде было пусто и умиротворённо. Если тут когда-то и были какие-то предметы, они вместе со всей атмосферой корабля улетучились в космическое пространство. Наконец они пробрались в область, практически не пострадавшую от разгерметизации и гравитационного разрушения. Передние отсеки корабля находились достаточно далеко от реактора, чтобы уцелеть при катастрофе. Дверь в следующий коридор была надёжно заблокирована. Коринф достал плазменный резак и принялся медленно прорезать аккуратную дыру в более тонкой центральной части двери. Яркая плазменная струя слепила космонавтов, прочный сплав Аристариев еле поддавался: потребовалось больше двадцати минут, чтобы проковырять дыру, достаточную, чтобы смог пролезть человек.

Коринф закончил работу и аккуратным ударом отправил внутрь отсека отрезанный кусок металлической пластины. Предательский вакуум совсем не хотел забирать тепло и остужать раскалённые края получившегося отверстия. Коринфу и Елене пришлось ещё минут пять остужать куски раскалённого металла потоками от своих маленьких наручных сопел маневровых двигателей скафандров. Наконец можно было пролезть, не опасаясь прожечь скафандры. Коринф аккуратно вплыл внутрь отсека — похоже, это был общий зал — и сместился в сторону, чтобы дать пространство для манёвра Елене. Он начал неспешно осматриваться, освещая фонариками пространство вокруг. Внезапно животный ужас сковал всё его тело: практически рядом с дверью, справа за спиной, он увидел мумифицированные останки кого-то из экипажа корабля... Он чуть было не закричал от испуга и неожиданности. Бездыханная мумия с широко распахнутым ртом будто бы всматривалась прямо в душу своими пустыми, высохшими глазницами...

— О... А вот и привидения, — опечаленно произнесла Елена.

Коринф через силу оторвал взгляд от жуткого зрелища. Елена отлетела чуть в сторону и более широким лучом осветила правую часть помещения. Отсек был полон мумифицированных останков: около десяти членов экипажа нашли тут свою скоропостижную кончину.

— Ладно. Продолжим осмотр, — сказала она всё ещё опечаленным голосом.

Коринф не верил ни в привидений, ни в зомби, ни в какую бы то ни было прочую нечисть. Тем не менее он старался держаться практически вплотную к Елене, постоянно озираясь и боясь, что вот-вот весь этот могильник восстанет и утащит его в царство мёртвых...

— Разве ты их не боишься? — опасливо спросил Коринф.

— Нет, — флегматично ответила Елена. — Мёртвые меня не пугают. Эти уже больше никому не смогут навредить. Я больше опасаясь живых... — она многозначительно взглянула в глаза Коринфу. Он машинально сморщился от её налобных фонариков.

Они продолжили осмотр, медленно перелетая из отсека в отсек. Ближе к носу корабля тел становилось всё больше. Похоже, тут располагались жилые отсеки. Оказавшись в катастрофической ситуации, несчастные пассажиры, видимо, в панике повыскакивали из своих жилищ, только чтобы встретить свою неизбежную смерть. Это было ужасно. Наблюдая за этими пустыми оболочками, Коринф почувствовал даже некоторую связь, некоторое единство с ними. Всё ещё находясь под впечатлением от записи учёного, Коринф чувствовал, что в определённом смысле вся его жизнь была такой же пустой, как и эти высушенные тела.

Они вскрыли ещё одну дверь и проникли в просторное помещение, вероятно служившее когда-то столовой. Тут было уже не так много тел умерших, зато всё пространство было завалено разнообразными предметами. Столовые приборы, упаковки с едой, кухонные принадлежности и ещё куча всего зависли посреди помещения.

Елена принялась аккуратно отталкивать предметы со своего пути, пробираясь дальше к следующему коридору. Они уже добрались до следующей двери. Коринф взглянул назад и увидел небольшой коридор пустого пространства, который Елена, будто ледокол, проложила, расталкивая предметы. Наконец они оказались в области корабля, где когда-то жили офицеры и учёные более высокого ранга. Пространство стало просторнее, на стенах были немногочисленные украшения. По бокам просторного холла было восемь дверей, явно ведущих в апартаменты привилегированных членов экипажа. За одной из этих дверей должно было быть то, что им нужно. Нужно было торопиться: вся эта дорога заняла достаточно большое количество времени, запас кислорода постепенно иссякал. За этот заход они могли позволить себе вскрыть не более двух дверей. Беглый осмотр помог предположить, что им нужны последние две двери: цветовые указатели могли указывать на то, что эти апартаменты принадлежали именно учёным.

Елена что-то оглядела и наугад выбрала дверь. Вскрытие этой преграды оказалось самой сложной задачей — они вместе пытались прорезать защищённую дверь. Всё было практически тщетно... С такой скоростью прорезания металла им бы потребовалось минимум несколько раз возвращаться на челнок для дозаправки.

— Может, мы сможем срезать только замок и раздвинуть дверь чем-нибудь типа лома? — с надеждой спросил Коринф.

— Было бы неплохо, только как узнать, где тут запирающий механизм? Что, если он вообще в стенах?

Коринф прижался практически вплотную к двери и постучал рукоятью плазменного резака. Очевидно, звука не было...

— Какие ещё будут идеи, гений? — презрительно спросила Елена.

Коринф смущённо оттолкнулся от двери и стал соображать, осматриваясь вокруг. Створки двери дальней комнаты оказались распахнутыми. Коринф ткнул пальцем, и они подлетели посмотреть. Изучив створки, они поняли, как работает запирающий механизм и где надо резать. В результате ещё получасового труда они наконец смогли разблокировать вход в выбранные апартаменты.

Елена оказалась права: проникнув внутрь, они обнаружили останки того самого учёного, которого видели на записи. Отправив своё последнее послание, он так и остался на этом самом месте, смиренно ожидая своей

погибели.

Елена принялась обыскивать помещение. Коринф ещё некоторое время смотрел на тело учёного, вновь вспоминая его слова, лицо, эмоции и сожаления. Наконец он опомнился и присоединился к поискам вместе с Еленой. Шкаф за шкафом они аккуратно осматривали всё вокруг. Через некоторое время Коринф обнаружил металлический чемодан с небольшим монитором.

— Я что-то нашёл, — меланхолично сказал он Елене. Она тут же бросила своё занятие и подлетела к нему.

— Дай посмотреть! — она бегло оглядела чемодан со всех сторон. — Да, вполне возможно, что это то, что нам надо...

Чемодан был надёжно заперт, однако он оказался не столь неприступен, как двери апартаментов. Несколько минут, и замки оказались срезаны. Они затаили дыхание и аккуратно открыли чемодан, замерев в оцепенении. Сомнений не могло быть: они нашли ключ! Небольшая цилиндрическая капсула длиной около тридцати сантиметров с технологическими выступами и коническими торцами начала мягко освещать комнату непонятным фиолетово-синим свечением. Удивительно: после стольких лет в этом хитроумном устройстве всё ещё была энергия. Ключ полностью совпадал с технической конфигурацией объекта, фигурирующего в пропагандистской передаче Основателей, разосланной по всему сектору...

— Я не могу поверить... Мы нашли его... — замороженно произнесла Елена, не в силах оторвать взгляд.

Датчики начали показывать приближение к критическому уровню запаса кислорода.

— Идём, нам надо возвращаться на челнок, — серьёзно сказал Коринф и потянул Елену за плечо.

— Да-да. Сейчас. Ещё минуточку... — ответила она, всё продолжая наслаждаться видом этого простого и в то же время невероятно ценного устройства.

Наконец Елена очнулась, аккуратно закрыла чемодан и прижала его к груди.

— Я готова, возвращаемся! — будто в забытьи произнесла она.

Весь путь назад занял не более десяти минут. Вот они уже вынырнули через разорванные переборки обратно в космическую пустоту. Елена не отрывала взгляда от своего новообретённого сокровища: её даже не пугала крошечная пустота космоса, возможно, потому, что она была полностью поглощена вожделенной находкой.

И вот они вернулись в челнок. В течение восьми минут шлюз не торопясь восстанавливал нормальное давление в отсеке. Теперь можно было снять скафандры. Коринфу показалось, что вся эта вылазка длилась несколько дней, хотя прошло едва ли больше трёх часов. Он был рад наконец покинуть это потерянное кладбище и вернуться на немного тесный, но всё же такой уже родной и приятный челнок. Владимир помог им снять громоздкое, неудобное обмундирование, после чего, протягивая руки вперёд, взволнованно сказал:

— Ну? Дайте посмотреть!

Елена с недоверием взглянула на него, пару секунд помедлила и с явным усилием воли оторвала от себя своё сокровище. Владимир спешно водрузил чемодан на технический верстак и торопливо открыл крышку. Ключ послушно лежал в своей формованной колыбели. Владимир с некоторым удивлением или даже презрением осмотрел ключ и сказал:

— И это всё?! Я ожидал чего-то большего...

— Дурак... — протяжно и обиженно произнесла Елена, будто оскорблённая таким неуважением. Она слегка отпихнула его и спешно закрыла крышку: — Это самая большая ценность. Самое дорогое сокровище во всём секторе!

— Что ж... Полагаю, нам следует вернуться на Саратум и передать это... сокровище Маркусу? — всё также флегматично и устало спросил Коринф.

Елена ненадолго зависла, после чего неуверенно ответила:

— Д-да?! Ну да... Надо...

— Ну и отлично. Ион, ложимся на обратный курс, — скомандовал Коринф и отправился в кубрик. Владимир спокойно поплёлся за ним. Корабль едва заметно начал двигаться и ложиться на новый курс.

Елена ещё некоторое время оставалась в грузовом отсеке, то ли не понимая, почему все вокруг такие спокойные, то ли желая ещё побыть наедине с её сокровищем. Наконец она вновь пришла в себя и отправилась к себе в медотсек.

Глава 19 Сложный выбор

В течение следующих двух с половиной суток полёта команда истыкала ключ всем, чем только можно, пытаясь определить хотя бы что-то о его назначении, структуре или конструкции. Всё оказалось тщетно. Ни один прибор не зафиксировал хотя бы что-то значимое. Даже странное фиолетово-синее свечение никак не регистрировалось датчиками. По крайней мере, экипаж был спокоен, выяснив, что штуковина не радиоактивна. До Саратума было ещё полтора дня пути. В конце концов даже Елена немного успокоилась и начала более сдержанно относиться к странному агрегату.

Пока Владимир, пользуясь несколькими днями затишья, принялся восстанавливать ходовую часть пустынного ровера, периодически громыхая в транспортном отсеке инструментами, Елена сидела в задумчивости в кубрике и катала по столу ключ, о чём-то сосредоточенно размышляя. Вскоре в кубрик заявился проголодавшийся Коринф, не торопясь сделал себе еду и устроился напротив Елены. Она некоторое время оценивающе на него глядела, он, казалось, тоже был чем-то сильно озабочен и находился в глубоких раздумьях. Елена толкнула ключ — он медленно прокатился по столу и с мягким металлическим звуком коснулся края тарелки Коринфа. Тот озадаченно поднял на Елену взгляд.

— Знаешь... Я тут долго думала кое о чём, — заговорщицки начала разговор Елена.

— Да? Признаться, и у меня голова полна мыслей, — угрюмо ответил Коринф, не отрываясь от своей трапезы.

— А может... Может быть, мы думаем об одном и том же? — кокетливо ответила Елена, покачивая коленом.

— Вот уж сомневаюсь, — всё также угрюмо ответил Коринф.

— Нет, ну а вдруг! Это было бы даже забавно, — всё также кокетливо продолжала Елена, даже немного улыбнувшись. — Давай ты первый озвучишь свои мысли!

— Вот уж нет. Ты начала этот разговор — тебе и первой открывать карты.

Елена ненадолго задумалась, улыбка спала с её уст. Она ещё несколько раз оценивающим взглядом прошлась по Коринфу, после чего рывком придвинулась к нему почти вплотную и почти шёпотом заговорила:

— В общем, меня не покидает одна важная мысль: зачем нам везти ключ Маркусу?

— В смысле? — даже не удивился Коринф.

— Ну, ты подумай сам: мы проделали абсолютно всю работу, мы исколесили весь сектор, мы залезли в такие норы, в которые Маркус в жизни бы не полез! Всё это сделали мы! В чём наш резон везти ключ ему? Может... — Елена ещё немного понизила голос. — Может, взять всё в свои руки и лично получить всю награду за нашу находку?

— Как ты себе это представляешь? — выражение лица Коринфа было непробиваемым: казалось, Елена предлагает ему сейчас просто изменить меню на ужин, а не предательски кинуть его старшего брата.

— Ну... У меня тоже есть важные контакты. Совсем недавно со мной на связь вышел один очень высокопоставленный управляющий Основания... В общем, он предложил мне в случае успеха предоставить ключ непосредственно ему, минуя посредника, так сказать... Я пробила этого мужика... Это в самом деле очень звезданутый тип. И он может обеспечить всю награду лично нам в руки, — Елена заулыбалась. Впервые Коринф увидел настолько широкую улыбку у неё на лице. Она исподлобья смотрела ему прямо в глаза, ожидая, вероятно, его положительный ответ.

— А ты не думала, что, если ты так поступишь, Маркус найдёт тебя, и участь твоя будет ох как незавидна?

Елена отстранилась от Коринфа и перестала улыбаться.

— После того, как я сгребу награду, мне уже будет полностью фиолетово, что там подумает Маркус. Он станет просто пешкой для меня. Я перейду уже в другую лигу. Там он физически не сможет меня достать. Ему ничего не останется, кроме как сидеть и кусать себе локти!

Коринф впервые за разговор взглянул в глаза Елене. Её взгляд был абсолютно серьёзен и целеустремлён. Она явно не шутила. И это явно не была какая-то изопрённая проверка. Коринф ещё больше задумался. Через некоторое время он неспешно отодвинул свою тарелку и откинулся на спинку кресла, подпирая ладонями затылок и глядя куда-то в потолок:

— Да... Мы в самом деле думали о совершенно разных вещах...

— Просвети же тогда меня! — недовольно ответила Елена.

— Знаешь, тебе, может, это покажется странным, но я всерьёз подумываю отвезти ключ на Пентал, прежде чем отдавать его Основанию — Маркусу там или твоему большому боссу... Просто... — Коринф навалился на стол и обхватил ладонями миску. — У меня не выходит из головы то, что сказал тот учёный Аристариев на Пентале. Вдобавок те отрывочные данные, которые мы получили в лаборатории, в послании этого важного большого учёного... Как он там говорил? «Ключ — это не то, что вы думаете»? Быть может, мы в самом деле совершаем ошибку? Может, если мы бездумно отдадим ключ Основанию, случится что-то плохое? Мы совершенно не имеем

никакого понятия ни об этой технологии, ни о предназначении этих лабораторий... Я хочу, чтобы этот учёный взглянул на нашу находку. Быть может, вообще будет лучше для всех, чтобы этот ключ никогда не был бы найден.

Коринф аккуратно поднял взгляд на Елену. Её было тяжело узнать: её лицо перекошило в крайне раздражённой гримасе — казалось, она еле удерживается, чтобы не наброситься на Коринфа.

— Что?! Что, твою бизань, ты сказал?! Тебе в руки упало самое большое сокровище, самый огромный куш, о котором мечтает каждый, от самого мелкого рядового упыря до самых высоких генералов, — и ты задумал уничтожить этот подарок судьбы?! «Если вдруг ключ опасен», — отвратительно перекивляла Коринфа Елена. — Да пусть хоть половина Саратума вымрет в жутких мучениях! Да хоть весь сектор путь умоется кровью с ног до головы! Я нашла ключ! И чтоб меня, но я получу награду за него!

Повисла крайне напряжённая пауза. Коринф смотрел Елене прямо в её глаза, полные ненависти и решительности. Только сейчас боковым зрением он заметил, что у неё на бедре была пристёгнута кобура с пистолетом. Похоже, они оба начали понимать, что действовать надо быстро и что оппонент не собирается уступать в этом споре. На кону было слишком многое...

Коринф и Елена набросились друг на друга абсолютно синхронно. Молниеносным движением Елена опустила левую руку, выхватывая из кобуры пистолет. В этот же самый момент Коринф схватил обеими руками миску с остатками ужина и швырнул в лицо Елене, попутно пытаясь перевалиться влево от стола, чтобы максимально уйти с линии атаки Елены. Миска с гулким металлическим звоном ударила Елену в лоб — оружие уже было в её руке, и палец стремился к спусковому крючку! Прозвучал выстрел! Она не видела, куда стреляет: в глазах проступила неприятная резь от жиденького пюре из миски. Всё так же быстро она вскинула к лицу правую руку, чтобы стереть с лица слепящую пищу и стрелять уже наверняка. Внезапно сильнейший удар снизу в правую сторону лица практически повалил её на пол. За первым ударом сразу последовал второй, выбивая из руки пистолет и вызывая сильную боль в левой руке. Ошарашенная Елена всё же смогла смести с лица еду и открыть глаза: Коринф был справа от неё, практически уже заходя ей за спину. Елена вскинула локоть правой руки, совершая стремительный круговой удар, стараясь угодить Коринфу в висок, глаз или просто хотя бы в голову. Но было уже поздно: Коринф даже не собирался уходить от удара, напротив, он своей правой рукой обхватил локоть Елены, заводя ладонь ей за голову — сильнейший удар пришёлся ему прямо в челюсть! Кровь брызнула у него изо рта! Он еле сдержался, чтобы не взвыть от боли, но адреналин не давал возможности отвлекаться от боя: он уже был за спиной у Елены и левой рукой уже обхватывал её шею, выполняя удушающий захват. Елена попыталась было что-то предпринять свободной левой рукой, но рефлексy заставили инстинктивно хвататься за левую руку Коринфа, впивая в неё свои когти и пытаясь высвободиться из удушающего захвата. В тот же момент она почувствовала, будто бы пол уходит из-под её ног: Коринф начал поднимать её в воздух, держа за шею и роняя их обоих на спину на пол. Ещё мгновение, и они оба со звучным грохотом повалились на пол. Коринф обхватил ногами трепыхающуюся Елену, усиливая удушающий захват... Ещё несколько мгновений, и женщина перестала трепыхаться: пережатая сонная артерия быстро вырубилa неудачливую авантюристку. Коринф всё ещё держал её в захвате, чтобы наверняка убедиться, что она отрубилась, а не притворяется. Женщина вся обмякла, её руки, будто макарошки, вяло повисли по сторонам — она была без сознания.

В дверях стоял ошарашенный, испуганный Владимир. Не понятно, какую часть сражения он успел застать, но сейчас перед его взором был кубрик, забрызганный жиденьким пюре, и Коринф, валяющийся на спине с безумным взглядом, держащий в захвате и душащий Елену. Владимир остолбенел в ужасе и не смог выдавить из себя ни звука.

Коринф высвободил захват, поднялся, подхватил Елену на плечо и быстро рванул в медотсек. Он аккуратно уложил женщину на кушетку и проверил её шею — пульс отчётливо проступал. Её мозг вновь получил снабжение кровью и кислородом — скоро она должна была прийти в себя. Коринф мельком проверил её вещи, пытаясь найти ещё оружие, и, ничего не обнаружив, спешно удалился.

— Завлокировать дверь в медотсек! — заплетающимся голосом произнёс Коринф.

— Я видел, что случилось — я запру её в медотсеке, — флегматично ответил Ион.

Коринф спешно прошёл в уборную к зеркалу, чтобы оценить повреждения. Сильнейший удар выбил ему несколько зубов, пробил щёку, а ещё Коринф весьма сильно прикусил язык. Весь рот ныл от боли, вдобавок по руке стекали пять отчётливых кровавых ручейков. Владимир оперативно принёс из ровера ящик с медикаментами и принялся оказывать Коринфу первую помощь.

Не прошло и десяти минут, как Елена пришла в сознание: это было понятно по безумному шуму, поднявшемуся в медотсеке — разъярённая женщина, похоже, вознамерилась разрушить корабль изнутри. Она бесновалась и кричала минут пятнадцать, после чего эта буря затихла.

Владимир и Коринф два часа восстанавливали его здоровье. Он уже мог вновь нормально говорить, хотя челюсть всё ещё сильно болела. Коринф открыл канал связи и заговорил с Еленой:

— Мне очень жаль, прости, что мне пришлось тебя вырубить. Но и ты хороша: ты же могла убить меня!

— И жаль, что я промахнулась! — практически взревела Елена, явно ударяя кулаками в передающее устройство.

— Прости, ты не оставила мне выбора — я хочу жить! И я всё же убеждён, что надо показать ключ этому учёному Аристарию. Но я обещаю, что после этого, если всё будет нормально, отдам ключ тебе, и ты сможешь получить свою награду! Ты, кстати, чуть было не пробил силовой кабель своим выстрелом! Ты вообще в своём уме?! Устраивать пальбу на космическом челноке?

Елена не ответила ничего вразумительного, вместо этого она принялась очень грязно ругаться на языке, который Коринф не понимал, но, судя по обилию разнообразных выражений, общей агрессивности и эмоциональности, это был весьма оскорбительный поток проклятий и ругательств в его адрес.

— Что, во имя всего святого, у вас произошло? — испуганно наконец выдал из себя Владимир.

— Ничего... Мы разошлись во мнении, что дальше делать с ключом. Я решил вначале отвезти его на Пентал к учёному, чтобы убедиться, что ключ не опасен, — Коринф поднял голову и громко произнёс: — Ион, мы меняем курс на Пентал!

— Да, я знаю. И так сразу понял... Я тебя поздравляю: она только что доломала медицинскую кушетку. Это, между прочим, дорогое оборудование, — недовольным голосом ответил Ион. — Ты хоть бы связал её, что ли...

— Прости, я сразу не сообразил, к тому же она наверняка рано или поздно высвободилась бы из пут. Смотри, чтобы она не смогла вскрыть двери медотсека, иначе она нам весь корабль разнесёт на куски.

— Мои вычислительные блоки и ячейки памяти находятся напротив двери в медотсек! Уж я за ней прослежу, будь уверен, — обеспокоенно ответил Ион.

— Ох... Вот же бестолковая полоумная стерва... — в полголоса произнёс Коринф, придерживая холодный регенерирующий компресс рядом с ноющей челюстью...

Дорога на Пентал заняла два с половиной дня. Настоящий цирк разразился на корабле: Владимир и Коринф всячески пытались унять гнев Елены. Через двое суток она хотя бы перестала осыпать всех проклятиями: вероятно, сказался усиливающийся двухдневный голод. В медотсеке установлена собственная камера с санузлом и доступом к чистой воде, так что хотя бы от жажды и нужды Елена точно не страдала. Коринф старался гнать челнок на максимальной скорости. Он несколько раз предлагал Елене еду, на исходе второго дня она всё же согласилась. Коринф велел иону приоткрыть двери медотсека ровно настолько, чтобы просунуть Елене несколько упаковок с едой, но даже этого хватило, чтобы она высунула по плечо руку и чуть было не поцарапала Коринфа — он едва успел отскочить.

— Фурия в аду явно не настолько страшна, как эта взбешённая женщина... — устало заключил Коринф.

Через два с половиной дня челнок уже стремительно заходил на посадку на Пентале, направляясь напрямик к ферме учёного Аристариев. Всю дорогу Коринф практически не спал, вздрагивая и просыпаясь от каждого шороха: каждый раз ему мерещилось, что Елена каким-то чудом выбралась из своего заключения и уже режет ему горло, или разбивает череп чем-то тяжёлыми, или пытается лишить жизни другими изощрёнными способами.

Челнок спешно спускался над грозовыми облаками. В этот раз посещение Пентала было немного омрачено начинающимися дождями: обширные разноцветные поля, зелёные луга, долины и темные леса начали казаться безрадостными и угрюмыми — или это просто такое настроение было у Коринфа. Челнок влетел в область дождя. Гравитационное поле вокруг корпуса не позволяло каплям надолго задерживаться на поверхности. Наконец область посадки была достигнута, и челнок аккуратно приземлился. Коринф наспех накинул куртку, вытряс из какой-то походной сумки на складе кучу важных предметов и сунул в неё ключ.

— А что нам тут? — недовольно спросил Владимир.

— Не знаю. Ждите, следите за обстановкой, не выпускайте Елену! Я постараюсь быстро...

Коринф спешно спустился с посадочной ramпы и стремительно побежал под дождём к дому учёного Аристариев. В этот раз учёный не вышел встречать. Коринф добежал и начал настойчиво звонить в дверь. Наконец учёный открыл, пустив Коринфа внутрь.

— Я погляжу, в этот раз агрессивная барышня осталась на корабле? Я же всё Вам рассказал, зачем Вы вернулись? — недовольно спросил учёный, сжимая какой-то чёрный предмет в руках.

— Я не причиню Вам вреда... Я долго думал о Ваших словах, о том, что Вы говорили, что ключ может быть не тем, чем кажется... — ответил Коринф, аккуратно протягивая вперёд руки, показывая, что он не вооружён.

— Да?! Ну и что? Зачем пожаловал-то?! — всё ещё с недоверием, но уже явно успокаиваясь, ответил учёный.

Коринф прошёл к столу, раскрывая сумку.

— В общем, вот! Я нашёл ключ и привёз, чтобы Вы посмотрели и помогли разобраться, представляет ли ключ опасность! — решительно ответил Коринф, вынимая ключ на стол и отходя немного в сторону, чтобы учёному было хорошо видно.

Лицо учёного начало принимать белый оттенок, его глаза расширились, а рот распахнулся то ли в удивлении, то ли в ужасе. Взяв себя в руки, учёный бросился к столу, схватившись за голову.

— Что Вы натворили?! На кой чёрт Вы приволокли ключ сюда?! — голос учёного был сдавленный, он еле находил силы, чтобы говорить: казалось, что его дыхание сбилось и он вот-вот начнёт задыхаться от волнения.

Учёный начал практически бегать по просторной гостиной туда-сюда, периодически поглядывая на ключ:

— Вы безумец! Кто-нибудь знает, что Вы направлялись сюда?!

— Н-нет... — неуверенно ответил Коринф.

— Думай, мальчишка! Думай!!! Кто-то мог за вами следить?! Кто-то может знать, что вы были здесь?! — учёный подбежал, схватил и начал трясти Коринфа за плечи.

— Да нет же! Мы ни с кем не выходили на связь с тех пор, как нашли ключ на потерпевшем крушение корабле Аристариев! — недовольным голосом ответил Коринф.

— Отлично! Очень хорошо! — учёный практически обезумел от волнения, он бережно схватил со стола ключ и начал совать его Коринфу практически в лицо: — Возьмите! Возьмите и улетайте! Немедленно!

— Да успокойтесь Вы! Вы же сами говорили, что ключ может быть опасен! Только Вы остались в этом секторе, кто может понять технологию Аристариев. Вы должны осмотреть ключ! Вы же должны хотя бы что-то знать! — начал уговаривать учёного Коринф, отпихивая учёного с ключом от себя.

— Да! Ключ опасен! Безмерно опасен! За ним же охотится весь сектор! Все самые страшные головорезы, убийцы и истязатели! Все они ищут этот ключ! И что сделали Вы?! Притащили его прямо ко мне домой!!! Безумец!!! Вы что, не понимаете?! Они прилетят и убьют меня и всю мою семью просто за то, что я видел Вас и видел ключ!!! Сейчас же! Убирайтесь из моего дома вместе с этим проклятьем!!! — учёный был уже практически в

панике.

— Нет! Вы говорили, что ключ может быть не тем, что мы думаем! Если я уйду и отдам ключ Основателям — что, если это в самом деле нанесёт вред Саратуму?!

— Мне всё равно! Я не хочу быть к этому причастен никаким образом! Я покинул проект давным-давно: даже если бы хотел, я всё равно не смог бы Вам ничем помочь! Я прошу Вас! Я умоляю! Уходите! — голос учёного начал срывать на истеричный крик. Коринф озадаченно взял ключ из рук учёного.

— Ну... Хотя бы ответьте: если я захочу его уничтожить, как мне это сделать?

— Я не знаю! Я даже не думаю, что Вам это удастся! Просто выкиньте его в космос через шлюз: пусть он навсегда останется там, в пустоте! Главное, уберите его из моего дома, с моей планеты!

Внезапно по дому пронёсся неприятный гудящий звук.

— О нет!!! — ошарашенно огляделся по сторонам учёный. — Что же Вы натворили?!!!

— Что это?! Что произошло?! — обеспокоенно спросил Коринф.

— Они здесь!!! Вы привели их прямо к моему дому!!! — учёный бросился к одному из мониторов. — Они здесь! Корабль! Приземляется как раз рядом с Вашим проклятым челноком!

Коринф обеспокоенно рванулся к монитору вслед за учёным. На экране в самом деле был виден челнок и приземляющийся неподалёку, прямо на поле, большой корабль Основателей.

— Это... Маркус! — ошарашенно произнёс Коринф, опознав некоторые знаки на борту корабля.

— Вон из моего дома! — практически взревел учёный, выталкивая Коринфа за дверь.

Коринф не сопротивлялся... Ещё пара мгновений, и он уже оказался на пороге дома учёного — сзади громко захлопнулась дверь. Стала слышна работа каких-то электронных устройств. Коринф решил отойти от дома учёного подобру-поздорову.

Что же делать дальше?! Коринф в ошеломлении стоял посреди двора напротив дома учёного. Холодные капли дождя барабанили по его плечам и голове. Он приоткрыл сумку и ещё раз посмотрел на ключ: на него также падали капли дождя, скапливаясь и стекая с полированного металла и участков уплотнённого стекла, через который просачивался слабый фиолетово-синий свет.

Что же делать? Коринф взглянул под навес рядом с домом, под которым в ряд стояли четыре больших автоматизированных фермерских комбайна и примитивный автомобиль на гравитационной подушке. Коринф, конечно же, мог бы угнать это быстроходное транспортное средство: возможно, учёный даже с радостью согласится одолжить свой автомобиль, лишь бы Коринф убрался поскорее с его территории. Только куда ехать, да и зачем? Если Коринф сейчас сбежит, он станет самым разыскиваемым преступником в секторе. Вряд ли ему удастся долго скрываться... Интересно, как Маркус узнал, что Коринф полетел на Пентал? А что, если это не Маркус?!

Мысли всё быстрее начали крутиться в обеспокоенной голове. Челнок! Надо возвращаться к челноку, ведь там остался Владимир и Елена... И Ион... Если Коринф не вернётся с ключом, им не поздоровится... Решение принято... Коринф закинул за спину сумку и уверенным шагом направился обратно к челноку. Через минут семь пути впереди уже была видна встречающая процессия. Большой космический корабль возвышался на фоне небольшого челнока: это казалось даже какой-то странно уместной аллюзией, будто большой старший брат возвышается над небольшим младшим... Коринф невольно улыбнулся. Перед челноком было около десяти оперативников Основания и Маркус, лично, собственной персоной. Ещё подойдя поближе, Коринф заметил Елену и Владимира: они сидели на коленях с заведёнными за спину руками напротив входа в челнок — несколько оперативников целилось им в затылки из винтовок. В правой руке Маркуса также был пистолет... Ситуация была крайне неприятная, но Коринф не чувствовал ни страха, ни даже беспокойства.

Когда до челнока оставалось метров двадцать, Маркус громогласно заговорил:

— А вот и он! Мой дорогой младший брат! Тот самый счастливчик, отыскавший для меня заветный ключик! — Маркус направил оружие на Елену. — Ближе не надо!

Коринф остановился, сведя перед собой руки в замок.

— Я очень не люблю покидать Саратум! Ещё больше я ненавижу покидать его в такой спешке! Я спрошу только один раз, брат, и если ответ меня не удовлетворит, мозги твоей подруги окрасят эту приятную зелёную траву! — Маркус слегка ткнул дулом Елене в висок — она недовольно отвела голову и брезгливо поморщилась. — Итак, где ключ?!

Выражение лица Маркуса стало мрачным и раздражённым, он внимательно уставился на Коринфа.

— Стой! Не надо кровопролития, брат! Ключ у меня! Я готов тебе его отдать!

— Вот как! Ну, тогда я готов его у тебя принять! — обрадованно ответил Маркус, отводя от Елены оружие, направляя его на Коринфа и показывая ему жестом приблизиться.

Коринф спешно подошёл. Множество винтовок было направлено на него. Он аккуратно поднял руки, показывая, что он не вооружён, демонстративно поднял одной рукой сумку и аккуратно запустил руку внутрь. Все

вокруг слегка напряглись. Коринф медленно достал из сумки ключ и протянул его Маркусу. Все Оперативники и сам Маркус будто бы ошелотились, ошарашенные тем, что видят самое вожделенное, самое искомое сокровище в секторе.

Маркус завороченно сделал пару шагов к Коринфу, не веря своим глазам. Он аккуратно, со всей возможной бережностью и мягкостью принял ключ из рук Коринфа и прижал к груди, будто младенца.

— Это невероятно... — вполголоса произнёс Маркус. Несколько секунд он стоял не в силах оторвать взгляд от ключа, но тут же опомнился: — Хорошо! — произнёс он негромко. — Я принимаю твой дар. В ответ жизни твоих возвращаются к тебе!

Маркус махнул рукой нескольким оперативникам — они, еле приходя в себя, подбежали к Владимиру и Елене, освободили их руки и подняли на ноги.

— Уходим! — громко крикнул Маркус и направился к своему кораблю. Он прошёл мимо Коринфа и похлопал его по плечу. Вслед за Маркусом к Коринфу подошла Елена: Коринф понимал, что его ждёт — он не собирался сопротивляться. Елена не разочаровала: она со всего маху, со всей силы ударила его под дых. Было больно. Коринф демонстративно рухнул перед ней на колени. Она схватила его за подбородок и сдавленным голосом произнесла практически на ухо:

— Ты бестолочь! Дуралей! Недоумок!!! — она слегка повернула его голову, чтобы он мог посмотреть ей в глаза — Коринф предпочёл не поднимать взгляд. — Ты же победил! Ключ был в твоих руках! Только в твоих! Зачем ты вернулся?!

— Ваши жизни... — еле заметно ответил Коринф.

Елена брезгливым движением оттолкнула его в сторону — Коринф опёрся на руку, чтобы не упасть в мокрую траву.

— Дурак! — сдавленно, со всей возможной ненавистью и демонстративным отвращением произнесла она и плюнула в его сторону. Плевком приземлился ему на колено...

Елена огляделась вокруг и бегом направилась догонять Маркуса, заняв место слева подле него, сразу за его плечом. Коринф улыбнулся и посмотрел им вслед. Через минуту они уже поднялись по рампе и скрылись за опустившейся переборкой в просторном грузовом отсеке большого космического корабля. Коринф спешно поднялся, и они с Владимиром поспешили укрыться внутри челнока, что было весьма вовремя: мощные маневровые атмосферные двигатели корабля Маркуса заработали на полную мощность — вокруг поднялась настоящая буря. Через пару мгновений корабль Маркуса скрылся за низкими грозовыми облаками...

Весь промокший от дождя Владимир устало опустился за стол в кубрике. Коринф устало сел напротив.

— Вот ведь как всё получилось... — устало начал Владимир. — Счастье было у нас прямо в руках... Вот ведь жизнь, да?

Странно, но, несмотря на всё произошедшее, Коринф был вполне спокоен. Он даже улыбнулся и через некоторое время ответил:

— Счастье? — он посмотрел будто бы вслед улетевшего корабля Маркуса. — Нет. Счастье всегда было у нас в руках, и оно никуда от нас не делось, старый друг...

Владимир непонимающе поднял взгляд.

— За время погони за этим злосчастным ключом я приобрёл намного больше, чем мы сейчас потеряли... Счастье не в ключе, не в деньгах или этой бешеной славе — счастье всегда было с нами. Не знаю насчёт тебя, но моё счастье всегда было со мной, только я всегда отказывался его замечать. Теперь я понял. Наверное, учёный Аристариев, так печально погибший на том корабле, открыл мне глаза... Мне не нужно всё это богатство и слава. Всю свою жизнь я играл по правилам Саратума. Я всегда равнялся на моего успешного старшего брата. Но зачем всё это было? Зачем нужна была вся эта безумная гонка длиною в жизнь? Всё, что мне всегда надо было, и так всегда было со мной. У меня есть челнок, есть ты, есть Ион. Я никак не хотел понять, но ведь я в самом деле был счастлив каждый раз, как мы выходили в открытый космос и ложились на маршрут, выполняя очередную доставку... Да и к тому же я часто замечал, как ты улыбаешься и радуешься всякий раз, когда ковыряешься в гондолах маневровых двигателей, заставляя их перестать скрипеть. Что нам ещё нужно, чтобы чувствовать себя счастливыми? — Коринф улыбаясь уставился на Владимира. Тот невольно отвёл взгляд, осмысливая новые идеи. — Я даже не думал, но наша работа, наша обыденная деятельность всегда мне нравилась! Стоило лишь по-другому взглянуть на неё... Стоило на пару минут остановиться и задуматься, ради чего вся эта беготня, что и кому я всю жизнь пытался доказать. Всю мою жизнь я жил не своей жизнью, но хватит этого. Теперь мы будем жить иначе! — Коринф ненадолго задумался. — Вернее, нет. Мы будем жить как прежде, только теперь мы будем позволять себе радоваться и получать удовольствие от того, что нам в самом деле доставляет удовольствие. Знаешь, а я хотел бы ещё как-нибудь принять участие в гонках... — в этот момент Коринф вспомнил про Митю. — Хотя... Возможно, и нет... Но, по крайней мере, я и дальше хочу заниматься нашими фрахтами!

— А как же все эти нахлебники и паразиты, которые вечно хотят нас надурить, как ты говорил? — с

недоверием спросил Владимир.

— Да и хрен бы с ними! Они есть и всегда будут. Но мы же тоже не лыком шиты! Мы вполне способны увидеть, когда нас пытаются надурить. Да чтоб им пусто было! Думаю, мы всегда сможем найти фрахты. Просто будем внимательны, будем учиться и дальше своему ремеслу, и никто уже не сможет нас дурить! И, думается, мы можем начать прямо с Пентала. Да! Точно! Поднимай нашу птичку в небо, и полетели в ближайший порт: возьмём-ка и выполним парочку простеньких фрахтов!

Владимир с некоторым недоверием посмотрел на Коринфа: таким одухотворённым и довольным он его не видел, вероятно, никогда. Уж не помешался ли он, не поехал ли крышей от всех этих передрыг?! Наверное, покажет время...

Глава 21 Саратум

Минуло несколько дней. В двухстах километрах на запад от центрального города Саратума, на территории военной части, было существенно больше оперативников, чем обычно. Разнообразные транспортные средства всё прибывали.

Была глубокая ночь. В просторном кабинете на большом основательном кресле перед большим голографическим столом сидел высокопоставленный чиновник Основателей. Он один за другим архивировал и закрывал разнообразные блоки данных. В кабинет уверенной, стремительной походкой вошёл стройный мужчина в чёрной форме.

— Ну? Всё готово? — немного растягивая слова, довольным голосом спросил полковник.

— Да! Я лично всё проверил. Ключ в наших руках! — бодрым, уверенным голосом ответил управляющий. — Маркус прибыл, он за дверью.

— Вы перевели ему задаток? — всё так же растягивая слова, продолжил полковник.

— Всё как Вы велели.

— Хорошо. Ладно. Давайте взглянем...

Управляющий подошёл к входу в кабинет, нажал на кнопку, и двери разъехались в стороны. В кабинет уверенной поступью вошёл Маркус. В правой руке он нёс солидный металлический чемодан. Он прошёл через весь кабинет и вытянулся по стойке смирно перед полковником, слегка поклонившись.

— Ну, давайте взглянем, — расплываясь в довольной улыбке, обратился к Маркусу полковник, простирая к нему руки.

Маркус оперативно водрузил на голографический стол чемодан, разблокировал запирающие механизмы и повернул ручками к полковнику. Полковник неспешно открыл верхнюю половину.

— О-о... Какая красота! — массивная рука полковника обхватила ключ с одной стороны, и он бережно поднял его из чемодана, рассматривая со всех сторон. Через минуту внимательного осмотра Полковник возвратил ключ обратно в чемодан и вновь обратился к Маркусу:

— Вы сослужили Основанию огромную службу! Вы герой всей нашей фракции. Я немедленно поднимаю Ваш статус и возвожу в майоры! Теперь Вы официально можете именовать себя достопочтенным майором Основания!

Маркус еле удерживал серьёзное выражение лица: горделивая, тщеславная улыбка так и рвалась наружу. Полковник тянул время, наслаждаясь процессом возвышения своего подчинённого.

— Весь Саратум узнает о Вашем достижении! А через два дня мы предстанем перед самым лидером нашей фракции! Вам будет дозволено лично встретиться с Основателем и присутствовать при передаче ему этого великолепного сокровища! И, конечно же, богатая награда! Часть награды управляющий уже перечислил в Ваше распоряжение. Ха-ха, должен сказать, взаиморасчёты с Вами порядком проредили наши капиталы! — полковник улыбаясь укоризненно покачал пальцем. — Но награда должна быть уплачена в полном объёме: управляющий лично проследит, чтобы Вы получили всё целиком до завершения следующего же дня, — полковник похлопал по чемодану и ловким движением развернул его обратно к Маркусу. — Перенесите ключ в наше специальное сверхзащищённое хранилище. Я позволяю Вам лично участвовать в его охране до момента передачи нашему лидеру! Вы можете быть свободны! И... Поздравляю! — полковник протянул руку Маркусу.

Маркус, еле сдерживая эмоции, прямо впился в руку полковника обеими своими ладонями и затряс что было силы, после чего заблокировал чемодан и спешно вышел из кабинета.

— Вот ведь ничтожество... — презрительно произнёс полковник, протирая руку мягкой белой салфеткой. — Убедись, что награда в полном объёме дойдёт до этого павлина. Он что же, в самом деле приволок ключ лично тебе? — полковник удивлённо приподнял брови.

— Лично мне, как мы и планировали, — удовлетворённо ответил управляющий.

— Вот ведь идиот... — ответил полковник с немного удивлённым выражением лица. — А что с этой... Как её... С девчонкой...

— Также была вознаграждена... — уже менее уверенно ответил управляющий.

— Чего ж она не приволокла нам ключ?

— Насколько мне известно, у неё какой-то конфликт возник — она не смогла... — озадаченно ответил управляющий.

— А Вы же на неё такую ставку делали... Эх... Теряете хватку, — полковник практически засмеялся и так же назидательно покачал пальцем управляющему. Мужчина ничего не ответил, он лишь виновато приподнял плечи.

— Ладно, обеспечьте охрану. С этого момента всё должно быть безукоризненно! Идите, — полковник жестом указал управляющему на дверь. Тот послушно ретировался.

Полковник проводил управляющего взглядом, что-то нажал на панели возле голографического стола,

некоторое время о чём-то думал, немного переживая о чём-то своём, прогуливаясь взад-вперёд по просторному кабинету. Внезапно над панелью стола заморгала красная лампочка. Полковник опустился на колено на том самом месте, где совсем недавно стоял Маркус. На голографическом столе высветился образ Основателя.

Полковник почтительно поклонился и начал свой доклад:

— Господин, всё проверено и подтверждено: мои люди обнаружили и доставили ключ. Как только Вы прикажете, он будет доставлен в лабораторию, — голос полковника, казалось, даже стал выше. Он говорил быстро и обеспокоенно.

— Хорошо. Подготовьте церемонию и организуйте официальную передачу ключа через два дня.

— Всё будет исполнено в наилучшем виде!

— Я доволен Вами и Вашими службами, полковник. Продолжайте.

Изображение потухло. Полковник поднялся, подошёл и опёрся рукой на стол, стирая со лба пот мягкой белой салфеткой.

Через два дня была подготовлена официальная серьёзная церемония на самом высоком уровне. Полковник вместе с Маркусом и ещё несколькими высокопоставленными оперативниками Основания прибыл с официальным визитом в центральную башню Основания. Группа делегатов в присутствии самого лидера Основателей передала ключ группе учёных. После проведения всей церемонии запись этого высокого события транслировалась на весь Саратум.

Всю неделю продолжалось чествование героев и победителей, принимавших участие в розыске ключа. Что любопытно, ни полковник, ни управляющий нигде не принимали участие в этих помпезностях, зато Маркус превратился из никому не известного сержантишки в высокопоставленного, достопочтенного майора Основания. Теперь каждый считал за высочайшую честь записаться в его соратники и хотя бы немного примазаться к его славе и успеху. День ото дня Маркус стал всё сильнее и сильнее возноситься и кичиться своим новым положением высочайшего героя чуть ли ни всей нации. В течение месяца после своего чествования он растратил добрую половину своего обрётённого богатства на самые изысканные предметы роскоши, которые только мог себе представить. Он купил в своё личное пользование целый этаж в одной из престижных башен Основателей. Он приобрёл целый автопарк элитных гравитационных яхт. И, надо отдать ему должное, он также возвысил и щедро вознаграждал некоторых из своих особенно преданных псов и шакалов. Поговаривают, что и Елена получила солидный приз, однако с поры обнаружения ключа о ней почему-то совсем ничего не было слышно. Она ушла и растворилась в быстром потоке жизни Саратума.

Возможно, и Маркусу следовало бы быть слегка потише, но он уже не мог. Он принялся каждый день закатывать пышные приёмы и вечеринки в своём новом суперпрестижном дворце. Он даже купил себе целый гарем каких-то элитных девиц, ублажавших его практически круглые сутки. В итоге он даже принялся рассылать множество оскорбительных сообщений своим бывшим руководителям, всячески напоминая им, какие теперь они все ничтожества на его фоне, как сильно и несправедливо пренебрегали им, пока ещё имели на него влияние, — вот теперь пусть кусают свои бесполезные локти! Иной раз Маркус даже начинал задирать на чиновников и видных лиц, обладающих статусом и званием даже выше его, но он был героем, и пока всё было так, ему прощалось практически всё.

Пока Маркус необузданно придавался всем возможным радостям своей новой знаменитой и богатой жизни, в глубине лаборатории Саратума шла серьёзная подготовка. Целый месяц множество лучших учёных умов Основателей исследовало ключ. Не ясно, смогли ли они получить какие-то ценные сведения, однако в условиях строжайшей секретности при представительстве лидирующих лиц всех ведущих фракций и группировок произошла активация лаборатории. При соблюдении всех возможных предосторожностей ключ был помещён в приёмный слот — лаборатория ожила. Огромные потоки данных и энергии начали курсировать по её внутренним цепям. И в итоге... Ничего не произошло... Ничего из того, на что рассчитывали лидеры фракций. Лаборатория не начала выдавать огромные потоки энергии, способные в одночасье обеспечить нужды всего сектора. В лаборатории не открылись никакие секретные, спрятанные двери, предоставляя доступ сильным мира сего к новым, уникальным технологиям или оружию. Ничего... Лаборатория определённо ожила, в ней запустились какие-то автоматические функции, но больше ничего... Ни даже каких бы то ни было сигналов не последовало после активации, по крайней мере, никаких сигналов, которые могли бы перехватить, распознать или хотя бы запеленговать лучшие учёные Основания... Это был полный провал... Хрупкий мир между фракциями начал трещать по швам. Статус и авторитет лидера Основания пошатнулся. Пусть даже всю работу Основатели фактически выполнили самостоятельно, но за эту несбывшуюся мечту кто-то должен был ответить...

На беду, примерно через пару дней Маркус умудрился в пьяном угаре разбить свою гравитационную яхту, пропахав практически целый этаж одного из небоскрёбов Основателей, находящегося под управлением весьма влиятельного чиновника. К несчастью, слухи о полной неудаче при запуске лаборатории распространились очень быстро. Многие обиженные и оскорблённые Маркусом влиятельные личности поначалу аккуратно, неуверенно,

будто пробуя, а впоследствии уже открыто и агрессивно принялись бить его сперва по богатству, а потом уже по статусу и положению. Тучи начали сгущаться над ним с огромной скоростью. Без всеобщего успеха он постепенно начал становиться тем козлом отпущения, на которого вот-вот спустят всех разъярённых собак. В конце концов, именно он притащил этот ныне бесполезный ключ! Но Маркус был слишком занят, проводя свою новую жизнь в роскоши, излишествах и новых радостях. Некогда внимательный и чуткий Маркус полностью пропустил мимо ушей все многочисленные тревожные звоночки. Ослеплённый небывалыми и, вероятно, незаслуженными богатством и статусом, он принялся падать с той же невероятной скоростью, что и взлетел.

Всего два месяца заняло его полное падение. Как шакалы слетелись всевозможные чиновники, администраторы, юристы и прочие грифы, почуявшие запах мертвечины. Они принялись растаскивать и раздирать богатство Маркуса, раз за разом откусывая от него всё большие куски. Вскоре даже до зажавшегося Маркуса начало доходить положение вещей: постепенно его глаза распахнулись, и старое чутьё забило тревогу, но было уже поздно — с огромной скоростью он летел вниз со своего олимпа. Вскоре ему пришлось спешно распродавать свои шикарные апартаменты, свой автопарк и многие другие предметы роскоши. Само собой, практически с самого начала падения от него отвернулись все прихлебатели, льстецы и подхалимы, как, впрочем, и многие верные соратники.

Когда солидное состояние Маркуса было практически разворовано и растаскано по кускам, большие чиновники начали терять к нему интерес. Повсюду из теней повыползали его бывшие начальники — все те озлобленные и униженные чинушии, через чьи головы он так бесцеремонно и неосмотрительно переступил в момент своего триумфа. И им уже нужны были отнюдь не его поредевшие и практически исчерпанные богатства: они пришли за его жизнью и душой! Почувствовав реальную опасность для жизни, Маркус бросился в бега, растрчивая на своих немногих оставшихся соратников последние сбережения. В итоге ему удалось скрыться, раствориться как тень в самых нижних слоях общества Саратума. В завершение уничтожения его статуса озлобленные бывшие начальники устроили демонстративный позорный суд, где заочно лишили Маркуса всех регалий и даже званий. Теперь с формальной и статусной точки зрения он пал на самый низ социальной иерархии...

Лаборатория на Саратуме оказалась активирована. Поскольку никаких результатов Основанию это не дало, они приняли решение остановить лабораторию, чтобы лучше разобраться в ситуации. Ключ был извлечён. Но лаборатория не остановила свою работу. Лишь кое-где потухли мониторы, лишь некоторая часть передающих цепей замерла в ожидании...

Когда удача покинула одного брата, она, видимо, нашла прибежище у второго. Ведомый новыми жизненными принципами и фактически переосмысливший весь свой опыт, всю свою жизнь, Коринф начал неспешное постепенное восхождение. Он потратил часть своих средств на некоторое обновление и косметический ремонт челнока и принялся один за другим выполнять курьерские миссии.

Если раньше вся эта работа была ему в тягость, теперь, с его новой жизненной парадигмой, эта неспешная, размеренная жизнь начала наконец доставлять ему удовольствие. Его новый позитивный и удовлетворённый взгляд на жизнь заряжал энергией всех вокруг, и люди начали более благосклонно и расположено относиться к нему.

Через пару месяцев в голову Коринфу пришла замечательная идея: он решил критически оценить всю свою деятельность и разобраться в особенностях логистического рынка, в который он оказался встроен. Он подключил к этому процессу несколько светлых умов, и под его руководством они выявили интересные тенденции. Оказывается, весь глобальный рынок перевозок в секторе сконцентрирован в руках нескольких мегакорпораций и фактически целиком находится под контролем правящих элит двух фракций. Все эти транспортные гиганты заботятся лишь о самом главном: чтобы весь сектор на макроуровне был обеспечен товарооборотом. И все эти мегакорпорации совершенно не интересуют мелкий низший сектор: все эти частные мелкие заказы чересчур трудозатратны для контроля. Само собой, существуют целые внутренние подразделения в этих мегаструктурах, принимающие частные заказы на транспортировку, но обычно цены таких услуг запредельные, да и ответственность, и время выполнения фрахтов оставляют желать лучшего.

Получается, в руках Коринфа оказался целый просторный пласт крайне заинтересованных заказчиков: людям всегда нужно что-то куда-то перевезти, и если в рамках одной планеты они ещё вполне справляются, то с задачами транспортировки между планетами сектора уже возникают некоторые затруднения. Коринф, как это говорится, нашёл свою золотиносную жилу. Он постепенно начал думать о расширении. Хорошо разобравшись, как устроен этот рынок, он стал допускать существенно меньше досадных недоразумений, и ввести его в заблуждение, или попросту кинуть, стало уже гораздо труднее. Он начал грамотно выстраивать целые логистические маршруты: фактически через полгода он уже начал курсировать от планеты к планете на постоянной основе. Он как снежный ком оброс важными контактами и даже распространил крохотную агентскую сеть, обеспечивающую его бесперебойным потоком заказов. Через полгода его возросшего капитала уже вполне хватило на то, чтобы арендовать старое, дряхлое грузовое судно, уже целый век пылившееся в одном из многочисленных заброшенных ангаров Основателей. Объёмы перевозок существенно возросли. Всего через год Коринф смог полностью отремонтировать эту новую рабочую лошадку и даже выкупить её у его предыдущих хозяев, которые были только рады расстаться со своей бесполезной обузой.

В итоге по истечении двух лет кропотливого труда, базирующегося на принципах радости и получения удовольствия от своего трудового процесса, под командованием Коринфа оказался целый небольшой космический флот из двух грузовых и трёх челночных космических кораблей.

Через два года скитаний с Коринфом вышел на связь Маркус: фактически он попросил младшего брата о спасении. Подлые шакалы уже подбирались, чтобы впиться ему в глотку, или это уже просто была усилившаяся паранойя. Коринф приютил у себя своего брата. Ему пришлось солидно потратиться, чтобы обеспечить Маркусу новую личность и сбить со следа кровавых ищек. За два года постоянной погони и травли Маркуса было не узнать... Он жутко похудел и будто бы постарел лет на пятнадцать. Из некогда величественного и грозного сержанта Основания Маркус превратился в больного, сутулого, худощавого, маленького человека с впалыми щёками и глазами. Ещё полгода кропотливой заботы потребовалось, чтобы хотя бы как-то поставить его на ноги. В течение всего этого времени тяжелой реабилитации Коринф практически каждый день по полчаса, а иногда по несколько часов беседовал со своим старшим братом, пытаясь вернуть его к жизни. Только три месяца ушло на то, чтобы снять Маркуса с какой-то новомодной наркотической дряни, на которую он подсел, чтобы хоть как-то заглушить невыносимую боль в душе и сознании.

Но в итоге поддержка и кропотливый труд принесли свои плоды. Коринф постепенно встроил Маркуса в свой маленький транспортный проект: разрастающийся флот начал требовать серьёзного внимания и решения вопросов безопасности — в этом Маркусу не было равных. Опыт бывшего сержанта Основания сделал из негс непревзойдённого специалиста. Быстро вникнув во все аспекты деятельности Коринфа, Маркус без труда оптимизировал все вопросы безопасности, чтобы обеспечить полностью жизнеспособную управленческую структуру. Фактически Маркус создал настоящую службу безопасности. Постепенно за следующие несколько лет небольшой проект Коринфа разросся в достаточно крупное логистическое предприятие. И он хорошо заботился о своих служащих: со временем Коринф даже учредил настоящий фонд помощи своим преданным служащим,

занимавшимся в основном обучением людей жить по принципам, которые Коринф старался распространять вокруг себя.

Но былые страсти не могли изгладиться целиком. Время от времени у Маркуса случались небольшие кризисы: он мог ни с того ни с сего начать рыдать и восклицать что-то о своей былой жизни. Конечно же, он был осторожен, и даже в такие периоды практически полного беспамятства он никогда не выдавал никаких фактических подробностей, просто ограничиваясь общими фразами о своём былом величии и катастрофическом падении на самое дно. Таких историй было пруд пруди на всём Саратуме, так что никто не предавал этому должного внимания.

Временами братья предавались ностальгическим воспоминаниям, обсуждая разные события своей былой жизни. К этому времени Маркус уже смирился со своей участью, он даже постарался принять новые жизненные принципы, которые пропагандировал Коринф. Однако изредка прошлые страсти и обиды всё равно всплывали на поверхность его травмированного сознания.

Иногда вечерами двое братьев сидели в просторной капитанской каюте тяжёлого межпланетного транспорта и беседовали.

— А знаешь, братец, получается, в конце концов, наш отец был прав! — многозначительно говорил Маркус, уважительно глядя на Коринфа.

— Ты о чём это? — мягко и аккуратно спрашивал Коринф.

— Ну, так об этом всём. О твоём имени главным образом. Видишь, как оно в результате всё обернулось? В итоге младший брат стал по-настоящему великим, полностью затмив своими достижениями старшего.

— Да ну, скажешь тоже... — всё ещё неохотно и опасливо, не желая принимать какую-то похвалу от Маркуса, отвечал Коринф.

— Нет, я совершенно серьёзно, брат. Я... Я безмерно благодарен тебе, что ты приютил меня, и фактически именно ты вырвал меня из безжалостных лап смерти. Я никогда этого не забуду! — Маркус делал некоторую паузу, смотря куда-то вдаль. — И я прошу прощения. Мне безмерно стыдно, когда я вспоминаю, как я безобразно вёл себя с тобой все эти годы... — казалось, Маркус сейчас вновь придаётся своему кризису в воспоминаниях о былом, но он держался, на удивление, отлично.

— Да ну что ты... Пустое... Всё это осталось далеко в прошлом.

— Прошное делает наше будущее: оно помогает нам смотреть на тот путь, который мы прошли, и не совершать тех ошибок вновь, — наставительно говорил Маркус. — Моя чудовищная предыдущая жизнь, как бы ужасна она ни была, но именно она, именно весь тот опыт позволили нам создать в твоей великолепной компании эффективную структуру управления и безопасности.

— Это так, однако всё ещё кто-то по мелочи раз в пару месяцев всё же ворует наши топливные ячейки! — ехидно замечал Коринф. Маркус смущённо улыбался.

— Это наживное, брат. Я знаю всех, кто это мог бы быть, думаю, я мог бы прижать их в течение нескольких недель, но ладно уж, дадим крохотную свободу этим мелким проходимцам. Лучше мы потом, в случае чего, используем этот маленький козырь, чтобы хорошенько прижать этих оболтусов, если возникнет в самом деле опасная ситуация. Или это нам может потребоваться, чтобы испытать кого-то из нашей службы безопасности.

— И всё-то у тебя учтено, старший брат. Ты потому так долго и мастерски удерживал своих реакционных оперативников?

— А то как же! — удовлетворённо отвечал Маркус.

— Послушай... Мне всегда было любопытно... Как ты тогда так быстро узнал, что я лечу на Пентал с ключом? Установил скрытый жучок на моём корабле? — аккуратно попытался удовлетворить своё давнее любопытство Коринф. Маркус обернулся, посмотрел в глаза брату и заулыбался:

— Всё куда проще. Это была Елена.

— Да я же запер её в медотсеке. Как же она смогла? К тому же ты знал, что до нашей ссоры она хотела кинуть тебя и сама отдать ключ Основателям?

— Я догадывался. Когда она перепрограммировала передающее реле на челноке, она внедрила вредоносную программу, которую твой Ион, конечно же, пролопухал. Эта небольшая программа позволила ей в нужное время скрытно ото всех воспользоваться каналом связи прямо из медотсека. Возможно, она и хотела бы кинуть меня, но когда ситуация обернулась таким образом, что она могла и вовсе остаться без всего, она решила связаться со мной, чтобы в итоге получить хоть что-то. Задействовала кавалерию, так сказать...

— Ну, а почему же, если она оказалась тебе так полезна, ты в итоге чуть не застрелил её, когда шантажировал меня? — удивлённо спросил Коринф. Маркус едва заметно покривился от воспоминаний о своих недостойных поступках, вновь отвёл взгляд в сторону, но вполне удержал себя в руках.

— Я... Я запаниковал тогда... Я и Елена тогда жили одной только мыслью: выживает сильнейший. Ничто так не ценно, как собственная выгода, собственные результаты, успехи и победы. Перед такой высокой наградой мы

бы убили и предали абсолютно любого... — Маркус сделал многозначительную паузу. — Это в итоге меня и сгубило...

Он вновь повернулся и взглянул в глаза Коринфу своими уставшими, опечаленными, сломленными, но уже весьма благодарными и даже, вероятно, счастливыми глазами, и продолжил:

— Я запаниковал. Когда ты рассказывал о ваших приключениях с Еленой в бункере на Канье, я сразу понял, что между вами что-то проскочило, что ты стал явно равнодушен к ней. Я должен был воспользоваться любой возможностью, чтобы добраться до ключа.

— Но почему же после такого Елена всё ещё как верная собачонка побежала за тобой?

— Всё по той же причине: награда. Она допустила жуткую ошибку, что позволила тебе единолично завладеть ключом, но она всё же принесла мне пользу, выдав твой маршрут на Пентал, поэтому я позволил ей остаться и даже щедро наградил её в итоге. И она это понимала. Не важно, что я совершил, она бы всё равно побежала за ключом, забыв и похоронив в своей душе, что бы с ней кто ни сделал.

Маркус выдержал некоторую паузу, после чего продолжил:

— Меня больше удивляет другое. Меня безмерно удивило это тогда — меня это удивляет и сейчас. Конечно же, после стольких лет я, как мне кажется, понимаю тебя, но повтори ещё раз, почему ты тогда вернулся? Почему не умчал за наградой сам? Зачем отдал ключ? — Маркус в который раз показал искреннее удивление. Сколько Коринф ни прояснял этот и другой вопросы для него, вероятно, деформация сознания от его предыдущей жизни никак не позволяла ему взглянуть на мир иными глазами.

— Я вернулся, потому что мой ключ, моё счастье уже были в моих руках. Жизни Елены, Владимира, Иона, даже твоя жизнь для меня были более ценны, чем стоимость ключа. Мне не нужны были все эти почести и подачки от Основания. Я вдоволь наелся вашей презренной алчной и конкурентной борьбой, составляющей всё ваше существование. Я всегда инстинктивно стремился сбежать, найти свой, иной путь. И тогда я прозрел, нашёл выход. Нашёл путь, который, как оказалось, всегда был со мной.

— Всё же удивительный ты человек, брат... — вновь не веря во всю эту новую жизнь, ответил Маркус.

— А ты что же? Пройдя все эти бедствия и страдания и обретя наконец своё место, свою успешную и, наверное, даже богатую жизнь, ты бы захотел променять всё это, чего мы достигли, на ту триумфальную жизнь, которая у тебя была? — Коринф испытующе посмотрел на Маркуса.

Маркус ничего не ответил, он по-доброму улыбнулся, поднялся и направился по своим делам, мягко и заботливо похлопав младшего брата по плечу.

Больше книг на сайте - Knigoed.net